

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»

На правах рукописи

Капралова Екатерина Андреевна

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата философских наук

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ:
социально-философский анализ**

Специальность – 5.7.7.
Социальная и политическая философия

Научный руководитель
Д.ф.н, Митрошенков О.А.

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	С. 3
Глава 1. Социальное благополучие как философская и междисциплинарная проблема.....	С. 16
1.1. Эволюция и состояние исследований феномена социального благополучия в философской и научной мысли.....	С. 16
1.2. Проблематизация феномена социального благополучия.....	С. 41
Глава 2. Феномен социального благополучия в современном мире..	С. 62
2.1. Глокализация и плюриверсализация как характеристики современного мира и социальное благополучие.....	С. 62
2.2. Формирование виртуально-кибернетической реальности и трансформация смыслового содержания социального благополучия.....	С. 79
Глава 3. Информационные измерения феномена социального благополучия.....	С. 98
3.1. Социальное благополучие в ценностной шкале информационного мира.....	С. 98
3.2. Контуры и образ социального благополучия в виртуально-цифровой реальности.....	С. 107
3.3. Трансформация парадигм управления социальным благополучием в информационном обществе.....	С. 119
Заключение.....	С. 136
Список использованной литературы.....	С. 145

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Словосочетание «социальное благополучие» стало очень популярным в современном мире. К нему обращаются очень часто, тем не менее концептуально феномен социального благополучия разработан недостаточно. Непрояснённость феномена, его недостаточное осмысление ведёт к не вполне корректным и адекватным размышлениям, которые влияют на принимаемые в социально-культурной сфере общественные решения. В этом случае следует говорить о методологической ошибке, обнаруживающейся в искажении понимания феноменов, о которой писал М. Хайдеггер в работе «Бытие и время». «Это соккрытие как «искажение» самое частое и опаснейшее, потому что здесь возможности обмана и дезориентации особенно упорны. Состоящие в распоряжении, но в своей почвенной устойчивости замаскированные бытийные структуры и их концепции заявляют, возможно внутри определённой «системы», свои права»¹.

Кажущаяся очевидной связь социального благополучия с благополучием *per se* может вводить в заблуждение, однако само социальное благополучие проявляется в языке новым смыслом, который напрямую не связан с благополучием. Эта связь существует, но обнаруживается через сложную корреляцию индивида, социальных групп и социума, которые по-своему проходят рефлекссию феномена социального благополучия. Трансформация этого феномена вызывает повышенный интерес с точки зрения социально-гуманитарного знания в силу особенностей современного социума: углубление многомерных общественных связей, образование новых типов взаимодействий и общения (информационные, виртуальные социальные пространства) и прочее. Актуальность изучения феномена социального благополучия основана на

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – 5-е изд. – М.: Академический проспект, 2015. – С. 36.

тех современных вызовах, перед которыми стоит социум: глокализация², развитие искусственного разума, виртуально-кибернетическое пространство, проблемы мультикультурного общества, социальные сети, информационный взрыв и другие. Все это влияет на исследователей в их рефлексии благополучия.

Перед анализом трудов мыслителей с древних времен до середины XX века следует сделать важное допущение, связанное с языковым фактором. Поскольку само понятие социальное благополучие (на любых языках – греческий, латинский, английский, немецкий или русский) на начальных этапах истории философии не встречается, необходимо очертить круг релевантных понятий, которые в дальнейшем стали фундаментом для развития понятия социального благополучия. Для этого в работе используется как исторический метод, так и семантический анализ³.

Сам феномен социального благополучия в его современной форме начинал складываться во второй половине XX века. «Фактором, обуславливающим актуализацию исследования феномена социального благополучия, выступают процессы глобализации, межкультурной интеграции и формирования поликультурного мирового социального пространства»⁴.

В середине XX века в нескольких отраслях знания появляются значимые концепции, имеющие своей целью детальное исследование понятия благополучия. В психологии, психиатрии, социологии, философии, в экономических науках издаются работы по изучению предметного поля феномена благополучия. Выделяются новые методы изучения, новые классификации, внедряются системы показателей. Наконец, фиксируется и само социальное благополучие. Это проявляется в рефлексии многомерного

² Под глокализацией обычно подразумевают процесс совместного развития двух разнонаправленных тенденций: расширение глобальных явлений и сохранение региональных культурных отличий.

³ Далее мы будем использовать некоторые методы школ аналитической философии, в частности лингвистической философии.

⁴ Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 26.

понятия благополучия, к которому в области научного мировоззрения, религиозного развития и в быту общество подходит через понимание и тестирование разных терминов и понятий. В научных и философских изданиях становятся более значимыми такие концепты как потребность, польза, счастье, спасение души.

Тем не менее непрояснённая феномена социального благополучия делает возможным его слишком узкую трактовку, что приводит к неточному осмыслению феномена, неверному использованию понятий. Как результат часть исследователей имеют тенденцию использовать понятие социального благополучия лишь как отражение методик и практик социальной работы⁵. Однако сам феномен распространен в социальной практике и нуждается в философском осмыслении. Недостаточно проработан сам термин – многие исследователи отождествляют социальное благополучие с благополучием как таковым (*per se*), а благополучие – с благосостоянием. Некоторые вводят классификацию типов благополучия, где социальное благополучие лишь один из его типов, что выглядит непоследовательно⁶. Слишком широкое толкование как феномена, так и категории социального благополучия приводит к некорректным выводам, которые имеют значение для всех сфер общества. В свою очередь, узкое толкование также приводит к неточному использованию моделей управления в социокультурных проектах.

Существует также языковая проблема при переводе некоторых терминов с иностранных языков на русский. Часть исследователей переводят английские термины *welfare*, *well-being* как социальное благополучие⁷. Это приводит к некорректности в трактовке терминов и

⁵ Например: Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие / А.А. Власова, Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева; Яросл. Гос. Ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2017

⁶ Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*, 1984, 95(3), P. 542–575.

⁷ Так, например в учебном пособии при переводе книги Дж. Хартера и Т.Рата «Все отлично! Пять элементов благополучия» слово *well-being* переводится как социальное благополучие. В других же переводах это переводится как просто благополучие: «Джеймс Хартер и Том Рат в книге «Все отлично! Пять элементов благополучия» в качестве элементов социального благополучия выделяют профессиональное, социальное, финансовое, физическое и благополучие в среде проживания». В результате чего парадоксальным образом, согласно тексту, социальное благополучие является одним из типов социального благополучия. Это конечно же, логически некорректно.

некоторых выводов. Переводные же работы крайне важны, так как именно зарубежные исследователи значительно продвинулись в своем анализе. Недостаточно проработана и смысловая граница между социальным благополучием индивида и социальным благополучием в обществе.

Практический аспект актуальности изучения социального благополучия видится в осмыслении трансформации этого феномена в современном динамично меняющемся мире. Появление в XX веке общественной модели с социально ориентированной экономикой, где потребности и права человека были поставлены в центр всей системы, стало важным фактором для решения накопившихся проблем в капиталистических отношениях и рыночной философии, а также изменило рефлексию социального благополучия. Развитие технологий (роботизация, искусственный интеллект, машинное обучение, умные алгоритмы) трансформирует феномен и дальше. Это помогает решить часть социальных проблем и катализирует изменения в области эволюции управления социальным благополучием.

Социум, группы людей, отдельные индивиды, находясь в контексте информационного взрыва, развития виртуально-кибернетической реальности и в окружении меняющихся новых технологий, живут в постоянном переосмыслении социального благополучия. Формирующаяся философия киберцентризма вынуждает осмысливать логично вытекающее сравнение способностей человека и искусственного интеллекта или машин. Таким образом намечаются новые социальные вызовы в области рефлексии социального благополучия в информационном мире, которые могут базироваться на ощущении человеком своего несовершенства, математизации мышления при конструировании социальных процессов, а также на страхе технологической безработицы.

Анализ этих тенденций выявляет новые вопросы, которые общество должно поставить. Например, какой смысл необходимо вкладывать во

многие привычные социальные практики, если социальное благополучие будет трансформироваться от потребностей человека в сторону удовлетворения потребностей симбиоза человека и машины. Какие изменения необходимо инициировать на уровне государственных инициатив, чтобы задавать ориентиры в процессе модификации общества через изменение роли труда, образования и других социальных практик, если спрос на человеческий труд в силу дальнейшей роботизации будет снижен.

Объект исследования – феномен социального благополучия.

Предмет исследования – трансформация феномена социального благополучия.

Цель исследования – определение сущности и специфики трансформации феномена социального благополучия не только как теоретического конструкта, но и как проблемное поле в современном событийном контексте в условиях виртуально-цифрового развития. Для достижения цели исследования в ходе работы были поставлены следующие **задачи**.

1. Проанализировать состояние и динамику исследований феномена социального благополучия в философской и научной мысли.
2. Выработать определение феномена социального благополучия и углубить смысловое содержание на основе его проблематизации.
3. Рассмотреть феномен социального благополучия в контексте глокализации и плюриверсализации как характеристик современного мира.
4. Показать взаимосвязь трансформации смыслового содержания феномена социального благополучия и процесса формирования виртуально-кибернетической реальности.
5. Выявить место социального благополучия в ценностной шкале информационного мира.

6. Очертить контуры и образ социального благополучия в виртуально-цифровой реальности.

7. Исследовать трансформацию парадигм управления социальным благополучием в информационном обществе.

Теоретической основой исследования послужили работы российских и зарубежных философов и ученых. В исследовании использованы общетеоретические работы по философии, социологии, психологии и экономике – в области, касающейся социального благополучия и близких смысловых понятий (благо, удовольствие, счастье). По этой причине логично структурировать использованные источники в следующем порядке.

1. Для рассматриваемой проблематики значимыми работами являются труды о счастье, благе, удовольствии, добродетели (Аристотель⁸, Платон⁹, Августин¹⁰, М. Монтень¹¹, И. Кант¹², Г. Гегель¹³, Ф. Менгер¹⁴, К. Маркс¹⁵), о классификации удовольствий (Эпикур¹⁶), о блаженстве (Б. Спиноза¹⁷); а также о категориях пользы, полезности (И. Бентам¹⁸, Дж. Милль¹⁹). В работе рассматриваются отдельные элементы экономических учений, где исследуются вопросы о богатстве, доходе, стоимости (А. Смит²⁰), о потребностях (Мальтус²¹), о предельной полезности (представители

⁸ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А.И. Доватура. – Мысль, 1983.

⁹ Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994.

¹⁰ Августин А. Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991.

¹¹ Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн.1. – М.: Наука, 1979.

¹² Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.3. М.: Чоро, 1994.

¹³ Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т.2. Сост., общая ред. А.В.Гулыгин. М.: Мысль. 1971.

¹⁴ Менгер К. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.

¹⁵ Маркс К. Капитал / Пер. с нем. С. Алексеева. – М.: Издательство АСТ. 2019.

¹⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1979.

¹⁷ Спиноза Б. Этика. – СПб: Азбука, 2012.

¹⁸ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998.

¹⁹ Милль Дж. Утилитаризм. / Пер. с англ. А.С. Земерова. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013.

²⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн.1// Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. – М.: Эконом-Ключ, 1993.

²¹ Блауг М. Теория перепроизводства Мальтуса // Экономическая мысль в ретроспективе - М.: Дело, 1994.

австрийской политической экономии Е. Бем-Баверк²², К. Менгер²³, Ф. Визер²⁴). Изучение экономической специфики продолжено в работах по темам теории благосостояния (А. Пигу²⁵, Дж. Кейнс²⁶), социально ориентированной экономики (В. Ойкен²⁷, Й. Шумпетер²⁸). Эти исследования сформировали фундамент методологических и практических наработок в области государства всеобщего благосостояния.

2. Феномен социального благополучия глубоко связан с явлениями, которые рассматриваются в исследованиях школы гуманистической психологии (А. Маслоу²⁹), в области экзистенциальных вопросов поиска смысла жизни (В. Франкл³⁰, Э. Фромм³¹). Понятие психологического благополучия рассматривается в работах Н. Брэдбурна³² и В. Вилсона³³, понятие субъективного благополучия введено в научный оборот в работах социальных психологов (Э. Динер³⁴, А. Кэмпбелл, П. Конверс, В. Роджерс³⁵, К. Рифф³⁶). В работе также рассмотрены современные методические работы в области социального благополучия, которые в основном постулируются в рамках социальной защиты населения (Е. Костина³⁷, Г. Макдональд³⁸).

²² Бем-Баверк, Ойген. Основы теории ценности хозяйственных благ // Избранные труды о ценности, проценте и капитале/ Ойген фон Бем-Баверк. – М.: Эксмо, 2009

²³ Менгер К. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.

²⁴ Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992.

²⁵ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. – М.: Прогресс. 1985.

²⁶ Кейнс. Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. М.: Прогресс. 1978.

²⁷ Ойкен В. Основные принципы экономической политики// Пер. с нем. под общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. – М.: Прогресс, 1995.

²⁸ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.

²⁹ Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2007.

³⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. — М.: Прогресс, 1990.

³¹ Фромм Э. Искусство быть / Пер. с англ. А. Александровой, С. Скворцова. – М.: Издательство АСТ, 2017.

³² Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine. 1969.

³³ Wilson W. Correlates of Avowed happiness // Psychological Bulletin. 1967.

³⁴ Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin, 1984, 95(3).

³⁵ Campbell A., Converse E., Rodgers W. The quality of American life. New York: Russell Sage Foundation, 1976

³⁶ Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current directions in psychological science. 1995. Vol. 40.

³⁷ Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // UNIVERSUM: Общественные науки – 2015 №6. (<https://elibrary.ru/item.asp?id=23650947>)

³⁸ Macdonald G. Social care: rhetoric and reality / What works. Evidence-based policy and practice in public service. Edited by: H. Davies, S. Nutley, P. Smith. The Policy Press. University of Bristol. 2000.

3. Социальное благополучие претерпевает трансформацию в информационном мире и в кибернетическом пространстве. Поэтому еще один важный блок работ – исследования в области понятий информационного общества и виртуального пространства. В работе использованы наработки исследований языковых систем как элементов виртуальной реальности (В. фон Гумбольдт³⁹, А. Вежбицкая⁴⁰). Основные теоретические работы по вопросам виртуальной реальности представлены зарубежными авторами (Дж. Ланье⁴¹, М. Хейм⁴², Ф. Хэмит⁴³, Д. Харауэй⁴⁴), и отечественными (А. Хоружий⁴⁵, Н. Носов⁴⁶, И. Корсунцев⁴⁷). Общие вопросы глобализации и глокализации рассмотрены в трудах Р. Робертсона⁴⁸, Я. Недервеена⁴⁹.

6. По теме проблематизации рефлексии социального благополучия к важным методологическим работам относятся и исследования, показывающие плюриверсальность социальных практик (С. Платонова⁵⁰), а также плюриверсальность и разнообразие в социальном благополучии (К.

³⁹ Wilhelm von Humboldts Werke. 17. Bde. A. Leitzmann (Hg.). Berlin: B.Behr, 1903–1936.

⁴⁰ Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press. 1992.

⁴¹ Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Deckle Edge. 2010.

⁴² Heim M. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice, and promise. Edited by Sandra K. Hesel and Judith Paris Roth. Meckler publishing. London. 1991.

⁴³ Hammet F. Virtual Reality – New York: Straus Ed. – 1993.

⁴⁴ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. – М.: Росспэн., 2005.

⁴⁵ Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации // Культура и искусство. 2012. №. 3(9). С.46-49.

⁴⁶ Носов Н. А. Манифест виртуалистики // Труды лаб. виртуалистики. Вып. 15. – М.: Путь. 2001.

⁴⁷ Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. – М., 1997.

⁴⁸ Robertson R. Comments on the Global Triad and Glocalization. In Inoue, N (ed.) Globalization and Indigenous Culture. Institute for Japanese Culture and Classics. Tokyo: Kokugakuin University, 1997.

⁴⁹ Nederveen J. Globalization and Culture: Global Melange. – Rowman and Littlefield, third revised edition. 2015.

⁵⁰ Платонова С.И. Особенности российской социологии: наследие прошлого и вызовы настоящего // Международный научно-исследовательский журнал. №2 (68). 2018

Кафестиос⁵¹, Д. Шек⁵², С. Жаныцун⁵³, А. Абдель-Халек⁵⁴, Д. Шмоткин⁵⁵, Т. Кусаго⁵⁶, Д. Штрюмпер⁵⁷).

Методологической основой исследования являются следующие подходы и методы:

- *системный метод*, позволяющий получить целостное представление о рефлексии социального благополучия в ретроспективе и в современном контексте глокализации и плюриверсализации;

- *структурно-функциональный*, дающий возможность провести тщательный анализ понятийного аппарата проблемы рефлексии социального благополучия, предложить авторское определение феномена, исследовать динамику феномена в виртуально-кибернетическом пространстве;

- *исторический*, описывающий генезис, становление и развитие феномена социального благополучия и близких по смыслу явлений, изученных в разное время; этот метод дает возможность отследить динамику трансформаций феномена к контексте тех или иных исторических мировоззренческих концепций;

- *сравнительный*, позволяющий осуществить компаративный анализ современных практик и теории в области социального благополучия, выделить лингвоспецифичность феномена.

Авторский подход состоит в использовании концептуально-методологической основы *междисциплинарного метода* на базе

⁵¹ Kafestios, K., Sideridis G. Attachment, social support and well-being in young and older adults // Journal of Health Psychology. 11(6), 2006.

⁵² Shek D. Pioneer in Chinese Quality of Life Research // Applied Research Quality Life 13, 2018.

⁵³ Zhanjun Xing, Liqing Huang. A National Study on Subjunctive Well-being Scale for Chinese Citizens (SWBS-cc) // International Journal of Applied Psychology. No.9 (15). 2019.

⁵⁴ Ahmed M. Abdel-Khalek. Religiosity and subjective well-being in the Arab context: addendum and extrapolation // Mental Health, Religion and Culture. 2019. Vol. 22 (8).

⁵⁵ Shmotkin D., Avidor S., Shrira, A. The Role of the Hostile-World Scenario in Predicting Physical and Mental Health Outcomes in Older Adults // Journal of Aging and Health. 2016 (5).

⁵⁶ Kusago T. The evolutionary path of the 21st Hyogo Long-term Vision Project in Japan: community development, resilience, and well-being // Community Development Journal. 2017, №52 (1).

⁵⁷ Strümpfer D. The Strengths Perspective: Fortigenesis in Adult Life // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. 2006. Vol. 77. Issue 1.

диалектического и синергетического подходов. Необходимость такого подхода обоснована плюривесальностью современных социальных условий, многомерностью феномена, его непроясненностью и в том же время присутствием исследований этого феномена в разных научных отраслях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем.

1. Проанализированы состояние и проблема феномена социального благополучия в философской и научной мысли как с точки зрения междисциплинарности и многомерности феномена, так и с позиций вариантов его классифицирования.

2. Выработано определение феномена социального благополучия и уточнено смысловое содержание на основе его проблематизации, а также постановки качественно новых вопросов на разных уровнях и разных его измерениях.

3. На основе анализа и обзора философских идей раскрыта направленность и сущность влияния процесса формирования виртуально-кибернетической реальности на трансформацию смыслового содержания феномена социального благополучия в контексте глокализации и плюриверсализации как значимых характеристик современного мира.

4. Выявлено место социального благополучия в ценностной шкале информационного мира с учетом актуализации гуманистического подхода и выявления подмены рефлексии социального благополучия вопросами экономически оправданных инвестиций в условиях повышения роботизации. В виртуально-цифровой реальности очерчены контуры и образ социального благополучия, которые не определяются исключительно виртуально-цифровой реальностью, а могут меняться в зависимости от общественных приоритетов и выбора способа управления.

5. Рассмотрена трансформация парадигм управления социальным благополучием в информационном обществе в условиях ощущения человеком своего несовершенства, математизации мышления и технологической безработицы.

Теоретическая и практическая значимость. Положения диссертационного исследования могут послужить основой для более детального рассмотрения и использования феномена социального благополучия в социальной практике (государственное и муниципальное управление). Выводы работы могут быть использованы как в практических направлениях (социальная психология, теория социальной работы), так и в теоретических исследованиях в рамках трансформаций информационного общества и снижения спроса на человеческий труд.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на различных конференциях и семинарах. Так, тезисы диссертационного исследования были рассмотрены на круглом столе «Информационное пространство городских и сельских поселений России: традиции и инновации», проходившем в Общественной палате Российской Федерации⁵⁸. По итогам круглого стола подготовлены рекомендации для органов власти и некоммерческих организаций по развитию информационного пространства местных сообществ. Результаты диссертационной работы были использованы в программе Фонда общественных Инициатив, в частности, в проекте «Гуманитарная мастерская преподавателя как ресурс гражданского образования». В проекте было разработано методическое пособие «Гражданская позиция молодежи: методы и технологии формирования»⁵⁹.

⁵⁸ Круглый стол проходил 23.04.2013

⁵⁹ Фонд общественных Инициатив, Московская область, Нахабино, весенние, летние и осенние сессии 2015 года.

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 11 работ общим объемом 5,3 печатных листа. Включая три статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

- Капралова Е. А. Проблематизация феномена социального благополучия // Коммуникология. Том 10, №2, 2022 – 0,4 п.л. (входит в перечень научных изданий, **рекомендованных ВАК**).

- Капралова Е. А. Феномен социального благополучия в виртуально-цифровой реальности // Социология. №1, 2022. – 0,3 п.л. (входит в перечень научных изданий, **рекомендованных ВАК**).

- Kapralova E. Social well-being as philosophic topic: historical and semantic analysis (from Ancient time till XX century) // Norwegian Journal of development of the International Science № 78. Vol. 2. 2022. – 0,8 п.л.

- Капралова Е.А. Управление социальным благополучием молодежи // Государственная служба. №1 (87), 2014. – 0,4 п.л. (входит в перечень научных изданий, **рекомендованных ВАК**, включен в систему Российского индекса научного цитирования);

- Капралова Е.А. Воздействие средств массовой информации на человека // Государственная служба. №3 (95), 2015. – 0,4 п.л. (входит в перечень научных изданий, **рекомендованных ВАК**, включен в систему Российского индекса научного цитирования).

- Капралова Е.А. Управление социальным благополучием молодежи на региональном уровне // Российское государство и социально-экономические вызовы современности: статьи Международной научной конференции студентов и аспирантов⁶⁰. Том III. – Москва: Проспект, 2015 – 0,7 п.л.

- Капралова Е.А. Управление социальным благополучием как метод вовлечения молодежи в гражданское общество региональными СМИ // Ресурсы гражданского образования. Учебно-методический комплекс:

⁶⁰ Международная научно-практическая конференция «Россия и СНГ: геополитическая и экономическая трансформация». МИГСУ РАНХиГС, 17.04.2014.

сборник статей, программы, литература. – М.: Издательство «Пресс Бюро», 2015. – 0,5 п.л.

- Гуманитарный словарь преподавателя гражданского образования. Учебное пособие. (Капралова Е.А. – один из составителей) / Под общ. Ред. А.А. Романова, Б.В. Царькова (рук. ред. группы) – М. Издательство «Пресс Бюро», 2015.

- Капралова Е.А. Социальное благополучие как ключевой фактор управления социализацией молодежи и трансляции культурных ценностей // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практики социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва – Волгоград – Новосибирск – Рязань – Сыктывкар, (февраль – сентябрь 2017 г.). Вып.2 /Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. - 0,4 п.л

- Капралова Е.А. Благополучие: культурные последствия узкого подхода к определению в западном научном мире в эпоху сетевого общества // Государственное управление и развитие России: выбор приоритетов. Сборник статей международной конференц-сессии. Том 1. – М.: Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2017.- 0,3 п.л.

- Капралова Е.А. Социальное благополучие молодёжи: управление социальным благополучием молодёжи с помощью средств массовой информации и массовой коммуникации – Lambert Academic Publishing, 2018. – 1,1 п.л.

Структура работы. Структурно диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Эволюция и состояние исследований феномена социального благополучия в философской и научной мысли

Перед тем как поставить вопрос о *феномене социального благополучия*, необходимо наметить его (феномена) контуры. Уже сам факт употребления и привычности словосочетания «социальное благополучие» означает, что в обществе существует некий запрос на рефлексию, связанную с благополучием человека. Эта рефлексия обнаруживается прежде всего в языке. Его использование в официальных государственных, партийных программах и документах, в научной практике выражает то обстоятельство, что некий культурно и социально востребованный смысл стремится пробиться через различные словосочетания.

Феномен социального благополучия предполагает учёт по меньшей мере трёх обстоятельств. Во-первых, *социального пространства*⁶¹ и *социального времени*⁶². Многомерное социальное пространство, пронизанное многочисленными социальными отношениями и практиками, предопределяет основное направление исследования феномена социального благополучия. Важно понять комплексную структуру этих отношений, особенно в условиях множества вовлечённых в них сторон и культурно-исторического контекста (индивид, его рефератная группа, государство и его социально-экономическая политика, особенности бытовых отношений того или иного сообщества и т. д.). Необходимо учитывать и социальное

⁶¹ Понятие «социальное пространство» введено П. Бурдьё. Оно используется, в частности, в его книге: Бурдьё П. Физическое и социальное пространство. Источник: Бурдьё. П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А.Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С.50.

⁶² Понятие «социальное время» введено в работах С. Сорокина и Р.Мертон. В частности, П.Сорокин использует его в работе: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер.с англ. В.В.Сапова. – М.: Академический проспект, 2017. – С.231. Само понятие рассмотрено в более ранней совместной работе: Sorokin P., Merton R. K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. – 1937. № 5. P.615.

время как фактор, раскрывающий качества времени. Исторический принцип, который, в том числе, будет нами использован в исследовании, фиксирует объективную историческую составляющую общественного бытия. При этом уместно учитывать и культурные составляющие, особенности повседневного мышления в тот или иной период развития общества, в том числе и анализируя идеи, представленные мыслителями. Иными словами, необходимо учитывать влияние культурного контекста. Социальное время помогает увидеть субъективность и относительность социальных отношений и практик в тот или иной момент времени.

Во-вторых, в словосочетании «социальное благополучие» несомненна оценочная составляющая. Это подразумевает наличие субъекта, способного выдвинуть некое суждение, и определённого объекта, подлежащего рассмотрению и оцениванию. Для дальнейшего рассмотрения феномена дадим предварительное определение социального благополучия. *Социальное благополучие – это состояние удовлетворенности стремлений индивида и общества к определённым благам через культурно обусловленные и исторически определенные общественные отношения и институты, к числу которых относятся семья, трудовая сфера, государство.*

В-третьих, социально благополучным человеком называют того, кто соответствует наиболее распространённым ценностям, которые культивируются (сознательно или нет) в конкретном обществе или его части. В средневековом обществе (например, среди викингов⁶³, японских самураев и других воинствующих сообществ⁶⁴) люди вырабатывают определённые правила жизни, которые диктуют главенство таких

⁶³ О суровых правилах жизни можно судить хотя бы о воспитании скандинавских детей того времени. Вот что пишет арабский путешественник аль-Тартуши, попавший в город Шлезвиг в X веке: «Новорожденного ребёнка бросают в море, и если он не тонет – остаётся жить». См. подробнее: Гвин Дж. Викинги. Потомки Одина и Тора / Пер с англ. З.Ю. Метлицкой. – М.: ЗАО Цетрполиграф, 2003. С.171.

⁶⁴ О воинствующих сообществах более подробно: P.Heather. Empires and barbarians. – PanBooks. 2009.

ценностей, как храбрость и умение бесстрашно встретить смерть⁶⁵. Трансляция таких ценностей с малых лет формирует устойчивое отношение к поведению мужчины в быту и на войне. Викинги, например, высоко ценили красивую и храбрую смерть, о чём слагались легенды. Самурай мечтал умереть за своего господина в бою. С другой стороны, для современного человека важными вопросами становятся комфорт, качество жизни, что заметно не совпадает с ценностями социума средних веков. То есть важным критерием служит социальное одобрение – без него считаться социально благополучным человек не может. Для многих социальное благополучие в виде оценки индивида референтной группой является важным детерминирующим фактором при выборе социального поведения и постановки жизненных целей.

Для анализа феномена начнем с рассмотрения социального и культурного контекста, в которых он проявляется. Это потребует от нас изучить опыт философского и научного осмысления феномена социального благополучия в исторической перспективе. Понятие «социальное благополучие» не встречается в трудах исследователей до середины XX века. Если оно и встречается, то только как вспомогательное и не влекущее за собой отдельного анализа и разъяснений. Тем не менее на протяжении многих столетий философы создавали различные теории, описывающие рефлексию понятий, близких к понятию, являющимся ключевым в нашем диссертационном исследовании. Позднее, в XX веке западная мысль в области социологии и психологии выкристаллизовала такое понятие, как

⁶⁵ Об этом можно судить, прочитав наставления опытных самураев, которые сейчас известны под названием Кодекс Бусидо (яп. 武士道 буси-до, «путь воина»). Например, вот высказывание Ямамото Цунэтомо (1659 – 1719), который упоминает смерть и умение достойно умереть уже в самом начале своего труда: «Путь самурая сокрыт в смерти. Когда дело доходит до выбора, где третьего не дано, – выбирай смерть не колеблясь. Это – не самое сложное». Источник: Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. С.20.

благополучие, выделив при этом *субъективное благополучие* (*subjective well-being*)⁶⁶.

Многомерность феномена косвенно отражается в том, что благополучие старались описать в различных научных дисциплинах. Человеку свойственно стремление к благу, каким бы определением он сам ни пользовался для его понимания. Но поведение индивида часто не укладывается в теоретические модели, описывающие феномен благополучия. В современной западной литературе выделяются такие понятия как *welfare* (англ.) и *wellbeing* (англ.). В отечественных источниках оба слова переводятся как благополучие. *Welfare* относится преимущественно к экономике, а *wellbeing* – к психологии. Развитие концепций социального благополучия с середины XX века наблюдается прежде всего в англоязычной научной среде. Используя исторический метод и метод обобщения, мы выделяем два основных этапа осмысления социального благополучия в философии:

1. Период от Античности вплоть до середины XX века. В это время философы рассматривают вопросы благополучия как составные части других концепций, в том числе концепций в отдельных научных отраслях знания (социология, психология, экономика).

2. Период с середины XX века до наших дней, когда вопросы социального благополучия в ходе исследований трансформируются в самостоятельные научные концепции.

Очертим круг релевантных понятий для исследования. Выше мы уже сделали вывод о смысловой связи социального благополучия и благополучия ⁶⁷. В русском языке слово «благополучие» является однокоренным со словом «благо», которое отражает важнейшую философскую категорию (и согласно законам морфологического анализа

⁶⁶ Diener E., Suh M., Lucas R., Smith H. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, No. 2, P. 276-302.

⁶⁷ Снова оговоримся: утверждение о коннотации верно лишь для работ до середины XX века.

является корне- и смыслообразующей основой). Эта лингвистическая логика на подсознательном уровне подталкивает к безусловной связи понятий. Это обусловлено лингвистическим контекстом и логикой языка. Однако в других языках эти понятия не имеют такой выраженной корреляции.

У немецких исследователей благо обнаруживается в слове *Gut*, как и у англичан – *good*. У французов – *bein*. При этом благополучие по-немецки переводится как *Wohlstand* или *Wohlergehen*, благополучие у англичан – *well-being* или *welfare* (но это понятие ближе к слову благосостояние), а у французов – это *prospérité* или *bonheur* (что ближе к слову счастье). Но лингвистические конструкции древних греков больше похожи на конструкции современного русского языка. Под благом они имели в виду *eulogía* (эвлогия), а благополучие у них подразумевалось под словом *eudaimonía* (эвдемония), что в словарях переводят в том числе и как счастье, процветание, блаженство. Эти два слова имеют корневую основу *eu*, что переводится с древнегреческого как добро и благо (и схоже по смыслу с английским *good*). Однако в трудах Аристотеля понятие благо выводится от другого слова – *taíratōn* (тагатион). Именно оно чаще всего используется в «Никомаховой этике». Но он употребляет и такие слова, как благоденствие – *eu dizein* (эфедзен), а благополучие можно встретить в двух вариантах – *eu daimonía* (эвдемония) и *eu prattein* (эфпратин). В своих текстах Аристотель вводит даже внешнее благосостояние – *euteria* (эвтерия)⁶⁸.

По-латински благо это *beneficium*, а благополучие можно перевести с помощью таких слов, как *prosperitas* (это слово позже развивается во французском языке), *felicitatem* (ближе к понятию счастье, счастливая жизнь) и *welfare* (позднее развивается в английском языке, прежде всего в экономических теориях, и вследствие этого трансформировалось в понятие благосостояния). На основе этого сделаем вывод, что в части языков

⁶⁸ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А.И. Доватура. – Мысль, 1983. С.87.

(которыми пользовались философы в прошлом) существовала прямая смысловая коннотация между благом и благополучием, в некоторых других – отсутствовала.

Однако предварительный вывод о возможном влиянии языковых конструкций на взаимосвязь тех или иных философских понятий делает предмет нашего исследования более сложным и обширным. Для дальнейшего анализа мы расширим горизонт понятий, которые необходимо рассмотреть в концепциях прошлого: помимо благополучия мы включим в него и само понятие *благо*⁶⁹. Также мы рассмотрим концепции, в которых встречается описание счастья, благосостояния и благодати (в это понятие позднее трансформировался перевод греческого слова *εὐλογία* (эвлогия)).

В эпохи Античности и Средневековья первые научные идеи, зарождающие основы для дискуссий о благополучии, основаны на тесной рефлексии взаимосвязей природы, общества, человека (что выражалось в стремлении понять мир как единое целое, что впоследствии назовут *космоцентрическим* характером философии) и дальнейшем переходе к *теоцентризму*, где в основе лежит понимание Бога как источника всего. Уже в период Античности некоторые школы особое внимание уделяли вопросам счастья и благополучия, выделяя понятие эвдемония. По-разному интерпретируя это понятие, такие школы, как киренская, эпикурейская, киников выделяли необходимость удовлетворения всех потребностей человека и его внутреннюю работу: для достижения внутреннего спокойствия духа (эпикурейцы), для подавления внутренних страстей (киники) или просто для достижения удовольствия (киренская школа)⁷⁰. Школа стоиков уделяла внимание благополучной жизни в согласии с природой. Родоначальник стоицизма Зенон в работе «О человеческой

⁶⁹ Эти понятия (благо и благополучие) достаточно независимы по своему определению. Однако философские концепции, имеющие своим предметом благо как таковое, могут иметь важное исследовательское значение для предмета работы.

⁷⁰ Более подробно см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1979.

природе» размышлял о цели человеческой жизни и пришел к выводу, что жизнь в согласии с природой и есть высшая цель человека, что отождествляется с путем к добродетели. Он призывал строить жизнь исходя из законов природы. В этом его поддерживали Гекатон и Посидоний. В их размышлениях видны рекомендации для построения благополучной жизни – нужно строить сообразно общественным законам, которые в социуме являются аналогом природных законов: «закон этот – верный разум... это и есть добродетель и ровно текущая жизнь счастливого человека»⁷¹.

В своих беседах Сократ не раз затрагивал вопросы блага и счастья. Он считал: 1) удовольствие и счастье тождественны; 2) добродетель тождественна знанию. Он прямо утверждает: «Благо – не что иное, как удовольствие, и зло – не что иное, как страдание»⁷². Можно сделать вывод, что для достижения счастья нужно стремиться к удовольствию и одновременно избегать страданий. Эпикур ввел классификацию удовольствий⁷³. К первому классу удовольствий он относил удовольствия естественные и необходимые (стремление утолить жажду, голод). Вторым классом – естественные, но не необходимые (трапеза с изысканными блюдами). И третий класс – неестественные и не необходимые удовольствия (к ним можно отнести стремление к славе и т. д.). Во взглядах Эпикура прочитывается тезис о том, что для счастья индивид может ограничиться удовольствиями первого класса. Желания и удовольствия второго и третьего класса в полном их объеме никогда невозможно насытить. «Ведь всё, что мы делаем, мы делаем затем, чтобы не иметь ни боли, ни тревоги; и когда это, наконец, достигнуто, то всякая буря души рассеивается, так как

⁷¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1979. С.295-296.

⁷² Платон. Протагор // Платон. Сочинение в 4 т. Т. 1. / Общ. Ред. А.Ф. Лосев; Пер. с древнегреч. - М.: Мысль. 1990. С.471

⁷³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1979, С.439-441.

живому существу уже не надо к чему-то идти, словно к недостающему, и чего-то искать, словно для полноты душевных и телесных благ»⁷⁴.

Важнейший вклад в развитие философского подхода к благополучию внесли классики античной мысли Платон и Аристотель. Основу для благополучия (Платон использует понятие эвдемония, которое в комментариях переводят на русский язык и как счастье, и как благополучие⁷⁵) Платон видел в следующих добродетелях: самообладание, мужество и мудрость. В «Никомаховой этике» Аристотель размышляет среди прочего и о благополучии. Однако сначала он рассматривает понятие *блага*. Аристотель утверждает, что благо «различно для различных действий и искусств... Для врачевания – это здоровье, для военачальника – это победа...»⁷⁶. Логически он приходит к выводу, что среди всех благ существует и наивысшее благо (для его обозначения он использует слово *αριστον* (аристон)), которым является счастье: «Счастье, таким образом, – это высшее и самое прекрасное благо»⁷⁷. Аристотель также в первой книге «Никомаховой этики» высказывает мысль, что как мудрецы, так и обычные люди под высшим благом понимают счастливую жизнь (*ευδαιμονία*, эвдемония), а под ней понимают благоденствие (*ευ δζεν*, эфедзен), и благополучие (*ευ πραττειν*, эфпратин)⁷⁸.

Аристотель видит связь в социальной практике смыслов, обозначаемых однокоренными словами (на древнегреческом, через корень *ευ*). Такая же лингвистическая связь прослеживается и в понятиях русского языка через корневую основу «благ». По Аристотелю «счастье – это некая деятельность души в полноте добродетели»⁷⁹. Давая определение добродетели («добродетель есть сознательно избираемый склад [души],

⁷⁴ Там же. С.434.

⁷⁵ См. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. С. 650.

⁷⁶ Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ.Ред.А.И.Доватура – М.: Мысль, 1983. С.88.

⁷⁷ Там же. С.63.

⁷⁸ Там же. С.57.

⁷⁹ Там же. С.74.

состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек»⁸⁰), Аристотель подробно останавливается на некоторых примерах добродетели, а также вводит понятие «золотой середины»⁸¹.

Аристотель детально рассматривает некоторые добродетели и примеры нахождения золотой середины в них. Например, мужество – это золотая середина между трусостью и отчаянностью, щедрость – середина между скупостью и расточительностью⁸². Аристотель закрепляет свой принцип «следует избирать середину» практически в любых ситуациях, в том числе в интеллектуальной добродетели. То есть залог развития человека он видит в правильном сочетании рациональной (разума) и иррациональной (души) составляющих человека⁸³. А само счастье философ определил как созерцание, которое является действием философа, основанном на использовании высшей интеллектуальной добродетели – ума. Поскольку «счастье – это деятельность, сообразная добродетели, то, конечно, наивысшей... во всяком случае, деятельность этого по внутренне присущей ему добродетели и будет совершенным, [полным и завершенным] счастьем... Уже было сказано, что это созерцательная деятельность... эта деятельность является высшей, так как и ум – высшее в нас»⁸⁴.

Античные философы заложили фундамент дальнейшего исследования тем по вопросам благополучия. Многие их выводы о счастье и благах и их роли в жизни индивида стали отправной точкой рассуждений и дискурсов мыслителей вплоть до XX века. В средневековую эпоху богословские постулаты оказывают сильнейшее влияние на все сферы жизни общества: быт, политику, экономику, мировоззрение, науку.

⁸⁰ Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ.Ред.А.И.Доватура – М.: Мысль, 1983. С.87.

⁸¹ Понятие золотой середины является краеугольным моментом в его понимании благополучия. Достижение золотой середины – это главная цель добродетели. Впрочем, и сама золотая середина является добродетелью.

⁸² Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т.4 / Пер. с древнегреч.; Общ.Ред.А.И.Доватура – М.: Мысль, 1983.С.88.

⁸³ Там же. С.89.

⁸⁴ Там же. С.281.

Разрабатываются догматические концепции, которые определяют направление развития и философской мысли. Представители церкви выводят догматы о первородном грехе, то есть о наличии греха у всех людей, в том числе у детей. В «Исповеди» А. Августин пишет, обращаясь к Богу: «Горе грехам человеческим! Так говорит человек, и Ты милосердствуешь о нем, ибо Ты сотворил его, но не грех – в нем. Кто расскажет мне о младенчестве моем, кто откроет мне грехи его? Ибо кто чист от греха пред Тобою? Никто, даже младенец, хотя бы он прожил один только день»⁸⁵. В этой же работе А. Августин подробно описывает, что все люди предрасположены ко злу и стремятся к нему даже неосознанно⁸⁶.

Напрямую идеи благополучия не звучат в работах авторов, однако эта идея трансформируется в идею спасения души через принятие религиозных ценностей. В силу заложенного стремления человека к неосознанному злу для спасения души необходимо перестроить внутренний мир насильственно – через смирение и укрощение желаний. Христианская религиозная мысль выборочно наследует идеи Античности и даже элементы языческого мировоззрения в области счастья и блага. А. Августин в трактате «О жизни блаженной» («De Beata Vita», 386 г.) использует аристотелевское понимание высшего блага (то есть жизнь в духовном развитии) и добавляет толкование счастливого существования в вечной жизни после смерти⁸⁷. То есть идея счастья выносится за временные рамки одной жизни человека. Если за точку отчёта взять постулат А. Августина *о первородном грехе* любого человека (то есть *грех априори*) и соединить с его же концепцией о счастливой жизни после смерти, то жизнь в этом мире рассматривается не как осознанное движение в поисках счастья (Аристотель), а как искупление грехов и прохождение испытаний в качестве необходимого требования для получения права на счастливую жизнь вне телесной оболочки после смерти.

⁸⁵ Августин А. Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991. С.15

⁸⁶ См. подробнее: Августин А. Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991.

⁸⁷ См. подробнее: Блаженный Августин. Творения (том первый). Об истинной религии. СПб: Издательство «Алетейя».: УЦИММ-Пресс. 1998. С. 86-113.

В христианской религиозной практике появляется отдельное направление – *монашество*⁸⁸. С использованием этой формы служения христианская церковь в первые века нашей эры, казалось, нашла идеальный образ жизни, который вел к спасению души и обретению *благодати* (здесь богословы начинают использовать греческое слово *εὐλογία* (эвлогия), которое в дальнейшем трансформировалось в ритуальное благословение хлеба и воды; православная церковь использует слово *ἐνέργεια* (энергия)⁸⁹ для обозначения божественного действия; оба эти слова имеют греческий корень *ἐν*, о котором написано выше; однако католическая церковь использует латинское слово *gratia*) через аскетизм, то есть, по сути, к достижению благополучия в той форме, которая приветствовалась церковью⁹⁰. Именно монашество, казалось, предлагало наиболее верный путь к спасению (то есть благополучию после смерти) – через покаяние, аскезу и молитвы о спасении мира. Суровый аскетизм привлекал множество благородных и сильных духом людей. Это укрепляло образ монашества как единственно верной формы христианского благочестия и добродетели⁹¹.

Однако средневековое общество столкнулось с дилеммой дальнейшего социального развития: если монашеский образ единственно верный, значит и все общество должно последовать таким путём ради спасения души. К V-VI векам средневековое общество уже накопило опыт развития монашеских общин, выявилось множество причин для критики монахов (слабая дисциплина некоторых общин приводила к искажению церковных постулатов, чрезмерная аскеза приводила к элементарной антисанитарии и болезням и т. д.). Ответом на эту дилемму стало

⁸⁸ Институт монашества существовал и до зарождения христианства, в других более ранних религиях.

⁸⁹ Лосский В. Н. Паламитский синтез // Богословские труды. 1972.

⁹⁰ В определенный момент это движение настолько разрослось, что заставило представителей церкви даже вносить организационные вопросы управления монашеством в повестку Константинопольских соборов, так как монашество превращалось в неконтролируемое движение без каких-либо правил. См. подробнее: Шафф Ф. История христианской церкви. Том 3. «Никейское и посленикоевское христианство», 311-590 г. по Р.Х. СПб.: Мирт. 2012.

⁹¹ Само монашество стало подразделяться на несколько видов. Самыми суровыми видами были отшельничество и затворничество, подразумевавшие отказ от общения с людьми и тяжёлые испытания.

укрепление в церковных кругах понимания того, что монашеский образ жизни не является единственно верным для спасения души⁹².

Таким образом, средневековая религиозно-философская мысль предложила два пути спасения души (то есть благополучия после смерти) – через монашество и через обычный труд каждого человека с условием соблюдения религиозных правил⁹³. Церковь не навязывала монашеский образ, но жёстко следила за соблюдением религиозных правил, следование которым и являлось залогом благополучия. Рассматривая влияние церковных догматов на жизнь человека и общества в целом, мы видим, как церковь через своих мыслителей трансформировала понимание благополучия не только в бытовом понимании, но и повлияла на направление научно-философской мысли. Ранее древнегреческие философы рассматривали благополучие с позиции потребностей индивида. Церковь через переосмысление духовных потребностей сместила понимание благополучия в область трансцендентного, до конца не осознанного человеком. В этом случае церковь установила своих представителей и наделила их общественной силой для разъяснения людям, что им хорошо и что для них является счастьем. Таким образом, понятие благополучия рассматривалось через потребности церкви.

Дальнейшее развитие идей, посвященных благополучию, проходит в эпоху Возрождения, а затем и Нового Времени, когда исследователи глубже начинают разрабатывать тему потребностей человека, а также углубляется метод *политической экономии*. Концепция *теоцентризма* сменяется концепцией *антропоцентризма*. Философы начинают пересматривать религиозные догматы, в том числе в вопросах добродетели, благополучия,

⁹² Вводится понятие – миряне, то есть люди, принявшие христианство и живущие обычной жизнью, не уходя в служение церкви. Для этой части общества развивается идея спасения души через тяжёлый труд.

⁹³ Так, на одном из важнейших церковных соборов (Константинопольский Двукратный собор, проведенный в 861 году) было вынесено важнейшее решение, касающееся управления монашеским движением: «отноудь никого не сподоблять монашеского образа». Более того, вводились суровые ограничения и испытания для тех, кто хочет стать монахом. См. подробнее: Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. СПб.: «Алетейя», 2001. С.52.

счастья. Снова открывается наследие древнегреческих мыслителей, философов, ваятелей⁹⁴. М. Монтень в своих «Опытах» (1582 г.) немало места отводит вопросам счастья человека⁹⁵. Он продолжил традиции Эпикура и школы стоиков. Человек, ведомый эгоизмом, стремится к счастью. В этом его предназначение, а не в том, чтобы создавать себе нравственный идеал, к которому потом стремится. Монтень призывает к детальному изучению самого себя – только так человек, через глубокое познание своих собственных чувств и мыслей, может найти путь к индивидуальному счастью⁹⁶.

Интерес к внутреннему миру человека, прежде всего к его субъективным переживаниям, проявляют в период Возрождения практически все философы, описывающие вопросы этики. Лоренцо Валла поддерживал идеи эпикурейцев и считал естественным всё, что приводит человека к счастью и удовольствию⁹⁷. Итальянский гуманист Леонардо Бруни подробно критикует практику аскетизма и обосновывает необходимость всестороннего развития человека⁹⁸.

Религиозное влияние всё ещё существенно для многих философов. Б. Спиноза в эпоху Нового времени определял счастье как любовь к Богу. Человек может достичь *блаженства* (именно понятие «блаженство» Спиноза использует для уточнения высшего блага и счастья человека; напрямую он не использует понятия «благополучие», однако именно «блаженство» наиболее близко по своему значению к «благополучию» в том виде, в котором мы используем его в нашем историко-философском анализе) через стремление к знаниям, что в итоге ведет к познанию Бога и, следовательно, счастью. «Высшее благо для души есть познание Бога, а

⁹⁴ Более подробно См. Вазари Дж. Избранные жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

⁹⁵ Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн.1. – М.: Наука, 1979.

⁹⁶ Например, в его мыслях о добродетели: Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн.1. М.: Наука, 1979. С. 626.

⁹⁷ См. подробнее: Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. Перевод с латинского В. А. Андрушко, Н. В. Ревякиной, И. Х. Черняка // Памятники философской мысли. - М.: Наука, 1989.

⁹⁸ См. подробнее: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Под ред. Л. М. Брагиной. – М.: Изд-во Московского университета, 1985. С. 311—313.

высочайшая добродетель – познавать его»⁹⁹. Для обозначения слово «благо» он использует латинское *gratis*, блаженство – *beatitudine*. В трактате «Этика» (1677 г.), в главе «О человеческом рабстве или о силах аффектов» после теорем в пояснении Б. Спиноза развивает эту мысль: «самое полезное в жизни – совершенствовать свое познание или разум, и в этом одном состоит высшее счастье или блаженство человека; ибо блаженство есть не что иное, как душевное удовлетворение, возникающее вследствие созерцательного (интуитивного) познания Бога. Совершенствовать же свое познание – значит не что иное, как познавать Бога...»¹⁰⁰

Тем не менее Новое время приносит новые общественные отношения, которые начинают описывать с помощью новых понятий (введенных в научный оборот экономистами): «богатство» (англ. *wealth*), «доход» (англ. *income, revenue*), «стоимость» (англ. *value*). Начало этим идеям заложил в эпоху Просвещения А. Смит¹⁰¹. По А. Смицу, человек, преследующий свои корыстные интересы, «часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им»¹⁰².

В этике Канта счастье и благополучие человека рассматриваются в непосредственной связи с нравственностью. Так, в «Критике чистого разума» (1782 г.) Кант использует понятие *Seligkeit*, что можно перевести с немецкого как блаженство или счастье, и понятие *Gut* (нем.) – благо. Само понятие благополучие философ не использует. Ему ближе понятие блаженство, которое по своей сути всё ещё близко к теологии. Вот что Кант пишет: «...только блаженство в полной соразмерности с нравственностью разумных существ, благодаря которой они становятся достойными его, составляет высшее благо в мире...»¹⁰³. Важно заметить, что философ

⁹⁹ Спиноза Б. Этика. – СПб: Азбука, 2012. С. 261.

¹⁰⁰ Там же. С. 305.

¹⁰¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн.1// Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. – М.: Эконом-Ключ, 1993.

¹⁰² Там же. С.56

¹⁰³ Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.3. М.: Чоро, 1994. С.594.

использует немецкий язык, где слова «благо» и «блаженство» не имеют видимой языковой связи, как в древнегреческом или русском.

Гегель привносит правовой аспект в рассмотрение вопросов блага, благополучия и счастья. Для обозначения блага он использует немецкое слово *Wohlsein*. При этом использует и два важных термина – *Seligkeit* и *Glückseligkeit*. Оба можно перевести, как блаженство, благодать, благоденствие и даже счастье. В этом примере Гегель следует логике немецкого языка: два понятия отличаются частью *Glück*, что переводится как удача и как счастье¹⁰⁴. Далее философ делает вывод, «что и в благоденствии, и в удовольствии присутствует понятие удачи... Блаженство же (*Seligkeit*), напротив, состоит в том, что в нём нет удачи, что в нём соответствие внешнего бытия внутреннему желанию не является случайным»¹⁰⁵. Это логическое заключение Гегеля иллюстрирует влияние языковой коннотации двух слов-явлений, морфологически связанных одной корневой основой¹⁰⁶.

Вместе с капиталистическими отношениями в крупнейших державах XVIII века начинают развиваться и философские идеи, основанные на глубоком анализе изменений в общественной жизни того времени. В английской философии развивается целое направление, выводящее новую меру любым понятиям и отношениям в обществе – полезность (англ. *utility*). Это направление получило название *утилитаризм* (его основоположники – английский философ И. Бентам и шотландский экономист Дж. Милль).

В основе этого философского учения лежит пересмотр идей гедонизма и эвдемонизма древнегреческих философских школ. И. Бентам

¹⁰⁴ В немецком языке слова «счастье» и «удача» выражаются одним и тем же словом – *Glück*. Это может послужить почвой для гипотезы о языковой коннотации этих явлений в сознании людей, использующих немецкий язык, в том числе философов. Однако это выходит за рамки нашего исследования.

¹⁰⁵ Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т.2. Сост., общая ред. А.В.Гулыгин. М.: Мысль. 1971. С.34.

¹⁰⁶ Гегель добавляет своё религиозное понимание счастья: «То, что составляет полное удовлетворение или счастье, завершают только религия и чувство долга, ибо только в них отступают в сторону индивидуальные черты брэнного существа, которые могут быть лишь помехой действительности, остающейся несовершенной и незавершённой, однако в ней то, что называется счастьем земным...» См.: Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т.2. Сост., общая ред. А.В.Гулыгин. М.: Мысль. 1971. С.323.

выносит капиталистический принцип максимизации прибыли и минимизации расходов в область морали: морально то, что приносит максимальную пользу максимальному количеству людей¹⁰⁷. Это отражает дух капиталистических отношений, выводя максимизацию пользы как мерило счастья. Благополучие индивида (здесь он пользуется английским словом *welfare*) становится аналогом состояния предпринимателя (или фирмы), который действует логично и предсказуемо с целью снижения рисков и повышения удовольствия¹⁰⁸. В понятиях утилитаризма можно объяснить такие противоположные стремления, как эгоизм и альтруизм. В зависимости от стремлений человека, которые приносят больше пользы для него самого, он действует либо эгоистично (удовлетворение своих потребностей приносит больше радости), либо альтруистично (удовлетворение чужих потребностей приносит больше радости).

Важнейшая мысль утилитаризма в том, что индивид сам знает, что нужно делать для достижения счастья. А также он знает, насколько благополучен по сравнению с другими индивидами. То есть универсальная шкала измерения благополучия в виде пользы доступна для понимания всем и фактически осознанно используется всегда. В логике утилитаризма явственно просматривается стремление к объективной оценке субъективных факторов. При этом недостаточно уделяется внимания субъективным взглядам индивидов, а также различиям в жизненном опыте людей. В дальнейшем анализе и критике философско-этической системы утилитаризма были посвящено немало научных работ¹⁰⁹.

Идеи И. Бентама развил Дж. Милль. Он уточнил постулат об осознанном использовании понятия пользы и благополучия. Ему принадлежит цитата: «Лучше быть неудовлетворённым человеком, чем

¹⁰⁷ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С.47.

¹⁰⁸ Бентам И. даже ввел *felicific calculus* (лат.) – алгоритм для подсчёта удовольствий индивида.

¹⁰⁹ Willem van der Deijl. What happiness science can learn from John Stuart Mill // *International Journal of Wellbeing*. 2016. 6(1). P. 164-179. В этой работе показан обзор современных критических работ идей утилитаризма с точки зрения субъективного благополучия и вопросов измерения благополучия.

удовлетворённой свиньей, и неудовлетворённым Сократом, чем удовлетворённым глупцом; и если глупец, или свинья, имеют другое мнение, то это потому, что они видят только свою сторону вопроса»¹¹⁰. Дж. Милль считал, что блага и удовольствия нельзя оценивать только по количеству – их необходимо оценивать по качеству. Он различает блага разного порядка. Истинным благом должны считаться блага «высшего» порядка, например, духовное и интеллектуальное развитие¹¹¹.

Идеи экономического подхода были развёрнуто исследованы уже в XVIII-XIX вв. представителями классической политической экономии (Т.Р. Мальтус, Д. Рикардо¹¹², Ж.-Б. Сэй). В их теориях главными факторами выводятся материальное богатство и доход, изучением которых как теоретических понятий и занимается политическая экономия как наиболее бурно развивающаяся в то время отрасль знания. Вот как описывает Мальтус в работе «Опыт закона о народонаселении» (1798 г.) благополучие: «Пища, одежда, жилище, вообще всё, что предохраняет нас от страданий, причиняемых голодом и холодом, составляет наши самые неодолимые и общие потребности. Всеми признано, что желание добыть эти средства существования всегда было главной побудительной причиной деятельности человека, благодаря которой достигнуты бесчисленные выгоды и преимущества цивилизации. Погоня за этими благами и средства, употреблённые для достижения и удовлетворения ими наших важнейших потребностей, составляли до возникновения цивилизации и после её водворения главное благополучие половины человеческого рода»¹¹³.

¹¹⁰ Милль Дж. Утилитаризм. / Пер. с англ. А.С. Земерова. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. С.120.

¹¹¹ Эти идеи прослеживались и в отечественной научной мысли. Н.Г. Чернышевский, оказавший значительное влияние на революционное движение в России, во многом соглашался с идеями Дж. Милля. Об этом можно судить в предисловии, которое Н.Г. Чернышевский написал к российскому изданию Дж. Милля «Основания политической экономии с их частичным приложением к социальной философии». Это издание публиковалось частями в журнале «Современник» в 1860 году.

¹¹² Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 2. – СПб.: Экономическая школа, 2004.

¹¹³ Здесь он употребляет английское слово *welfare*. См. подробнее: Блауг М. Теория перепроизводства Мальтуса // Экономическая мысль в ретроспективе - М.: Дело, 1994. С. 150.

Одной из самобытных в это время является *школа австрийской политической экономии*, в рамках которой была создана теория предельной полезности благ (нем. *Grenznutzen*, англ. *marginal utility*). Помимо самих потребностей классики австрийской школы (Е. Бем-Баверк, К. Менгер, Ф. Визер) уделяли особое внимание степени удовлетворения потребностей¹¹⁴. То есть важно не только само благо, а степень его необходимости. В рамках этой научной школы была также предложена градация благ¹¹⁵.

Благополучие, согласно трудам австрийской школы, не нуждается в дополнительном объяснении и является само собой разумеющейся целью человека. При этом выводятся условия для достижения этой цели, которые описываются новым понятием – *субъективная ценность*. Она определяет значение, которое имеет некое материальное благо для благополучия конкретного человека. «Ценностью мы называем то значение, которое приобретает материальное благо или комплекс материальных благ как признанное необходимое условие для благополучия субъекта»¹¹⁶. Итак, благополучие – это то состояние, которое основано на необходимой степени насыщения потребностей и реализации целей индивидуума¹¹⁷.

Параллельно с идеями предельной полезности возникают идеи социализма в политической экономии. Они связаны в основном с отражением политического недовольства негативными явлениями

¹¹⁴См. подробнее: Австрийская школа в политической экономии: К.Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф.Визер. М.: Экономика, 1992.

¹¹⁵ Так, в работе «Основания политической экономии» (1871) Менгер разделяет блага на два порядка: блага первого порядка (непосредственно человеческие потребности) и блага второго порядка (необходимые для удовлетворения благ первого порядка). См. подробнее: Менгер К. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С.211.

¹¹⁶ Бем-Баверк, Ойген. Основы теории ценности хозяйственных благ // Избранные труды о ценности, проценте и капитале/ Ойген фон Бем-Баверк. — М.: Эксмо, 2009. С.49.

¹¹⁷ К. Менгер приводит следующий пример: «Удовлетворение потребности в пище до того момента, когда им уже обеспечена жизнь, имеет для каждого человека полное значение сохранения его жизни; дальнейшее потребление до известного момента имеет значение лишь сохранения здоровья, т.е. продолжительного благополучия; наконец, дальнейшее потребление имеет для них просто значение удовольствия, как показывает наблюдение, всё более и более понижающегося, пока потребление не достигнет известной границы, когда потребности в пище удовлетворены уже столь полно, что дальнейшее принятие её не служит ни к сохранению жизни, ни к поддержанию здоровья, ни к доставлению удовольствия, но становится безразличным для потребителя, а затем превращается уже в мучение и угрожает опасностью здоровью и даже жизни». См. подробнее: Менгер К. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С.21

существующего капиталистического строя и смещением внимания на необходимость контроля со стороны государства над экономическими процессами с целью защиты интересов значительной части населения.

В философско-экономических размышлениях К. Маркса нет отдельного упоминания о социальном благополучии. Однако есть важные основы, заложенные в его трудах и повлиявшие на осмысление счастья, блага и благополучия. В «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) мы можем найти такие строки: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».¹¹⁸ К. Маркс выделял категорию свободного времени для свободного развития личности. Свободное развитие личности через труд возвышает человека, когда его труд направлен на благо окружающих. В работе «Размышление юноши при выборе профессии» (1835 г.) он пишет: «История признает тех великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит как самого счастливого того, кто принёс счастье наибольшему количеству людей»¹¹⁹. Концепции Маркса впоследствии были развиты и во многом применены в разных странах.

В XX веке в научно-практических кругах капиталистических стран ответом на усиление социалистических концепций в политэкономии стало появление *экономической теории благосостояния* (англ. *welfare*), разработанной А.С. Пигу. Существенным развитием идей классиков философии и политэкономии в этой теории стало усиление внимания качеству жизни людей, которое включает в себя характер и условия труда, особенности социальных отношений, статус в обществе, жилищные условия, общественный порядок и т. д.¹²⁰. Идеи А.С. Пигу легли в основу концепции Дж. Кейнса, аргументировавшего необходимость вмешательства

¹¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1987. С.47

¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.40. – М.: Издательство политической литературы. 1955-1974 г.г. С.7.

¹²⁰ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. – М.: Прогресс. 1985. С.183.

государства в экономические отношения внутри общества¹²¹. Он показал зависимость государственного контроля и роста благосостояния граждан.

В конце XIX – начале XX веков выделим и оригинальное направление русской философской мысли, особенно в период расцвета религиозно-философских поисков общественных идеалов. Ценностный подход, который предложили (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев,) значительно меняет устоявшуюся логику осмысления ценностей в обществе¹²².

Далее XX век, наполненный социальными проблемами и трагедиями, побудил научный мир и правительства к построению идей социально-ориентированного государства. Рождается теория *социально ориентированной экономики*, (В. Ойкен¹²³, Й. Шумпетер¹²⁴, Л. Эрхард), которую начали реализовывать в Западной Германии¹²⁵. После Второй Мировой войны, и особенно после периода Великой депрессии получают распространение идеи экономиста Кейнса. Многие правительства заново перестраивают национальные экономики: Ойкен утверждает, что основная функция экономики прежде всего в «производстве благ, необходимых для жизнедеятельности людей, отвечающих их желаниям и удовлетворяющих их потребности»¹²⁶. Подобные идеи развивают в это же время и в Великобритании. Вот что говорил В. Беверидж (W. Beveridge): «The object of government in peace and in war is not the glory of rulers or of races, but the happiness of common man»¹²⁷, что можно перевести как: «Целью государственного управления в военное и мирное время является не слава

¹²¹ Кейнс. Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. М.: Прогресс. 1978.

¹²² Скоробогатко А.В. Проблема общественного идеала в русской социальной философии: автореф...дис. док. фил. наук. – СПб.: 2004. – С. 15.

¹²³ Ойкен В. Основные принципы экономической политики// Пер. с нем. под общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. – М.: Прогресс, 1995

¹²⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995

¹²⁵ Важнейшей идеей этой концепции является необходимость ориентации экономики на социальные нужды, то есть на нужды человека и общества, что необходимо для обеспечения всеобщего благополучия.

¹²⁶ Ойкен В. Основные принципы экономической политики// Пер. с нем. под общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. – М.: Прогресс, 1995. С. 35.

¹²⁷ The Future of the Welfare State. A comparative study in EU-countries. Lambertus-Verlag, Freiburg. 2012. P. 7.

правителей, а счастье простого человека». В дальнейшем эти идеи совместно с идеями гражданского общества стали ядром концепции социального государства.

Вопросы счастья¹²⁸, жизненных ценностей, благополучия – все это было переоценено людьми после распада стран-империй, усиления миграционных потоков, возникновения новых социальных слоев, обретения бывшими колониями независимости, роста производительности труда. Трансформация общественных процессов подвела к необходимости новой рефлексии экзистенциального характера. Тревога за жизнь, постоянное ощущение опасности, паника, переосмысленные через противоречивое восприятие веры¹²⁹, психические девиации как основа мотивации индивида¹³⁰, восприятие ничтожества человека как важной части национальных культур¹³¹, всеобщее уничтожение и экзистенциальный невроз¹³², экономические кризисы как нормальные фазы становления экономики¹³³ стали фундаментом новых научно-философских исследований и теорий¹³⁴. Переживание этих явлений коренным образом поменяло понимание и рефлексию социального благополучия.

С середины XX века интенсивно начинает формироваться как наука и психология. Мотивация индивида выводится на первый план изучения у представителей Школы *гуманистической психологии* (Г. Оллпорт, А. Маслоу, и другие). Они изучают связь между благополучием человека с уровнем удовлетворения его нужд и потребностей. Разрабатываются

¹²⁸ Счастье как феномен начали исследовать представители различных направлений. Например, Рут Венховен основал международный журнал «Journal of Happiness Studies» и провел сопоставление 2 475 публикаций о счастье к 1993 году (см. подробнее: Verhooven R. Advances in understanding happiness // Erasmus University Rotterdam and University of Utrecht. Netherlands. 1993)

¹²⁹ См. подробнее работы Ницше (например: Ницше Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1,2 – М.: Мысль, 1990.)

¹³⁰ См. подробнее: Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М. В. Вульф, А. А. Спектор. – М.: АСТ, 2006.

¹³¹ См. подробнее: Фромм Э. Бегство от свободы / Перевод Г.Ф. Швейника. – М.: АСТ, 2011.

¹³² См. подробнее: Франкл В. Теория и терапия неврозов: Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ. Пер. с нем. – СПб.: Речь, 2001.

¹³³ См. подробнее: Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.

¹³⁴ И ранее философы предпринимали попытки осмысления деструктивных явлений. Но XX век с его уровнем гуманитарного знания и глубиной социальных потрясений является исключительным.

теории мотивационно-потребительской сферы личности (например, пирамида Маслоу¹³⁵). Потребность в удовлетворении более высоких мотивов возникает только после удовлетворя базовых потребностей¹³⁶.

Некоторые исследователи (Э. Фромм¹³⁷, В. Франкл¹³⁸) обозначают взаимозависимость для индивида вопросов о благополучии и вопросов о смысле жизни. В этих работах благополучие по своему смыслу часто тождественно *позитивному психологическому самочувствию*. Важный научный вклад по данной теме внесли А.В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, А.И. Леонтьев. Позднее эти идеи стали базой для развития современной *теория социального самочувствия*¹³⁹.

Параллельно Н. Брэдбурн и В. Вилсон вводят в научный обиход понятие психологического благополучия¹⁴⁰. Э. Динер выделяет центральные факторы, влияющие на уже само социальное благополучие¹⁴¹. Он вместе со своими коллегами (А. Кэмпбел, П. Конверс и другие)¹⁴² начал больше уделять внимание внутренним психологическим факторами (а не только внешним). Они работают с социологическими данными и тестами на базе психологического и статистического анализа, акцентируя внимание на ценностях и целях человека¹⁴³. В то же американская исследовательница К.

¹³⁵ Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2007.

¹³⁶ Научный метод психологии, который заключается в познании внутренних психических явлений через анализ внешних факторов позволит нам дополнить понимание социального благополучия через осмысления внутреннего мира индивида и его психологической мотивации.

¹³⁷ Э. Фромм использует понятие «благополучное существование», под которым понимает полноценную деятельность человека в «качестве личности, а не в качестве инструмента». Подробнее см.: Фромм Э. Искусство быть / Пер. с англ. А. Александровой, С. Сковцова. – М.: Издательство АСТ, 2017. С.343.

¹³⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. — М.: Прогресс, 1990.

¹³⁹ Социальное самочувствие трактуется как эмоционально-оценочная реакция индивида на условия окружающей социальной жизни, своего положения в обществе

¹⁴⁰ В. Вилсон в работе «Корреляты общепризнанного счастья» (Wilson W. Correlates of Avowed happiness // Psychological Bulletin. 1967) в 1967 году, Н.Брэдбурн в работе «Структура психологического благополучия» в 1969 году высветили необходимость структурирования исследований благополучия (Bradbourn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine. 1969).

¹⁴¹ В дальнейшем на базе этих исследований Э.Динер (E.Diener) вводит понятие социальное благополучие. Впервые это понятие рассматривалось как самостоятельное. Впрочем, оговоримся, это понятие вводится как составная часть понятия психологического благополучия. См.: Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. 95(3). P. 542–575.

¹⁴² Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The quality of American life. New York: Russell Sage Foundation, 1976. P.23.

¹⁴³ См. подробнее: Thorsteinsen K., Vitterso J., Striving for wellbeing: The different roles of hedonia and eudaimonia in goal pursuit and goal achievement // International Journal of Wellbeing, #8(2), 2018, P. 89-109.

Рифф обосновывает свою эвдемонистическую теорию на базе критической переработки идей таких авторов, как А. Маслоу и К. Г. Юнг. Она ввела современный опросник психологического благополучия. Опираясь на него, Рифф выделила несколько ключевых элементов благополучия: автономия, позитивные связи с окружающими, управление окружающей средой, жизненная цель, развитие личности¹⁴⁴.

Осмысление новых социальных феноменов мы видим и в работах по экономической теории¹⁴⁵. Междисциплинарный подход в этой науке, основанный на использовании экономической методологии, способствовал появлению таких направлений, как *концепция человеческого капитала*¹⁴⁶, которую обозначил Т. Шульц, а Г. Беккер¹⁴⁷, развивая мысль об эффективности инвестиций в человеческий капитал, аргументировал общий экономический подход к поведению индивида¹⁴⁸.

Важно отметить, что затрагивают социальное благополучие не только концепции социальных наук, но и некоторые концепции естествознания¹⁴⁹. Это логически вытекает из того, что человек участвует не только в социальных действиях, но и живет в биологическом окружении, которое влияет на рефлексию потребностей и мотивов поведения индивида. В этом направлении важной работой мы считаем исследование на границе биологии и эпистемологии, где появилась идея эволюционной эпистемологии (анализ У. Матураны и Ф. Варелы). Авторы описывают

¹⁴⁴ Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current directions in psychological science. 1995. Vol. 40. P. 99-104.

¹⁴⁵ Методы экономики заключаются в изучении экономических явлений, но экономическая мотивация и система ценностей индивида с учетом сложных социально-экономических отношений заставляют нас обратить внимание и на экономические методы исследования.

¹⁴⁶ Определить человеческий капитал можно следующими важными компонентами: знания, интеллект, здоровье, качественный труд и качество жизни.

¹⁴⁷ За создание основ теории человеческого капитала обоим ученым были присуждены Нобелевские премии по экономике - Теодору Шульцу в 1979 году, Гэри Беккеру в 1992 году. Значительный вклад в развитие теории человеческого капитала внес и выходец из России Саймон (Семен) Кузнец - лауреат Нобелевской премии по экономике в 1971 году.

¹⁴⁸ Экономические основы теории человеческого капитала послужили важнейшим шагом в ускорении и усилении некоторых скандинавских экономик в начале XXI века. На сегодняшний день эта концепция считается ключевым элементом экономики знаний как следующего этапа развития общества.

¹⁴⁹ Естественно-научные концепции мы также рассмотрим в силу того, что некоторые социальные явления включают аспекты жизни, которые вписываются в предмет изучения, например биологии.

феномены познания и осмысленной деятельности как признаки, свойственные всему живому, в том числе человеку¹⁵⁰.

Итак, сделаем некоторые выводы после проведенного анализа.

1. Понятие «социальное благополучие» онтологически и семантически связано с понятием «благополучие». Как философская категория «благополучие» зародилось древних греков. Оно часто было неотделимо от других слов и понятий (благо и счастье, например, у Платона и Аристотеля). Усложнение социальных практик и дальнейшее развитие философских концепций привели к необходимости более детального изучения и разделения философских конструктов «блага», «благополучия», «счастья» и некоторых других. При этом связь слов в языке и их схожесть всё ещё создавали иллюзию коннотации этих понятий, что распространялось и на сами эти явления в социальной практике. Позднее благополучие по своему смыслу значительно отошло от понятия «благо». А современный феномен социального благополучия существенно отличается от феномена благополучия.

2. В проделанном анализе мы наблюдаем генезис идей, концептуально относящихся к идее благополучия (в период со времен Древней Греции до середины XX века). Вопросы благополучия во всех этих концепциях являются только частными темами, которые скорее дополняют рассуждения о других категориях. Так, в период раннего Средневековья основополагающей была догма теоцентризма. Именно она диктовала подход осмысления понятий блага и благополучия, где акцент сделан на религиозных добродетелях. В рассмотренный нами период ещё нельзя говорить о социальном благополучии как о философском понятии, хотя философы и обращаются к таким понятиям, как благо, счастье. В случае обращения к самому благополучию происходит лишь вычленение

¹⁵⁰ См. подробнее: Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

экономической составляющей, суть которой уже понятия социального благополучия, которое являющегося объектом нашего исследования.

3. Рассматривая понятийное пространство феномена социального благополучия, мы отмечаем, что понятия «благо», «благополучие», «счастье» находятся в прямой корреляции с ведущими научно-философскими концепциями того или иного времени. То есть все авторы, живущие в изучаемых нами исторических контекстах, пытаются осмыслить феномены блага, благополучия, счастья, будучи погруженными в ту или иную культурную, языковую и национальную системы. Они отвечают на актуальные вопросы среды и времени, в которых живут.

Социокультурная и экономическая эволюция ставила новые вопросы, в том числе и в области осмысления счастья и благополучия. Древнегреческая рефлексия и ее ответы по вопросам эвдемонии уже не могла удовлетворить индивида и общество эпохи раннего Средневековья. Это привело к возникновению запроса на новое мировоззрение, где центральную роль играет религиозный путь спасения. В это время философы и богословы заново переосмысливают идеи аскетизма в вопросах благополучия. Отказ церкви от всеобщего распространения монашеского аскетизма как единственно верного пути стал важным ответом на возрастающие изменения в социуме. Это привело к перелому в философском осмыслении благополучия и блага как такового. Далее развитие капиталистических отношений и снижение влияния церкви привело к идее выделения экономической составляющей благополучия. Тем не менее вызовы и новые политические проблемы первой половины XX века выявили, что и этого недостаточно. Общество сталкивается с кардинально новыми проблемами в своем развитии. Ответом на эти вызовы и сложности стало появление нового типа государства – государства с социально-ориентированной экономикой, где благополучие человека стало залогом развития всей экономики и общества в целом.

1.2. Проблематизация феномена социального благополучия

На основе исследования научных концепций по теме диссертации мы выделяем круг идей и понятий, которые вместе представляют собой концептуальное ядро понятия социального благополучия. Именно это ядро будет основой для выработки нами определения, а междисциплинарность при этом будет ключевым подходом. Несмотря на то, что социальный смысл феномена обнаруживается во всех обществах в известный нам исторический период, однако как самостоятельный объект научного исследования он появляется лишь с созданием теоретической базы экономической системы социального государства. До этого времени изучались другие понятия и явления, которые онтологически считались тождественными. Языковые коннотации в работах исследователей, а также словарные обороты в быту и привели к уподоблению благополучия *per se* (как такового) и социального благополучия. Однако при использовании другого метода исследования мы подойдем к другим выводам.

Логико-исторический метод познания мира, который успешно применяется на этапе классической и неклассической науки, уже не способен полностью раскрыть суть предмета исследования. В нашем анализе выше мы показали с помощью этого метода, как формировался процесс осмысления феномена социального благополучия.

Часть исследователей, не перестраивая оптику анализа, применяют исторический метод как для ретроспективы, так и для проблематизации социального благополучия. Так, в работах по предмету диссертационного исследования мы можем выделить следующие труды.

1. Материалы зарубежных авторов, таких как Э. Динер («Subjective well-being»¹⁵¹) и группа его последователей М. Suh, (М. Су) R. Lucas (Р. Лукаш), S. Oishi (С. Ойши), Н. Smith (Х. Смит), а также работы S.

¹⁵¹ Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. 95(3).

Lyubomirsky (С. Любомирски) и труды М. Csikszentmihalyi (М. Чиксентмихайи) с идеями так называемого «потока»¹⁵², концептуальные исследования в области социальной работы (как отдельного направления) и государственной и муниципальной экономики М. Титмасса, Бисмарка-Бевериджа, Г. Эспинг-Андерсена.

2. Работы отечественных авторов (как исследовательские, так и научно-методические труды), такие как: «Современные теории социального благополучия: «Современные теории социального благополучия: учебное пособие» под редакцией Л.Г. Гусляковой, «Социальное благополучие человека в современном мире. Сборник материалов международной научной школы» под редакцией Н.Ш. Валеева, учебно-методическое пособие», выпущенное коллективом авторов (А.А. Власова, Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева)¹⁵³, материалы Всероссийской научной конференции «Россия: путь к социальному государству»¹⁵⁴ (на базе Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН).

Отметим, что в некоторых работах определение социального благополучия вовсе не дается и часто замещается исторической ссылкой на труды известных ученых. «Ученые и публицисты, использующие данное словосочетание, часто не дают строгой дефиниции, считая социальное благополучие интуитивно понятной категорией, не требующей специальных разъяснений»¹⁵⁵. Авторы заявляют, что «социальное благополучие является системой взаимосвязанных элементов»¹⁵⁶, не давая по сути никакого определения. В одной из работ С. Г. Анисимова

¹⁵² Csikszentmihalyi M., Hunter J. Happiness in everyday life: The uses of experience sampling // Journal of Happiness Studies. №4(2). 2003.

¹⁵³ Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие / А.А. Власова, Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева; Яросл. Гос. Ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2017.

¹⁵⁴ Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008.

¹⁵⁵ Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие / А.А. Власова, Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева; Яросл. Гос. Ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2017. С.4.

¹⁵⁶ Там же. С.9.

высказывает мысль, что социальное благополучие – это смыслообразующий фактор деятельности социального государства. Данное утверждение также не может заменить собой определения социальному благополучию¹⁵⁷. Подобный подход может быть вызван двумя причинами.

Первая состоит в том, что исследователи используют только исторический метода анализа. Ретроспективное рассмотрение смежных понятий смещает акцент с полноправного анализа социального благополучия на историю развития смежных феноменов. Вторая причина в том, что авторы отождествляют социальное благополучие и благополучие как таковое (*per se*). Что снимает необходимость в глубоком анализе и выявлении определения социального благополучия. Исторический метод вводит некоторые рамки, что заставляет исследователей опираться на уже изученные идеи, которые далее вводятся как постулат и используются как неотъемлемые части того социального благополучия, которое в современном социуме должно осознаваться «интуитивно». Так, Р.В. Евстифеев после описания появления социального государства по причине борьбы национальных политических классов делает заключение о завоевании благополучия европейскими странами в силу накоплений после захватов других территории, что фактически показывает социальное благополучие не как следствие экономических реформ, а как результат военных завоеваний¹⁵⁸.

Однако такой вывод необходимо скорректировать. В этом случае следует увидеть регистрацию понятия социального благополучия –это произошло в середине XX века параллельно с формированием концепции социального государства. Именно проблематизация *понятия* и является предметом современных научных работ, посвященных социальному

¹⁵⁷ Анисимова С.Г. Социальная политика в республике Саха (Якутия) / Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008. С. 758.

¹⁵⁸ Евстифеев Р.В. Социальное государство versus государство социального благополучия? Политические аспекты социального мира / Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008. С. 213.

благополучию. Это, в свою очередь, ведет к ограниченному пониманию феномена – мы видим, что в большинстве научно-публицистических материалов социальное благополучие видится как сугубо практическое понятие из предметного поля социальной работы. Так, в работе под руководством Билаловой Л.М., специфика социального благополучия объясняется через понятия социальной сплоченности, безопасности, социального здоровья¹⁵⁹ и базируется прежде всего на основе проблематизации инклюзии¹⁶⁰. Такой же подход и в работе Хрусталева Ю.М.¹⁶¹.

В других работах социальное благополучие (*social well-being*) применяется как понятие, обусловленное только концепцией государства всеобщего благосостояния (*welfare state*). Это используется скорее для подсчета технических коэффициентов. Например, социальное благополучие показано как экономический показатель для некоторых классификаций стран (в основном в Европе): это особенно видно на примере концепции Бисмарка-Бевеиджа¹⁶², концепции Р. М. Титмасса¹⁶³, концепции Г. Эспинг-Андерсена¹⁶⁴ и некоторых других.

Рассмотренные нами в параграфе 1.1. характерные для того или иного времени научные размышления и поиски показывают, как в бытовой практике, в культурной динамике, в религиозных размышлениях, а также в языковой среде выкристаллизовывается и осмысливается феномен, объединяющий категории блага, благополучия, счастья в разных эпохах и странах.

¹⁵⁹ См. подробнее: Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С.6.

¹⁶⁰ Инклюзия (от англ. *inclusion* – включение) – важное понятие для теоретической и практической социальной работы, означает широкую адаптацию лиц с ограниченными возможностями здоровья в социальную среду.

¹⁶¹ Хрусталева Ю.М. Биоэтика – философия сбережения здоровья нации / Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008. С. 890.

¹⁶² Beveridge W. Social Insurance and Allied Services. L., 1942.

¹⁶³ Timuss R.M. Commitment to Welfare. London: Allen & Unwin. 1968.

¹⁶⁴ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity. 1990.

Этот поиск продолжается и на современном этапе развития социума, который сопровождается усилением высоких технологий и появлением новых социальных практик (виртуально-цифровая реальность, общение в социальных сетях, мгновенные сообщения в мессенджерах и т. д.). В то же время это период становления нового этапа научно-философской мысли – на смену классической, а вслед за ней неклассической науке пришла *постнеклассическая наука*¹⁶⁵ с упором на *междисциплинарный подход*. Это делает и предопределяет важность изменения оптики нашего исследования – ключевые идеи и теории из разных научных отраслей знаний мы будем изучать через призму *дивергентного подхода* для анализа значимых явлений, которые релевантны теме социального благополучия¹⁶⁶.

Дивергентный подход (на базе междисциплинарного изучения феномена, то есть с использованием методов и категориального аппарата, присущих разным наукам) поможет изучить ключевые философские проблемы, в том числе, вопросы социального благополучия. Далее мы разберем основные теоретические конструкты нескольких отраслей знаний, которые имеют прямое отношение к проблематизации феномена социального благополучия¹⁶⁷.

Начнем с методологии школы гуманистической психологии – она построена на изучении потребностей и мотивов поведения индивида. Именно с этого начинают изучение социального благополучия Н. Брэдбурн, В. Вилсон и Э. Динер. В их работах дефиницию социального благополучия¹⁶⁸ можно вывести следующим образом: это *позитивное состояние индивидуума, при котором характерен высокий уровень*

¹⁶⁵ Постнеклассическая наука – современный этап развития научного познания мира. Один из авторов концепции – академик В.С.Степин.

¹⁶⁶ Дивергентный (от латинского «divergere» – расходиться) метод подразумевает использование различных компонентов анализа и поиска, что способствует рефлексии вопроса в разных направлениях мышления. В отличие от конвергентного мышления (от латинского «convergere» – сходиться), который направлен на поиск одного, оптимального пути мышления для поиска ответа на вопрос или решения, дивергентный метод допускает неопределенность имеющихся данных для начала анализа.

¹⁶⁷ Здесь и далее под концептуализацией будет иметься в виду процесс определения набора признаков феномена.

¹⁶⁸ В работах указанных авторов используется английские термины *well-being* и *subjunctive well-being*.

*реализации потребностей и личных возможностей, удовлетворённость жизнью, социальным статусом и условиями бытия, ощущение уверенности в своих силах, позитивное настроение и хорошее психологическое самочувствие.*¹⁶⁹ Этот подход выражает научный метод психологии к осмыслению социального благополучия.

Однако это определение очень близко к тому, что анализирует М. Чиксентмихайи называет «поток» (the flow). В своих трудах он фокусируется на самоощущениях человека, не уделяя должного внимания «социальной» части феномена. Поток – это ощущение, которое индивид испытывает во время незабываемого эмоционального опыта и которое он хочет повторить еще и еще, даже несмотря на возможные существенные дополнительные затраты (эмоциональные, физические и т. д.)¹⁷⁰.

С точки зрения социологических подходов¹⁷¹ (от О. Конта и до П.А. Сорокина), социальное благополучие можно вывести как *удовлетворённость человека своим социальным статусом и текущим состоянием общества (или сообщества), к которому он принадлежит.* К этому можно добавить удовлетворённость межличностными связями, чувство общности. Однако под таким социологическим углом это определение приближается по своему смыслу к достаточно узкому явлению социальной защищённости или социальной заботы (social care), что можно заметить в работах, например, G. Macdonald¹⁷². Однако именно методы социологии дают возможность описать удовлетворенность социума поведением индивида. Социальное благополучие здесь раскрывается гораздо шире, чем, например, социальное здоровье, под которым видится

¹⁶⁹ Diener E. Subjective well-being // Psychology Bulletin. 1984, Vol.95, №3. P.543-544. Также Э.Динер важнейшими детерминантами благополучия выделяет жизненный опыт человека, уровень образования, мировоззрение, ценностные ориентации и адаптивные способности.

¹⁷⁰ Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. Harper & Row. 1990.

¹⁷¹ Научный метод социологии (суть которой в познании законов развития общества) подразумевает использование количественных измерений. Это также поможет нам в углублении понимания факторов социального благополучия.

¹⁷² Macdonald G. Social care: rhetoric and reality / What works. Evidence-based policy and practice in public service. Edited by: H. Davies, S. Nutley, P. Smith. The Policy Press. University of Bristol. 2000. P. 118.

рефлексия отношения социума к человеку¹⁷³, которое, в свою очередь, реализуется через желание строить или изменять различные социальные связи.

Итак, мы видим, что в русле объективистского направления социологических теорий социальное благополучие видится как *результат идеального устройства общества*, базой для которого являются разумная работа всех его подсистем, взаимное понимание и согласие, альтруизм, солидарность, приверженность всеми членами общественным нормам и ценностям. В этом же ключе дается дефиниция и в работе под руководством Билаловой Л.М.: «Социальное благополучие – это объективное общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания»¹⁷⁴. Тем не менее субъективистский подход рассматривает социальное благополучие под другим углом. Объективистская психология рассматривает социальное благополучие как объективное явление. В субъективистской соответственно – это прежде всего субъективное отношение человека к тому, как он видит свою жизнь и ее окружение¹⁷⁵. Этот же подход замечен и в определении Костиной: «Социальное благополучие человека – это сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности и отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность»¹⁷⁶.

Основная часть данного определения схожа с определением, которое дается Э. Динером: «Subjective well-being is defined as a person's cognitive and

¹⁷³ Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальное здоровье и социализация человека: Учебное пособие. СПб: ХИМИЗДАТ, 2005. С. 168.

¹⁷⁴ Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 9.

¹⁷⁵ Петровская Ю.А. Факторы социального благополучия как научная проблема – Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки – 2014. № 4 (36). С.137–143.

¹⁷⁶ Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // UNIVERSUM: Общественные науки – 2015 №6. (<https://elibrary.ru/item.asp?id=23650947>)

affective evaluations of his or her life»¹⁷⁷, что на русский язык переводится как: «субъективное благополучие определяется как когнитивные и эмоциональные оценки человеком своей жизни». Однако мы видим и разницу – во второй части дефиниции. Она объединяет понятие благополучия с социумом, а также описывает у Костиной направление социальной политики, прежде всего элементы социальной защищенности. Эта дилемма может быть объяснена с помощью принципа полипарадигмальности социального знания, который дает возможность парадоксально синтезировать теории и практики социального знания, считающиеся несовместимыми друг с другом.

Экономические теории и концепции, затрагивающие социальное благополучие в своих рамках, рассматривают предмет нашего исследования как *состояние общественного бытия, основанное на согласованности моральных принципов, идеалов, ценностей, целей и смыслов отдельных индивидов для достижения определенных материальных благ*¹⁷⁸. Здесь важная роль при этом отводится таким принципам социальной жизни индивида как социальная ответственность перед обществом, солидарность, альтруизм, готовность прийти на помощь. Однако подход экономических наук смещает внимание социальных практик – с личности на социум. В таком случае возникает вопрос: правомерно ли отождествлять социальное благополучие человека и социальное благополучие общества?

Коллектив авторов под руководством Билаловой этот переход описывает так: «Социальное благополучие личности в значительной мере опирается на социальное благополучие общества, но не сводится к нему. Большую значимость для него имеет субъективная оценка человеком своего благосостояния и удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность жизнью

¹⁷⁷ Diener E., Oishi S., Lucas R. E. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. Handbook of Positive Psychology. Oxford and New York: Oxford University Press. 2002. P. 63.

¹⁷⁸ Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния. – СПб.: Нестор-История, 2018. С. 80-82.

не всегда напрямую связана с зажиточной жизнью»¹⁷⁹. Авторы связывают социальное благополучие индивида с социальным благополучием общества при помощи субъективной оценки и самооценки.

Схожий вывод мы видим и в некоторых зарубежных работах. Так, С. Любомирски (S. Lyubomirsky) пишет: «well-being appears to be a worthwhile goal, because happiness not only «feels» good, but also has tangible benefits for individuals, as well as for their friends, families, and communities, and even society at large ¹⁸⁰», что мы можем перевести как: «благополучие представляется важной целью не только потому, что счастье «доставляет удовольствие», но также потому что приносит значимые выгоды людям, а также их друзьям, семьям и сообществам и обществу в целом». Это заключение спорное – в осмыслении социального благополучия человека индивид всё ещё воспринимается как субъект, однако развитие этого феномена в социальное благополучие общества уже выводит социум на роль субъекта, а индивид при этом логически становится объектом.

В этом объектно-субъектном изменении мы видим проявление важной трансформации феномена. Заключение о том, что социальное благополучие индивида иерархически связано с социальным благополучием общества полностью построено на использовании историко-логического метода и социальной практики управления в исторической ретроспективе. Однако эта трансформация глубже и сложнее, чем может выявить исторический анализ.

Изменения феномена социального благополучия видны прежде всего в целях и ценностях, которые не могут полностью совпадать у социума и индивида. Задачи управления обществом имплицитно регулируют и ограничения. Историческая динамика (революции, войны) часто изменяет их, ухудшая уровень благополучия конкретных людей. Но при этом

¹⁷⁹ Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 57.

¹⁸⁰ Lyubomirsky S. Hedonic Adaptation to Positive and Negative Experiences // The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping. Oxford University Press. 2011. P. 201.

достигается значимая цель – приемлемый общий уровень социального благополучия социума, в частности: бесконфликтное проживание индивидов и их сообществ при условии удовлетворения насущных (для общества) потребностей.

В этой ситуации социальное благополучие индивида не имеет прямой связи с социальным благополучием общества. В истории немало примеров, когда человек считает себя социально благополучным в социально неблагополучном социуме. Причины такой оценки мы найдем во внутренней саморефлексии индивида, которая помогает реализовываться человеку даже в условиях тяжелого кризиса в социуме. Атомизация в обществе в условиях сложных исторических трансформаций также показывает примеры несовпадения социального благополучия для общества и для индивида. Отметив, что социальное благополучие может быть нетождественным для разных институтов (личности, групп, общества), мы тем не менее считаем, что имеем дело с проявлением одного и того же феномена, который проходит трансформацию в разные социальные явления.

Как мы выявили ранее, феномен социального благополучия через языковые формы ищет воплощение в разных социальных и бытовых практиках по объективным причинам – в силу потребности осмыслить процесс удовлетворения разнообразных интересов и нужд индивида в различных социальных условиях. Это актуально и для отдельного человека, и для групп индивидов, и для сложно-иерархического общества. Однако в каждом из этих случаев будут по-своему отражаться субъектно-объектные отношения, а также динамика личностно-групповых целей. Что в результате дает нам возможность говорить о выражении одного феномена, но в разных явлениях.

Таким образом, дефиниция, данная в работе Билаловой («Социальное благополучие – это объективное общественное явление,

детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания»¹⁸¹) скорее относится к такому *явлению*, как социальное благополучие *группы людей*. Определение, данное в работе Костиной («Социальное благополучие человека – это сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности и отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность»¹⁸²) по своему смыслу аккумулирует определение *двух явлений* – социального благополучия *индивида* и социального благополучия *общества*. В работах зарубежных представителей гуманистического направления (прежде всего Н. Брэдбурна, В. Вилсона) разработано определение *явления* социального благополучия *индивида*.

В определениях представителей субъективистской психологии (Э. Динера) мы также видим желание измерить факторы благополучия, что в свою очередь трансформирует процесс осмысления феномена: если нельзя что-то измерить, то нельзя и обозначить, то есть дать определение: «as measurement and other work proceeds, the most scientifically useful concepts will be those that can be measured and show, within a theoretical framework, interesting relationships to other variables»¹⁸³, то есть можем перевести как: «по мере проведения измерений и другой работы наиболее полезными с научной точки зрения будут концепции, которые можно измерить и показать в рамках теоретической основы связь с другими факторами». Стремление выработать определение только на базе математических и количественных подходов существенно сужает возможности исследователя в инструментах познания.

¹⁸¹ Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 57.

¹⁸² Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // UNIVERSUM: Общественные науки. – 2015 №6. (<https://elibrary.ru/item.asp?id=23650947>)

¹⁸³ Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. 95(3), P. 543.

Динер весьма последовательно строит определение для достижения заданной цели (сформировать научный инструментарий измерения), чего в итоге он и добился: Динер заложил новый подход на базе расчета показателя удовлетворённости жизнью (Satisfaction of Life Scale (SWLS))¹⁸⁴, затем Уотсон (Watson) добавил методику учета позитивных и негативных аффектов (Positive and Negative Affect Schedule (PANAS))¹⁸⁵. Фокусирование на расчете элементов социального благополучия сводит изучение самого феномена к определенному упрощению, что прослеживается на фоне роста количества работ по данной теме (косвенно об этом можно судить по появлению регулярных научных журналов, например, Journal of Happiness Studies и International Journal of Wellbeing). Это направление далее углубляется в детальное изучение элементов социального благополучия: анализируется, какие части оказывают больше влияние¹⁸⁶.

Все определения социального благополучия индивида строятся на основе субъективного характера этого явления. При этом определения социального благополучия групп людей и социума подчеркивают его объективную основу. Человек осмысливает себя в обществе конкретном историческом и социальном времени, то есть с точки зрения сложившихся в социуме правил. Однако вне зависимости от исторического развития общества и на протяжении всей социальной жизни человека можно констатировать зависимость индивида от оценки самого себя и роли социума в своей жизни. *Самооценка* (на которую ссылаются Динер, Брэдбурн и Костина) – это составная часть феномена социального благополучия, которая отражает субъективную часть явления социального благополучия. Самооценка воздействует на человека в совокупности с

¹⁸⁴ Diener E., Emmons A., Larsen J., Griffin, S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. №49. 1985. P. 71–75.

¹⁸⁵ Watson D., Clark L., Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. 54. P. 1063–1070.

¹⁸⁶ Pavot W., Fujita F., Diener E. The relation between self-aspect congruence, personality and subjective well-being. Personality and Individual Differences. 1995 (22). P. 183–191.

социальным ожиданием, которое с интенсивно влияет на индивида в силу усложнения общественных отношений и изменения их динамики. Билалова в своем определении именно с помощью социального ожидания выстраивает связь объективной и субъективной частей явления как важного элемента перехода от индивида к обществу¹⁸⁷. Трансформация общественных отношений ведет к образованию новых социальных практики и институтов (например, государство), что ведет к дальнейшему углублению различий между социальными ролями индивидов. Эти меняющиеся формы бытия становятся причинами пересмотра культурных ценностей индивида.

Другой важной основой картины мира для человека будет являться его родной язык. С помощью речи люди отражают смысл понятий, явлений, эмоций и т. д. Ранее в работе мы показали некоторые особенности семантического и лингвистического анализа, напрямую связанного с исследованием трансформации феномена социального благополучия. Именно с помощью родного языка и его правил у индивида происходит концептуализация действительности¹⁸⁸. Каждый язык и наречие обладают своей логикой построения текста, предложений, слов – начиная от небольших языковых элементов (таких как предлоги)¹⁸⁹, заканчивая принципами построения смысла сложные термины. И в каждом случае

¹⁸⁷ Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания, 2016. С. 55.

¹⁸⁸ Можно привести множество примеров, где даже базовые понятия-смыслы одного языка не могут быть полностью перенесены в базовые смыслы-понятия другого языка. Так, в языке ацтеков нет отдельного слова, которое обозначало бы такую часть тела человека, как бок. У ацтеков в языке есть лишь грудная клетка и живот. Поэтому, например, переводчик Библии при уточнении, что Иисуса Христа ударили копьем в бок, сам принимает решение о выборе тех слов-понятий, какие есть в языке ацтеков, ведь общего слова для выражения значения «бок» в этом языке нет. Эту ситуация широко рассматривается в гипотезе лингвистической относительности Сипера – Уорфа, суть которой вкратце в следующем: языковые правила и категории одновременно и ограничивают, и предопределяют когнитивные категории. См. подробнее: Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2010. С. 370–389.

¹⁸⁹ Например, говоря о жалости, можно сказать «из жалости» или «от жалости». В разных контекстах это будет звучать по-разному, раскрывая причинно-следственную связь в контексте ситуации. Таким образом, просто выбирая предлог в русском языке, человек выстраивает логику причинности в своем построении предложения. См. подробнее: Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур. 2012.

важнее не то, что человек произносит, а то, что под этим подразумевается в конкретной языковой картине мира.

Такие исследователи языковых картин, как В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, обосновали утверждение, что разные языковые системы отражают разные взгляды людей на жизнь¹⁹⁰. Таким образом, можно утверждать, что все сложно формулируемые абстрактные смыслы, выраженные через слова, являются лингвоспецифичными. Другими словами, понятие, появившееся в одной языковой картине, не может быть полностью перенесено в другую языковую картину (в другой язык). Это значит, что и понятие социального благополучия невозможно полностью перенести, а главное – нельзя говорить о феномене социального благополучия, который одинаково воспринимается и осмысливается в разных языковых системах.

Исследователь языковых систем А. Вежбицкая, развивая вывод о невозможности полного перевода смысла из одной языковой системы в другую, пишет: «Поэтому правильно поставленный вопрос должен звучать не как «Может ли смысл переводиться с одного языка на другой?», а как «В какой мере он может переводиться?»». И далее она продолжает мысль с уточнением и примером по английскому языку, который стал основой для рождения большинства современных терминов: «Следовало бы, например, задуматься над тем, существуют ли в действительности смыслы, которые во всех языках мира могут выражаться отдельными словами (или, быть может, отдельными морфемами). Есть ли, скажем, в английском языке такие слова, которые бы имели точные смысловые эквиваленты во всех языках и которые по этой причине можно было бы рассматривать как «ярлыки» для обозначения врожденных и универсальных человеческих понятий?»¹⁹¹

¹⁹⁰ См. подробнее: Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford: Oxford University Press. 1992. P.5.

¹⁹¹ A. Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford: Oxford University Press. 1992. P.8.

Ученые-лингвисты, анализируя разные языковые системы и национальные самобытности разных народов, давно стремятся отыскать те простые слова-смыслы, с помощью которых можно легко передавать смыслы из одного языка в другой. Некоторые пытались строить логику на поиске естественных смысловых эквивалентов, которыми наполнен быт любого человека: явления природы (свет, вода) или части тела человека ¹⁹². Тем не менее даже такой подход современными исследователями языковых картин мира используется только частично и многими не поддерживается¹⁹³.

Таким образом, даже детальный анализ феномена социального благополучия с выделением простых смыслов не поможет полностью перенести общий смысл из одного языка в другой, например, из английского в русский, и наоборот. Далее мы вполне логично можем сделать вывод о том, что социальная практика, которая, например, зародилась в США и которую описывают английскими (американскими) терминами, перенесенная из англо-американской языковой картины, не может быть полностью перенесена и уяснена в других языковых системах. Это подводит нас к утверждению, что феномен социального благополучия будет выражаться по-разному – в зависимости от языковой картины мира того или иного общества и индивида.

Учитывая указанные ограничения и выявленные особенности социальному благополучию как феномену можно дать следующее определение. *Это состояние общественного бытия индивида, основанное на субъективной самооценке и оценке окружающего мира и на*

¹⁹² Такой гипотезы, например, придерживался Морис Сводеш, утверждавший, что универсальность человеческих смысловых концептов детерминирована универсальными элементами среды обитания. См. подробнее: Swadesh M. Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // International Journal of American Linguistics. 1955. v.21, P.121–137.

¹⁹³ С критикой подхода выступает, например, А. Вежбицкая. Хотя еще раньше о невозможности нахождения универсальных смысловых форм в языках писал Вильгельм фон Гумбольдт. Он приводил пример: «Когда, например, в санскрите слона иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда еще и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, при том, что каждый раз имеется в виду один и тот же объект». См. подробнее: Wilhelm von Humboldts Werke. 17. Bde. A. Leitzmann (Hg.). Berlin: B.Behr, 1903–1936. P. 34.

согласованности моральных принципов, идеалов, ценностей, целей индивида, позволяющее индивиду оценить приемлемость для него его собственного уровня жизни и способность реализовать собственный потенциал и гражданскую позицию в той или иной языковой картине мира.

Тем не менее эта дефиниция не полностью отражает детали осмысления феномена и проблематизацию социального благополучия, поскольку недостаточно выявляет противоречие, которое лежит в дихотомии субъектно-объектных отношений, взаимовлияния социума и индивида. Также это определение не охватывает экзистенциальную рефлексию, реализованную обществом и индивидом в кризисные и турбулентные этапы в XX веке (и не только), а также феномен осознанности.

Осознанность (прежде всего как философское понятие, а не психологическое) – это выражение человеком действия по познанию окружающего мира и самого себя как его части. Это действие является важнейшей детерминантой социального благополучия индивида, поскольку характеризует результат внутреннего изменения человека. В русском языке само это слово через словообразование отражает глубинный смысл. Человек, который живет осознанно, живет прежде всего *со знанием*. В этом случае речь идет именно о знании (а не информации). Именно знание приносит человеку внутреннюю силу, которая позволяет принимать верные решения и избегать ошибок.

Рассмотрим вопросы осознанности в лингвистических областях разных языков. За основу возьмем утверждение Р. Декарта: «*Cogito*¹⁹⁴ *ergo sum*». В переводе с латинского на русский язык это зачастую переводится, как «мыслю, значит существую». Более корректный перевод *cogito* – «думаю». Инфинитив этого глагола *cogitare* используется Р. Декартом для того, чтобы показать любой рефлексивный акта сознания человека. Позднее

¹⁹⁴ Оговоримся: в этом рассуждении не будем включать размышления до Декарта. Хотя еще задолго до него Августин теоретизировал о понятии *cogito* в книге «О граде Божьем». Анализ этого понятия проводили также Б.Паскаль, Лейбниц. Их рассуждения являются предметом отдельных философских анализов, стоящих достаточно далеко от темы нашего исследования.

данное понятие было переосмыслено Э. Гуссерлем и Ж.-П. Сартром. Ж.-П. Сартр представил его суть как «самосознательного единства опыта человека на основе идеи дорефлексивного *cogito*» как «закона жизни сознания» неперменного спутника всех человеческих состояний, решений и актов¹⁹⁵. В дальнейшем феномен *cogito* развил уже М. Хайдеггер (на основе первоначальных рассуждений Декарта), перейдя от «мышления» и «сознания» к «представлению». В этом случае человек в процессе сознания существует не только как объект, но и как субъект, рассматривающий процесс своей мысли как бы со стороны¹⁹⁶.

В английском языке слово «осознанность» семантически относится к другим корневым основам. Максимально близко к этому понятию можно отнести три слова: *mindfulness*, *awareness* и *consciousness*. Второе и третье слова ближе к терминам из психологического анализа, отображающим внимательность к тому, что происходит с человеком здесь и сейчас, умение видеть детали. Первое понятие очень близко по своей сути к русскому переводу и описывает состояние наполненности знанием. Слово *mind* происходит от древнеанглийского *minde*. Оно, в свою очередь, производит от слова *gemund*, что переводится как «память», «разум» и является родственным древневерхненемецкому *gimunt*, что тоже означает «память». В современном немецком языке осознанность можно перевести как *Achtsamkeit*, что говорит о корневой близости к слову «внимательность». Французский эквивалент осознанности – *conscience*. Эта лингвистическое построение встречается и в английском варианте (куда из французского языка и перешла), и оно близко по своему смысловому значению русскому варианту. С латинского *conscientia* можно перевести как совместное знание, где *scientia* и есть знание.

¹⁹⁵ Тузова Т.М. Картезианство // История философии: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. С. 35.

¹⁹⁶ Хайдеггер М. Время и бытие (статьи и выступления). – М.: Республика. 1993. С.55.

Таким образом, мы видим, что русский язык указывает на глубокие смысловые основы тех феноменов, которые мы изучаем – это видно не только по слову «благополучие», но и «осознанность», «сознание». Язык выступает не только в виде инструмента изучения феномена, но и активно формирует сам феномен. Это суждение подталкивает нас задуматься о будущей динамике феномена социального благополучия и способе его осмысления при, например, массового использования процесса англификации как в научном обиходе, так и на быту.

Как мы выяснили, феномен социального благополучия тесно связан с социальным ожиданием, самооценкой, динамической дихотомией субъектно-объектных отношений общества и индивида. В контексте этих понятий феномен социального благополучия выражает акт познания человеком окружающего мира и самого себя, иными словами, формируется активное бытие *со знанием*. Феномен социального благополучия в социуме уже наличествует в виде мыслей и действий людей. Быт, культура, историческое окружение формируют рамки этого феномена для индивида, внутри которых он начинает процесс познавания феномена для себя самого. Это происходит бессознательно и люди не различают тонкостей между такими феноменами, как благо, счастье или социальное благополучие. Но сам процесс познания¹⁹⁷ происходит постоянно и непрерывно, а индивид всегда участвует в создании своего собственного представления о благах, что фактически и есть осмысление феномена социального благополучия.

Осмысление – еще один элемент, влияющий на формирование феномена социального благополучия. Осмысление – это активная деятельность, в ходе которой человек наделяет смыслом всё, что происходит во внешнем и во внутреннем мире. А смысл, в свою очередь,

¹⁹⁷ Воспользуемся емким определением познания, данного У.Матураной и Ф.Варелой: «познание – это не отражение мира, а внутреннее конструирование мира, построение собственной модели мира, причём акое, которое внешне выражается как эффективное поведение». Авторы предлагают «рассматривать познание не как представление мира «в готовом виде», а скорее как непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни». См. подробнее: Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Перевод с англ. Ю. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция. 2001. С.23

детерминирован ценностями и суждениями человека, а также его знаниями (и даже их отсутствием).

Добавляя описанные элементы, сформулируем определение: *социальное благополучие – это феномен, отображающий уровень осознанности индивидом самого себя в его социальном развитии и осмысления его собственного бытия на основе взаимодействия с социумом и самим собой в той или иной языковой картине мира.*

На основе этого определения разберём характеристики социального благополучия как феномена.

1. Феномен социального благополучия отражает аксиологическое осмысление окружающего мира на основе существующих социальных традиций и практик (в историческом общественном развитии). Это относится как к тем, кто следует социальным нормам, так и к тем, кто не оправдывает социальные ожидания. Разница проявится только в параметрах приятия социальных норм и уровне осознанности.

2. Насыщение внутреннего мира человека смыслами протекает через этап формирования (осмысления) и трансформации (осознанность) жизненной цели. Целеполагание в качестве осмысленного действия является результатом рефлексии феномена социального благополучия (независимо от темперамента и социальных наклонностей человека).

3. Дихотомия субъектно-объектных отношений (между обществом и индивидом) создает ещё одну особенность феномена социального благополучия – коммуникативный базис. Социальное благополучие – это процесс непрерывного осмысления, а также результат общения индивида и социума по гармонизации целей и нужд всех участников социальной жизни.

Проведенный анализ выявленных аспектов социального благополучия приводит нас к следующим вопросам, которые мы поставим в русле экзистенциального подхода. Может ли индивид осмыслить своё

благополучие, имея опыт только позитивно влияющих факторов? Возможно ли говорить о благополучии без опыта кризисных, разрушительных моментов? Знакомство с переживанием экзистенциальных кризисов изменяет феномен социального благополучия или же сам феномен является объективным отражением осознанного бытия индивида в социуме? Эти вопросы мы детальнее рассмотрим в рамках следящих этапов нашего исследования. Экзистенциальные кризисы стали важным фактором усиления смыслообразующих поисков в социальной практике. Это проявилось в создании новых смыслов¹⁹⁸, что повлекло за собой усложнение рефлексии уже знакомых феноменов, в том числе счастья, социального благополучия. Может ли в критических ситуациях человек, когда речь идет о жизни и смерти, ставить вопрос о благополучии? Часть мыслителей (в том числе Франк¹⁹⁹) дают утвердительный ответ.

Смыслообразующий и экзистенциальный аспекты социального благополучия подводят нас к ряду вопросов, важнейший из которых следующий. Если предположить, что современное общество смогло бы избежать деструктивного исторического опыта, то была бы рефлексия социального благополучия такой же, какой она сейчас видится нам? Логика рассуждений нашего исследования подводит нас к очевидному ответу – нет. Таким образом и индивид, и социум воспринимали бы социальное благополучие по-другому. Иным был бы и смысл, который социум выражал бы в быту и в своих научно-философских изысканиях.

Сделаем некоторые выводы на основании вышеизложенного.

1. Как само общество, так и отдельно каждый человек находятся в процессе постоянного переосмысления вопросов счастья, блага и благополучия. В современном социуме отмечается феномен социального

¹⁹⁸ Мы это увидели в обзоре исследований о новых феноменах в психологии, социологии, экономики, о чем говорилось ранее.

¹⁹⁹ Франкл на своём примере прошел через подобный кризис, попав в концентрационный лагерь. Девизом его деятельности и выживания в эти годы стали слова Ницше: «Тот, кто знает, «зачем» жить, преодолеет почти любое «как». Более подробно см: Франкл В. Сказать жизни: «ДА!»: психолог в концлагере. – М.: Альпина Нон-Фикшн. 2019.

благополучия, семантически близкий к феномену благополучия, однако воспринимающийся как отдельная самостоятельная социальная практика. Этот феномен, являясь рефлексией интуитивно понятных для каждого явлений, проявляет себя в контексте осмысления языковой и культурной специфики каждого сообщества. Поэтому слова и термины, отображающие социальное благополучие, лингвоспецифичны и не могут быть полностью перенесены по смыслу из одной языковой картины мира в другую.

2. Исследование по концептуализации феномена социального благополучия выходит за границы отдельных отраслей знаний и не может быть описано только терминами и научными методами психологии, социологии или экономики, где прослеживается тенденция отождествлять этот феномен с психологическим благополучием, социальной защитой, социальным здоровьем или благосостоянием.

3. В социальной жизни можно обнаружить выражения этого феномена в разных проявлениях: социальное благополучие общества, группы или индивида. Феномен социального благополучия является отражением познавательных действий человека и социума на пути к аксиологическому осмыслению социокультурного бытия индивида и общества. В этой динамике возможна постоянная динамичная трансформация в осмыслении, которая может приводить к противоречиям с накопленным опытом (индивида и общества) и даже игнорировать его.

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

2.1. Глокализация и плюриверсализация как характеристики современного мира и социальное благополучие

Трансформация феномена социального благополучия происходит постоянно в силу вовлеченности индивида в социальную динамику окружающего мира и собственной рефлексии. В предыдущих размышлениях мы затронули динамику этой рефлексии в до-информационных эпохах. Конец XX века и начало XXI века снова вывели вопросы благополучия и счастья на первый план. Идея социального государства не решила всех экономических и социальных проблем²⁰⁰. Смысл изменений, которые произошли в социально развитых странах, можно сформулировать словами Кристиана Бьорнскова, изучающего вопросы счастья в странах Скандинавии: «Секрет тут не в скандинавском социальном государстве... Люди быстро адаптируются практически ко всему, что делает социальное государство, и поэтому оно перестает иметь значение для счастья»²⁰¹.

Важным фактором трансформации феномена социального благополучия как в техническом, так и в социальном развитии стали постиндустриальные и информационные характеристики общества. Современная связь соединила разрозненные уголки планеты в одно информационное пространство. Скорость распространения информации и коммуникации снизилась до секунд. Эффект *глобализации* можно увидеть и почувствовать практически во всех странах и во всех сферах жизни. Обычно

²⁰⁰ При этом необходимо уточнить, что практическое применение этой концепции помогло повысить уровень экономического благополучия развитых экономик, которые приняли эту концепцию в качестве главенствующей в социально-экономической политике.

²⁰¹ Кристиан Бьорнсков – профессор экономики, один из основателей Научно-исследовательского института счастья (Дания). См. подробнее: Большая книга о счастье / Борман Лео, пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2015, С. 53.

у этого процесса выделяют два важных фактора, определяющих суть явления глобализации²⁰².

Во-первых, глобализация как процесс, затрагивающий большинство сфер жизни (экономика, политика, культура и т. д.), характеризуется интеграционным движением, то есть движением, направленным на объединение. Во-вторых, глобализация сопровождается процессом унификации, то есть распространением тех или иных подходов, которые уже были опробованы и успешно применены в других аналогичных местах (в экономике, политике, управлении благополучием и т. д.).

Рассуждения о сути, истории и влиянии глобализации на различные сферы жизни до сих пор глубоко дискуссионны²⁰³. Здесь мы лишь отметим противоречивость данного процесса и неоднозначный его эффект. Например, глобализацию можно рассмотреть следующим образом – это «сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, она облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, создаёт условия для доступа стран к передовым достижениям человечества, обеспечивает экономию ресурсов, стимулирует мировой прогресс. С другой стороны, глобализация ведёт к негативным последствиям: закреплению периферийной модели экономики..., разорению малого бизнеса, ..., снижению уровня жизни и др.»²⁰⁴.

Глобализацией как явлением воспользовались транснациональные компании для развития рынков сбыта в разных странах²⁰⁵. Информационная открытость привела к популяризации определенных информационных

²⁰² См. подробнее: Глебов Г. И., Милаева О. В. Современные международные отношения. Учебное пособие. – Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. С. 98.

²⁰³ Критику процессов, сформировавших глобализацию в европейских странах, можно найти в следующих работах: Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с фран. Е. А. Самарской. – М.: Издательство «Республика», 2006; McMurtry J. Value Wars: The Global Market Versus the Life Economy, London and Sterling: Pluto, 2002. Сторонники процесса глобализации, например: Sim S. The End of Modernity: What the Financial & Environmental Crisis Is Really Telling Us, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

²⁰⁴ Экономический словарь / А. И. Архипов и др.; отв. ред. А. И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. 2010. С.136.

²⁰⁵ См. подробнее: Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – С.51.

образов, которые были растиражированы по всем странам. Это же коснулось и феномена социального благополучия.

Унификация многих процессов в деловой сфере привела к процессу распространения уже разработанных моделей экономического развития компании через филиальную сеть в других странах²⁰⁶. Это движение было обусловлено экономической целесообразностью – так быстрее и эффективнее можно развивать стратегии для освоения местного потребительского рынка. Сам процесс, который мы сегодня называем глобализацией, начался значительно раньше. Европейская мысль периода перехода от Средневековья к Новому времени укрепила в необходимости общественных изменений через переходы обществ на разные стадии развития прежде всего в силу результатов Эпохи Великих географических открытий²⁰⁷. Эта мысль стала убежденностью, которую можно проследить в работах многих европейских мыслителей²⁰⁸.

К XVIII – XIX векам европейское общество смогло провести сравнение особенностей разных обществ, где к тому времени побывали европейские первооткрыватели²⁰⁹. Эти размышления к XIX веку сформировали основу доктрины эволюционизма²¹⁰. Далее эти мысли углубляются и становятся фундаментом для развития научных школ. Ученые начинают говорить об удивительном научном развитии в течение

²⁰⁶ См. подробнее: Управление цепями поставок: Справочники издательства Gower / Под ред. Дж. Гатторны (ред. Р. Огулин, М. Рейнолдс); Пер. с 5-го англ. изд. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С.376 (Научная редакция В.И. Сергеева, директора международного центра логистических исследований ГУ-ВШЭ).

²⁰⁷ См. подробнее: Arnold D. The Age of Discovery, 1400–1600, Lancaster pamphlets. – Routledge, 2002; Braudel F. The Wheels of Commerce, vol. II of Civilization and Capitalism 15th–18th Century. – University of California Press, 1992; Tamura H. China: Understanding Its Past. – University of Hawaii Press, 1997.

²⁰⁸ Например, такая убежденность прослеживается у Конта в его формировании задач социологии. См. подробнее: Конт О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С.96. Эту же тенденцию в размышлениях европейских исследователей подмечает и П.А. Сорокин. См. подробнее: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В.В. Сапова. – М.: Академический проспект, 2017. – С.285.

²⁰⁹ См. подробнее: Магидович В. И., Магидович И. П. Эпоха великих открытий до середины XVI века. – М.: Астрель. 2009.

²¹⁰ Некоторые постулаты этой концепции были выдвинуты еще философами Античности, но главным фундаментом, послужившим развитию концепции, принято считать публикации Ч. Дарвина.

почти каждого века²¹¹. Это приводит к значительной трансформации как в направлении развития научной мысли, так и на бытовом уровне. Интенсивное становление получают прежде всего точные и естественные науки, что предопределило стремление использовать их методы практически повсеместно, где общество сталкивалось со сложным процессом принятия решений.

За несколько прошедших веков западная мысль и экономика сформировали сциентистско-технократический мировоззренческий подход, суть которого можно сформировать следующим образом: а) вера в необходимость технического прогресса как главного фактора развития цивилизации²¹²; б) убежденность, что только научно обоснованное знание является достоверным, все что ненаучно – не должно серьезно рассматриваться; в) вера в роль научного подхода, основанного на логичности и измеримости, во всех сферах жизни²¹³, в том числе подхода, согласно которому аппарат научно-естественных дисциплин наиболее достоверен и должен также использоваться во всех социальных и гуманитарных исследованиях; г) научное знание провозглашается наивысшей ценностью, ради которой можно пожертвовать другими.

Безусловно, необходимо отметить и аргументированную критику этого мировоззренческого подхода (Ф. Шуон, Ю. Эвола и некоторые другие²¹⁴). Тем не менее сциентистско-технократический взгляд на мир

²¹¹ Подобную мысль ярко иллюстрирует П.Сорокин в своей монографии. Он собрал примеры высказываний ученых на протяжении нескольких веков. Вот некоторые из них: «Кампанелла (1568 – 1639): «Наш век за свои сто лет сделал больше, чем весь мир за предыдущие четыре тысячелетия... ибо он пользовался современными изобретениями...». Лейбниц (1646 – 1716): «Мы живем в подлинно философский век, когда мы проникаем в глубочайшие тайны природы... Нам помогают бесчисленные инструменты и механизмы». Ф.Бэкон (1561 – 1626): «Ни один век не был более счастлив в свободе исследования, чем нынешний». Источник: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер.с англ. В.В.Сапова. – М.: Академический проспект, 2017. – С.284.

²¹² См. подробнее: Ортегга-и-Гассет Х. Восстание масс. Сб.: пер. с исп. / Х. Ортегга-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. Также см.: Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ / Перевод Т.Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М. Логос, 2001.

²¹³ Здесь уместно процитировать Сорокин П.А.: «Результатом чрезмерного развития науки являются неизбежные последствия, которые начинают сдерживать ее дальнейший прогресс...». Источник: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер.с англ. В.В.Сапова. – М.: Академический проспект, 2017.С.292.

²¹⁴ Генон Р., Эвола Ю., Шуон Ф., Кумарасвами А. Свет и тени. – Тамбов: Ex Nord Lux. 2012.

сейчас является главенствующим и определяющим вектором трансформации не только экономики и управления, но и жизни индивида²¹⁵. Именно такой подход лег в основу глобализации.

Это привело к безграничной вере в позитивные науки и научный метод, основанный на наблюдениях и статистике. Однако очевидно, что культурные и социальные феномены развиваются часто по непредсказуемой логике и проходят через кризисные моменты, которые невозможно обосновать и увидеть заранее²¹⁶. «Как показывает история развития науки, неправомерно считать редукционистские стратегии панацеей для решения социальных проблем. Излишнее увлечение физикалистскими и механистическими программами приводит к «потере» человека, его активности...»²¹⁷ Вера в научные подходы и статистические модели, которые помогают описывать технократический мир, побуждает исследователей и общественных деятелей к мысли о неизбежности применения тех же самых моделей и в решении социальных проблем. Результатом становится убежденность, что главные критерии оценки качества жизни, счастья, социального благополучия должны быть измеримыми и логически обоснованными²¹⁸ (снова обратим внимание на замечание, сделанное Э. Динером в ходе описания социального благополучия, и необходимость механизма измерения). А то, что измерить

²¹⁵ Сорокин, например, в своей монографии приходит к следующему выводу: «Нынешняя же позиция эмпирической науки абсолютно аморальна... Совершенно чужды и безразличны ей такие понятия, как добро и зло, священное и мирское, греховное и добродетельное, вредное и полезное и т.п. С одинаковой «объективностью» изучает она святое и преступное, моральное и аморальное... Таким образом, если наука когда-нибудь элиминирует другие формы истины, позитивные понятия естественны, то результатом могут оказаться аморализм, асоциальность и другие явления, которые сделают нормальную жизнь общества невозможной». Источник: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер.с англ. В.В.Сапова. – М.: Академический проспект, 2017. – С.292.

²¹⁶ Мысль о том, что статистические и математические методы изучения не приводят к успешным результатам в области управления социальными явлениями, развиты в следующих трудах: Рейнхарт К. Рогофф К. На этот раз все будет иначе: Восемь столетий финансового безрассудства / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2014. А также: Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – 2-е изд., доп. / Пер. с англ. – М: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.

²¹⁷ Платонова С.И. Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 133.

²¹⁸ Diener E., Suh M., Lucas R., Smith H. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999, Vol. 125, No. 2, P. 276-302.

нельзя, не поддается управлению²¹⁹. Однако в начале XXI века сформированное глобальное мировоззрение столкнулось с противодействием, результатом которого стали два важных явления: *глокализация* и *плюриверсализм* (или *плюриверсализация*).

Глокализация. По своей конструкции слово глокализация состоит из двух разных частей: глобализация (англ. *globalization*) и локализация (англ. *localization*). Считается, что это английская версия перевода японской маркетинговой стратегии, примененной в аграрной сфере, которая впервые была применена в 1980-х годах²²⁰ (точное японское выражение - グローカル化 или *dochakuka*, что означает «делать что-то как местные жители»).

После активного внедрения в Азии концепция была глубоко пересмотрена современными западными мыслителями. Это явление сейчас изучают во многих научных школах²²¹ и используют в большинстве стратегий транснациональных компаний. Р. Робертсон, например, дал следующее описание этого явления: «the universalization of particularization and the particularization of universalism»²²², что можно перевести на русский язык, как «универсальный подход к частному и частный подход к универсальному». Иными словами, глокализация – это процесс совместного развития двух разнонаправленных тенденций: универсализации глобальных экономических явлений и сохранения региональных культурных отличий.

²¹⁹ См. подробнее: Мескон М.Х, Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента, 3-е издание: Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2008.

²²⁰ См. подробнее: Sharma Kumar. Emerging dimensions of decentralization debate in the age of Glocalization. MPRA Paper 6734, University Library of Munich, Germany, 2008.

²²¹ См. подробнее: Ohmae Kenichi. The End of the Nation-State. The Rise of Regional Economies. - London, Harper Collins Publishers, 1995; Haynes J. Religion, Globalization and Political Culture in the Third World. – New York: St. Martin's Press. 1999; Sarroub L. K. Living «Glocally» with Literacy Success in the Midwest. Faculty Publications: Department of Teaching, Learning and Teacher Education. – Nebraska. 2008.

²²² Глокализация в той форме, в которой ее изучают сейчас, была описана и переосмыслена Роландом Робертсоном. Именно он озвучил эту идею сначала на социологической конференции в Мадриде в 1990 году (международный социологический конгресс проходил под лозунгом: «Много социологии для разных стран или одна социология для единого мира?»), а затем в Токио в 1997 году. См. подробнее: Robertson R. Comments on the Global Triad and Glocalization. In Inoue, N (ed.) Globalization and Indigenous Culture. Institute for Japanese Culture and Classics. Tokyo: Kokugakuin University, 1997. P. 217-225.

Социальная динамика, где развиты информационные технологии и протекают процессы глокализации, приводит к таким явлениям, как усиленная культурная гибридизация²²³. Глобальные тенденции социального благополучия, основанные на увеличении потребления, заботы о здоровье, здоровом карьери́зме, сталкиваются с локальными культурными паттернами, усиленными самосознанием образованной части местных сообществ, чувством локальной гордости (патриотизма) и стремлением к суверенитету (культурному, научному). «Глокализация собирает под своей крышей явно противоположные процессы: с одной стороны, слияния и унификации, выдвижение на первый план гомогенного, транснационального и кросс-культурного, с другой – сохранение и усиление локальных и региональных различий, поощрение гетерогенности, внимание к местным традициям и историям, к разнообразию как таковому»²²⁴.

Результатом становятся постоянное переосмысление индивидом новых тенденций социального благополучия. Так, на смену когда-то удобному и прагматичному подходу в ежедневном питании *fast-food* (распространённому в силу легкости и низких затрат на развитие транснациональными компаниями²²⁵) в некоторых странах и сообществах приходит концепция *slow-food*²²⁶. Суть её состоит в том, чтобы заботиться о своем здоровье посредством такого режима питания, который учитывает вдумчивый (неавтоматизированный) подход к процессу приготовления и употребления пищи. Это движение фокусируется на феномене уникальных ритуалов в культурах национальных кухонь, который был полностью уничтожен идеей быстрого питания. Это отражает потребность переосмысления элемента социального благополучия (Италия, Испания).

²²³ См. подробнее: Nederveen J. *Globalization and Culture: Global Melange*. - Rowman and Littlefield, third revised edition. 2015.

²²⁴ Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвину́тость и ее вызовы. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 312.

²²⁵ Такому явлению в эпоху глобализации даже дали название – макдональдизация. См. подробнее: Ritzer G. *Macdonaldization of Society*. – Los Angeles: Pine Force Press. 2008.

²²⁶ См. подробнее: Оноре К. Без суеты: как перестать спешить и начать жить. In *Praise Of Slow How A Worldwide Movement Is Challenging The Cult Of Speed*. — М.: Альпина Паблишер, 2014.

Целый комплекс переосмысленных идей в информационную эпоху связан с рефлексией социального благополучия в преломлении нахождения индивида в комфортном пространстве. Глобальный нарратив, связанный с развитием транснациональных компаний, развивал идеи американского подхода, в котором главенствовал утилитаризм или конформизм. Локальным ответом этому стало размышление представителей местных сообществ о национальных и исторических особенностях существования индивида в пространстве, где смысловой упор делается не на утилитарном использовании и приспособлении окружающего мира под нужды человека, а на осознанном гармоничном сосуществовании индивида с целой экосистемой вокруг себя.

Примером тому могут служить следующие концепции.

1. Датская бытовая философия в стиле хюгге (*hygge*)²²⁷. Это понятие появилось в Дании и распространилось на некоторые другие страны Северной Европы. Оно означает чувство уюта от организации пространства по определённым правилам, неспешного общения или созерцания. В эпоху глокализации это явление становится важной особенностью северных стран, общества которых с гордостью рассказывают о своем способе достичь социального благополучия.

2. Переосмысленный традиционный шотландский быт в стиле *coorie*, который акцентирует внимание на умении оценить своё наследие, родовые корни и природу вокруг, какой бы суровой она ни казалась²²⁸. Это явление диаметрально противоположно унификации по образцу информационных образов, популярных в эпоху глобализации.

3. Японские движения об осмысленном сосуществовании человека и природы *синрин-йоку* (森林浴) и *икигай* (生き甲斐). Синрин-йоку дословно означает «лесные ванны». Это явление превратилось в целое

²²⁷ См. подробнее: Нугге. Уютная книга о счастье по-скандинавски. 100 секретов простых радостей. – М.: АСТ, 2017.

²²⁸ См. подробнее: Беннетт Г. Coorie. Шотландское искусство счастья. – М.: Эксмо, 2018.

национальное движение, очень популярное для уменьшения стресса на работе. *Икигай* и *ваби саби*²²⁹ – это философские подходы к поиску счастья в самых простых бытовых вещах.

4. Программы в международных бизнес-корпорациях под общим названием *work-life balance*²³⁰. Это направление культурной организации делового общения, времяпрепровождения, основанного на уважении к некоторым важным потребностям человека, которые в эпоху унификации и глобализации не были учтены (здоровое питание, природные тона в офисных помещениях, гибкий график работы, поощрение занятий спортом).

Для осмысления эффекта глокализации в современном мире и его влиянии на постижение социального благополучия снова обратимся к истории термина и используем историко-лингвистический подход. Важно обратить внимание на языковую коннотацию термина и его историю. Японский подход (как и японский термин) зародился как вынужденный ответ на массовый и сильный натиск западной модели (как экономической, так и культурной, смысловой) на традиционные модели Японии. Западная же мысль адаптировала этот ответ, переведя и доработав его. Так появился снова англоязычный термин, но в уже переработанном виде, который скорее уточняет и дополняет процесс глобализации, чем препятствует ему.

В этом языковом примере видна и сущность глокализации – диалектическое взаимодополнение глобальных и локальных явлений. В научной сфере отражение этих процессов соответствует утверждению двух диаметрально противоположных точек зрения на социальные процессы современности и развитие научных подходов для их рассмотрения.

Первая заключается в том, что разнонаправленные процессы стремятся к объединению. В западной терминологии такой процесс в области социально-гуманитарного знания даже называется *креолизацией*

²²⁹ Кемптон Б. *Wabi Sabi*. Японские секреты истинного счастья в неидеальном мире. – М.: Эксмо, 2019.

²³⁰ См. подробнее: *Work life balance*. Harvard Business Review. – М.: Альпина Бизнес Букс. 2006

знания или *ориентализацией* ²³¹ (то есть западный научный подход подвергается диффузии со стороны восточных идей). В русле этой концепции выступают группы исследователей из разных научных направлений. Примером служат ряд идей о необходимости выработать универсальные социальные теории, которые бы описывали социальные процессы во всех обществах (П. Штомпка, Дж. Александр). «Существует одна социология в множестве социальных миров. Механизмы и регуляторы социальной жизни универсальны для человечества несмотря на то, что их проявления различаются от цивилизации к цивилизации, в самой культуре, в обществе, и наконец, в отдельных ее частях. Даже несмотря на позднейший медленный переход к универсальности под воздействием глобализации, за исключением тех, которые зависят от несправедливого неравенства»²³².

Вторая точка зрения заключается в том, что подобные процессы в своей динамике стремятся к поляризации и не достигают логического равновесного единения (С.И. Платонова²³³, А.Н. Малинкин²³⁴). Уровень современного знания позволяет использовать *разные* научные подходы для изучения не только социально-гуманитарных проблем, но и естественных наук. Пример такому диалектическому подходу мы находим в работе Степина о двух конкурирующих концепциях изучения явлений электричества и магнетизма (электродинамика Ампера-Вебера и электродинамика Фарадея-Максвелла)²³⁵. Два кажущихся несовместимыми

²³¹ Cohen R. Creolization and Cultural Globalization: The soft sound of fugitive power // Globalization Vol. 4 (2) 2007. P.14.

²³² Штомпка П. Десять тезисов о статусе в неравном мире // Социологические исследования. 2013. №9. С.132.

²³³ Платонова С.И. Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 131-142.

²³⁴ Малинкин А.Н. Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 114-124.

²³⁵ Это пример показывает, что даже та теория, которая оказалась не востребована в конце XIX века и считалась неподходящей для описания законов электродинамики (идеи Ампера-Вебера), получила свое признание в начале XX века и использовалась в изучении квантовых аспектов электродинамики. См. подробнее: Степин В.С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания // Вопросы философии. 2016 №6. С.5-15.

научных подхода, дополняя друг друга, успешно применяются для описания физической картины мира.

Это сравнение иллюстрирует зародившиеся практики *плюриверсализации*, то есть опыта использования разных идей для описания одних и тех же явлений.

Плюриверсализация. Плюрализм как принцип формирования мышления как в науке, так и в быту даёт возможность дальнейшего диалектического сосуществования разных идей, практик и образов жизни. Этот подход смещает акцент с линейного развития общества в сторону вариативности, с исторической детерминированности – в сторону поиска и постоянного переосмысления основ и базиса социального благополучия. В научном мире, по словам С.И. Платоновой, основные идеи плюриверсальности «направлены против колониальности, модерности, рационализма, европоцентризма и американоцентризма»²³⁶.

Социальное благополучие в силу динамики изменений в обществе, появления новых идей, которые могут противоречить друг другу, но при этом сосуществовать в сознании индивидов, претерпевает постоянные изменения. Накопленные изменения в осмыслении могут входить в противоречие с имеющимся опытом (например опытом осмысления социального благополучия в прошлом) и даже полностью его игнорировать.

Принцип плюриверсальности помогает осмысливать феномены, используя противоречивые идеи и концепции, и точнее понять суть тех или иных изменений в обществе. Этот принцип позволит преодолеть сложность лингвоспецифичности терминов, описывающих социальное благополучие в разных языковых картинах мира. Примером интеграционных теорий на базе концепции плюриверсализации могут послужить следующие работы.

К. Кафестиос (Kafestios, K), доктор психологии из Университета Крита (Греция), выделяет общий подход в разных культурах, которые могут

²³⁶ Платонова С.И. Особенности российской социологии: наследие прошлого и вызовы настоящего // Международный научно-исследовательский журнал. №2 (68). 2018. С. 69.

казаться противоположными в подходе к социальному благополучию. Например, могут различаться общества с коллективистскими культурами и общества с индивидуалистическими культурами. Данные, приведённые в его исследовании ²³⁷ подтверждают вывод о важности социальных контактов индивида с людьми, разделяющими его ценности. Есть сообщества, в которых преобладают коллективные взаимоотношения, более тесные связи и чувство общности. Другие сообщества строятся на индивидуалистичном подходе и самостоятельности, с менее выраженными социальными связями. В обеих группах рефлексия социального благополучия (как общества, так и социальных групп и индивида) строится по-разному. При этом общим остается подход – рефлексия социальных практик на базе ценностей.

Идеи плюриверсализации прослеживаются в работах Д. Шека (Shek D.), профессора Гонконгского Политехнического университета, чьи работы сравнивают концепции счастья и проявления социального благополучия в китайской культуре и культурах западных стран. Он анализирует динамику китайских социальных групп, выделяя сильное влияние ценностей конфуцианства, буддизма и даосизма. В целом он видит возможное сосуществование в одном обществе разных и диаметрально противоположных концепций счастья, социального благополучия, субъективного благополучия. При этом приводит примеры изменения ценностной парадигмы не-китайцев на основе изучения традиций конфуцианства, и наоборот, примеры диффузии традиционных ценностей китайцев в сторону западных моделей поведения ²³⁸. К аналогичным выводам приходит и С. Жаныцзун ²³⁹ (Zhanjun Xing, исследователь вопросов

²³⁷ Kafestios, K., Sideridis G. Attachment, social support and well-being in young and older adults // Journal of Health Psychology. 11(6), 2006. P. 863- 876.

²³⁸ Shek D. Pioneer in Chinese Quality of Life Research // Applied Research Quality Life 13, 2018. P. 257–259.

²³⁹ Zhanjun Xing, Liqing Huang. A National Study on Subjunctive Well-being Scale for Chinese Citizens (SWBS-cc) // International Journal of Applied Psychology. No.9 (15). 2019. P. 117-127; Shandong Xing. An Initial Research on Output Well-Being Index Applied to Residents in Wealthy Counties From China // The Measurement of Subjunctive Well-Being in Survey Research. Vol. 16. No.3, 2015. P. 441-460.

счастья и благополучия, Шаньдунский Университет, Китай). Феномен социального благополучия в китайском социуме раскрывается через внимание к благополучию других людей и в целом группе, к которой принадлежит индивид, в большей степени, чем к благополучию отдельного человека²⁴⁰. Социальное благополучие в китайском обществе в динамике проанализировано в работах китайского профессора (Гонконг) Ч. Ченга (Chau-Kiu Cheung)²⁴¹.

Можно выделить целую плеяду исследователей, которые констатируют национальную специфику счастья. Эти исследователи рассматривают специфические для тех или иных стран способы рефлексии счастья. В большинстве этих работ затрагивается вопрос социального благополучия, рефлексия которого динамично меняется в русле локальной специфики.

А. Абдель-Халек (Ahmed M. Abdel-Khalek), профессор психологии из Александрийского университета (Египет), резюмируя специфику рефлексии о счастье и благополучии в странах и обществах Ближнего Востока, выделяет принадлежность к религии как фактор социального благополучия. Несколько исследований, приведённых в его работе, выводят исторический религиозный контекст как необходимый фундамент для социального благополучия целого региона²⁴². Именно этот регион считается местом зарождения трех мировых религий, что исследователями также учитывается. В этих странах на подсознательном уровне приверженность к религии служит фактором счастья, душевного здоровья и залогом материального благополучия. В рамках анализа зависимости социального и психологического благополучия в сообществах с преобладающим исламскими воззрениями Файзах Бинти Авад и Рос Маясари (Faizah Binti

²⁴⁰ Chen Y., Williams M. Subjective well-being in the new China: religion, social capital, and social status: Subjective well-being in the new China // *British Journal of Sociology*. 2016, № 67(4). P. 719-746.

²⁴¹ Cheung C.-K., Leung K.-K. Forming life satisfaction among different social groups during the modernization of China // *Journal of Happiness Studies*. 2004 (5). P. 23 – 56.

²⁴² Ahmed M. Abdel-Khalek. Religiosity and subjective well-being in the Arab context: addendum and extrapolation // *Mental Health, Religion and Culture*. 2019. Vol. 22 (8). P. 860-869.

Awad, Ros Mayasary - профессора Государственного исламского института (IAIN Kendar) Индонезии) определили исламскую религиозность как отдельный фактор, формирующий иное восприятие счастья и благополучия²⁴³.

Специфика рефлексии субъективного благополучия, вопросов счастья отражена в исследованиях Д. Шмоткина (Shmotkin D., профессор психологии, руководитель Герцеговского института старения Тель-Авивского университета)²⁴⁴ о жертвах Холокоста: идея рефлексии благополучия дополнена неотъемлемым взаимодействием с системой, названной *сценарием враждебного мира (hostile-world scenario)*²⁴⁵. В результате работы адаптационного механизма индивид трансформирует своё представление о благополучии и счастье, которое преобразуется в матрицу (на основе якорных воспоминаний о прошлых периодах). Эта матрица, которая может состоять из противоречивых и нелогичных элементов, помогает человеку в дальнейшей рефлексии социального благополучия (в его настоящем и будущем). Важной частью этой концепции является опыт переживания (и осмысления) травмы. Схожие выводы делает и Худа Айяш-Абдо (Huda Ayyash-Abdo, профессор психологии Ливанского университета) анализируя трагичный опыт Ливана, где общество пострадало от конфликтов и гражданских войн²⁴⁶.

Специфика японского общества отражена в работах Т. Кусаго (Kusago T.), профессора социологии из Университет Кансай (Япония). Он проанализировал влияние экономического роста Японии на удовлетворённость жизнью населения. Результаты говорят о специфичности восприятия социального благополучия в этой стране и

²⁴³ Binti A. F., Mayasari R. Subjective Well-Being, Psychological Well-Being, and Islamic Religiosity // International Journal of Science and Research (IJSR). Volume 4, Issue 12 (2015). P. 1168-1173.

²⁴⁴ Shmotkin D. Happiness in Face of Adversity: Reformulating the Dynamic and Modular Bases of Subjective Well-Being // Review of General Psychology. 9 (4), 2005. P. 291-325;

²⁴⁵ Shmotkin D., Avidor S., Shrira, A. The Role of the Hostile-World Scenario in Predicting Physical and Mental Health Outcomes in Older Adults // Journal of Aging and Health. 2016 (5). P. 863-889.

²⁴⁶ Ayyash-Abdo H. Subjective well-being during political violence and uncertainty // Journal of Applied Psychology: Health and Well-being. 2010 (2). P. 340-361.

разнице в восприятии благополучия разными поколениями – от экономического процветания всей страны (это идея была главенствующей в рефлексии социального благополучия в послевоенной Японии) до благополучия через развитие местных общин (специфических локальных социальных групп с тесными связями и привязкой к местным правилам, истории и ритуалам)²⁴⁷. В своих работах Такаёси Кусаго даже предлагает вводить каждому индивиду свою собственную виртуальную валюту, чтобы считать индекс счастья и уважать свои собственные ценности. По такому примеру он создал так называемую «валюту Такаёси».

Но можно ли экстраполировать результаты этих исследований на другие сообщества? Скорее, нет или только при некоторых оговорках и условиях. Скорее их результаты могут быть использованы для осознания многогранности картины рефлексии социального благополучия в разных сообществах. Специфика тех или иных стран, регионов в рефлексии социального благополучия говорит не только о лингвоспецифичности феномена, но и его культуроспецифичности и историкоспецифичности.

Жертвы насилия (в том числе в масштабах народов) проходят свой специфический путь рефлексии социальных практик, который может передаваться (в определенной мере) другим поколениям (как мы это видим на примере жертв Холокоста)²⁴⁸. Но трансляция экзистенциальных травм не характерна для социальных групп, не переживших подобную травму или переживших ее в менее драматичной форме. Религиозная детерминанта социального благополучия Ближнего Востока не может быть полностью принята атеистическим сообществом в других регионах. Экономическая скрупулёзность Японии не может быть частью феномена социального благополучия южных регионов (Италии, Греции) в силу других культурных кодов. Таким образом, можно утверждать, что рефлексия феномена

²⁴⁷ Kusago T. The evolutionary path of the 21st Hyogo Long-term Vision Project in Japan: community development, resilience, and well-being // Community Development Journal. 2017, №52 (1). P. 160-170.

²⁴⁸ Shmotkin, D., Lomranz, J. Subjective Well-Being among Holocaust Survivors: An Examination of Overlooked Differentiations // Journal of Personality and Social Psychology. 1998 (75). P. 141–155

социального благополучия имеет объективно разное насыщение в зависимости от языка, культуры и истории тех или иных социальных групп.

Лингвоспецифичность феномена в современных условиях существует параллельно с явлением англификации понятий. Многие исследователи постулируют новые понятия именно через английские термины в силу распространенности этого языка в научном мире. Так произошло с понятиями глобализация, глокализация. Так произошло с понятием *fortigenesis* (пока не переведено точно на русский язык). Д. Штрюмпер (Strümpfer D.) ввел это понятие²⁴⁹, изучая показатели экономического благополучия и субъективного благополучия в ЮАР²⁵⁰.

Остановимся подробнее на этом. Влияние языковой картины мира на осознание социального благополучия сводится не только к лингвоспецифичности понятий. Язык является не столько способом коммуникации, сколько активным средством построения мира и мировоззрения. Человек, проживающий в моно-языковой (не-английской) картине мира, подвергается влиянию (через интернет и т.д.) новых феноменов и явлений, которые входят в его мировоззрение через кальку другого языка (чаще всего английского или даже упрощённого американского). Это трансформирует сам акт познания индивидом мира и самого себя. Таким образом, глобализированный информационный контент создает новый лингвистический мир, в котором рождаются термины через англификацию. Английский язык является неродным для большинства населения планеты. А значит сами термины будут нести искаженный смысл явлений в силу лингвоспецифичности и культуроспецифичности феноменов. Это приводит к следующим последствиям.

²⁴⁹ Strümpfer D. The Strengths Perspective: Fortigenesis in Adult Life // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. 2006. Vol. 77. Issue 1. P. 36.

²⁵⁰ Fortigenesis – это явление, при котором индивид строит свою жизненную стратегию с учетом прежде всего осознанного использования сильных сторон. Такое отношение, по мнению исследователя, повышает шансы добиться субъективного благополучия и материального достатка.

1. К невозможности полного понимания новых терминов, а значит некритичному восприятию сути явлений и феноменов.

2. К появлению оторванных от своей специфики терминов, которые в разных группах (странах) наполняются своим пониманием.

Информационная перегруженность²⁵¹ и англификация становятся важнейшими характеристиками современного общества, в рамках которого индивид переживает рефлексия социального благополучия в своей языковой картине. Это создает эффект виртуализации действительности. Индивид окружается виртуальной лингвореальностью, состоящей из новых и постоянно меняющихся терминов и образов. В этих терминах и образах человек и социальные группы строят смыслы, которые, по их мнению, отражают реальность. Но эти смыслы скорее усложняют процесс понимания и осознания. Тот факт, что в обществе существует множество языков, означает, что каждое общество описывает одни и те же явления разными словами. А это, в свою очередь, говорит о том, что язык не может точно описывать реальность, ведь существуют другие языки, которые эту же реальность описывают по-другому. Таким образом, язык является не чем иным, как виртуальной реальностью, в которой звуковые сигналы передают некие смыслы и образы от одного индивида к другому. Языковая система, возможно, является первой виртуальной системой, придуманной человеком.

На основании вышесказанного сделаем промежуточные выводы.

1. В начале XXI века процессы глобализации и глобальной унификации столкнулось с противодействием в виде явлений глокализации и плюриверсализма во многих сферах жизни (экономика, политика, культура и т. д.). Этот же процесс характерен и для рефлексии феномена социального благополучия. От идеи социального государства размышления философов и ученых перешли в сторону специфических национальных

²⁵¹ Уже в начале XXI века «менее чем за один год удваивается генерируемая человечеством информация». См. подробнее: Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2015. С. 46.

особенностей благополучия и счастья, что диалектически соединяет противоречивые подходы к социальному благополучию даже в рамках одного сообщества индивидов.

2. Рефлексия социального благополучия в разных сообществах является многогранным процессом. Специфика тех или иных стран в динамическом осмыслении и переживании феномена социального благополучия показывает не только лингвоспецифичность феномена, но и культуроспецифичность и историкоспецифичность. Мы также можем констатировать и национальную специфичность, которая проявляется в обществах, где развито и укоренено в сознании самобытное культурное мировоззрение (страны Восточного и Арабского мира, которые удерживают самостоятельность культур на фоне проникающей глобализации западного образца). Иными словами, рефлексия феномена социального благополучия имеет объективно разное ценностное насыщение в зависимости от языка, культуры и истории тех или иных социальных групп.

3. Информационный взрыв и информационная перегруженность современному человеку не дают возможность реализовать базовые принципы социального благополучия – процесс осознания действительности и новых социальных практик искажается в силу лингво-виртуальности и перенасыщенности информационного пространства, что затрудняет рефлексию социального благополучия.

2.2. Формирование виртуально-кибернетической реальности и трансформация смыслового содержания социального благополучия

Утверждая, что язык по своей сути является виртуальной реальностью, мы должны последовать дальше и изучить эту самую виртуальную реальность и её влияние на объект нашего исследования глубже. В современном обществе понятие виртуальной реальности стало

настолько популярным, что звучит почти как обыденное явление. Ж. Бодрийяр писал: «Мы утратили связь с реальностью и вошли в эпоху гиперреальности – эпоху, в которой картинка важнее содержания, а связь между предметами, явлениями и их знаками нарушена»²⁵².

Считается, что активно популяризировал словосочетание «виртуальная реальность» футуролог, Джарон Ланье²⁵³. Но исследования Ланье основаны преимущественно на технической интерпретации виртуальной реальности. По его мнению, это понятие основано исключительно на технологических результатах компьютерных разработок и их внедрении в повседневную жизнь людей (прежде всего через компьютерные игры)²⁵⁴. Однако такой чисто технологический подход недостаточен для нашего исследования в силу своей узости. Виртуальная реальность гораздо шире, чем технологическая компьютерная сеть. Если придерживаться узкого технологического подхода к определению, то исследователь упускает значительную часть этого явления, а главное – упускает его последствия на социальные практики в обществе. В философском дискурсе виртуальная реальность рассматривается в более широком смысле – здесь можно выделить несколько групп исследований, основанных зачастую на противоположных подходах.

Первая группа исследователей придерживается мнения, что виртуальная реальность – это иллюзия, порожденная специфическими компьютерными технологиями. Такого мнения придерживается А.И.

²⁵² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С.25

²⁵³ Стоит отметить, что нет общего понимания, кто первым ввел это понятие. Так, близкое к нему понятие «искусственная реальность» было введено М. Крюгером в конце 1960-х гг.. В это же время активное развитие новых идей происходит благодаря писателям-фантастам. Например, С.Лем в романе «Сумма технологий» в 1964 году рассуждает о действительности, которая не подчиняется обычным законам. Фактически писатель описывает то, что чуть позже назовут виртуальной реальностью. Затем научные эксперименты дают несколько важных технологических прорывов, дополняющих новое понимание нового феномена – в 1967 году И. Сазерленд смонтировал первый виртуальный шлем, появились перчатки, начали развиваться новые подходы в компьютерных играх, которые сформировали такое понятие, как *дополненная реальность*. Однако популяризатором термина *виртуальная реальность* все же считается Дж. Ланье.

²⁵⁴ См. подробнее: Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Deckle Edge. 2010.

Воронов, М. Крюгер²⁵⁵. Вторая группа исследователей считает, что виртуальная реальность – это «недобытие», то есть недовоплощённое бытие (В.В. Афанасьева, С.С. Хоружий²⁵⁶). Третий подход характеризует виртуальную реальность как особое психологическое состояние, характерное для человека в силу его психических и интеллектуальных способностей (Н.А. Носов²⁵⁷, С.А. Борчиков, И.Г. Корсунцев²⁵⁸, М. Хейм²⁵⁹, Ф. Хэммит²⁶⁰). Этот подход противоречит первому, согласно которому виртуальная реальность возможна только в компьютерных технологиях.

На наш взгляд, нельзя утверждать, что феномен виртуальной реальности стал новым для XX века. Ведь онтологические корни этого феномена близки к феномену иллюзии (ее изучает Г. Гегель в работе «Феноменология духа» (1807 г.)) и воображения (в феноменологии это понятие рассмотрено в книге Э. Гуссерля «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913 г.)), в психологии это понятие также проработано, в том числе отечественными учеными (Л.С. Выготский, В.Т. Кудрявцев). Однако современные технологии привнесли в этот феномен значительный масштаб, популяризируя и тиражируя через каналы индустриализации, компьютеризации и глобализации.

Согласно Н.А. Носову²⁶¹, виртуальной реальности свойственны следующие характеристики.

1. Порождённость (виртуальная реальность производится другой, внешней к ней, реальностью).

²⁵⁵ См. подробнее: Krueger M. Artificial reality: Past and Future // Virtual reality: theory, practice, and promise. Edited by Sandra K. Hesel and Judith Paris Roth. Meckler publishing. London. 1991.

²⁵⁶ Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации // Культура и искусство. 2012. №. 3(9). С.46-49

²⁵⁷ Носов Н. А. Манифест виртуалистики // Труды лаб. виртуалистики. Вып. 15. – М.: Путь. 2001.

²⁵⁸ Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. – М., 1997.

²⁵⁹ Heim M. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice, and promise. Edited by Sandra K. Hesel and Judith Paris Roth. Meckler publishing. London. 1991.

²⁶⁰ Hammet F. Virtual Reality – New York: Straus Ed. – 1993.

²⁶¹ Носов Н.А. Манифест виртуалистики Труды лаб. виртуалистики. Вып. 15. - М.: Путь. 2001.

2. Актуальность (то есть виртуальная реальность существует актуально, в момент наблюдения, «здесь и сейчас»).

3. Автономность (она имеет свои собственные законы бытия, времени и пространства).

4. Интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать с другими реальностями, тем не менее обладая независимостью).

С.С. Хоружий в своей концепции идет дальше и трактует компьютерную виртуальную реальность как многомодусное бытие, то есть бытие, допускающее множество вариантов и сценариев развития одних и тех же событий²⁶².

Важной частью современного процесса компьютеризации является и *киберпространство*. В науках, описывающих компьютерные технологии, принято считать киберпространство частью виртуальной реальности. Это понятие можно разделить на две части.

1. Первая часть связана с развитием серверов, которые фактически предоставляют пользователям интернета возможность обходить географические ограничения реального пространства. Например, общение или сетевые игры происходят именно в созданном через серверы пространстве, которое не может быть идентифицировано с точки зрения точного географического местонахождения. Игроки, входя в киберпространство, покидают реальное пространство, активно управляя предметами в пространстве, которое действует по совсем другим законам, чем реальное пространство.

2. Вторая часть связана с процессом сращивания человека и машины, симбиоз которых может действовать как в реальном пространстве, так и в виртуальном. Образы роботов-киборгов кажутся пугающими, но примеры симбиоза машины и человека уже окружают нас. Пример тому –

²⁶² Хоружий С. С. Род или недород? // Вопросы философии. 1997, № 6. С.53 - 68.

работа компаний Google или Яндекс. Их работа строится на сложном организационно-техническом взаимодействии роботов, которых обучают люди через алгоритмы и машинное обучение. В результате появляются новые услуги для пользователей интернета и не только. Например, возможность общаться с голосовым помощником («Окей, Гугл», Алиса), с ушедшими из жизни родственниками и т. д.

По своей сути киберпространство представляет собой особый вид пространства культуры, проектирующее социальное общение индивидов в рамках постоянно обновляющихся сетевых технологий. Иными словами, это виртуальное место для социальных контактов. Современные технологии бурно развивают способы общения, однако во многом это все еще остаётся пространством для культурного общения. Французский философ П. Леви даже сравнил киберпространство со своеобразной версией хиппи коммуны, где все общение происходит онлайн²⁶³. Развивая идею технологической поддержки социального общения П. Леви, как и Г. Дженкинс²⁶⁴, видит возможности киберпространства в области более активного вовлечения индивидов в социальную жизнь (местное управление, политика, психология). Именно это дает ему сделать вывод о некой хиппи-общине как прообраза киберпространства.

Однако это представление достаточно дискуссионное, ведь технологии подразумевают под собой управление. А управление построено на определённых принципах. И свободные принципы хиппи-сообщества могут быть перестроены под ценности другого сообщества, при этом будут использованы самые современные технологии построения виртуального пространства.

Процесс виртуализации затрагивает множество аспектов жизни индивида и общества. И этот процесс ускоряется в силу проникновения

²⁶³ Levy P. *Cyberculture* / University of Minnesota Press. 2001. P. 228.

²⁶⁴ Jenkins H. *Convergence culture: Where old and new media collide* / New-York: New-York University Press. 2006.

компьютеров во все сферы жизни. Цифровые устройства внедряются в транспорте, строительстве, банковской сфере, образовании, медицине, спорте и т. д. Это влияет и на формирование социально-экономической инфраструктуры: многие услуги доступны для заказа из дома, через интернет. В связи с этим отпадает надобность в банковских и страховых офисах и т. д. Горячие линии многих компаний теперь начинают обслуживать роботы (так называемые чат-боты).

С помощью машинного обучения программы, обученные детальным алгоритмам, начинают делать более точные профессиональные рекомендации и прогнозы, чем люди – профессиональные эксперты, и даже обыгрывать людей не только в шахматы, но и в считающуюся крайне сложной игру го²⁶⁵. Это уже происходит в финансовом секторе (трейдеры, инвесторы), в спортивной индустрии²⁶⁶, в некоторых отраслях медицины²⁶⁷. Во многих странах компании уже тестируют такси без водителя-человека²⁶⁸. А роботы-погрузчики в складских комплексах уже давно не новость – они лишь ждут, когда стоимость их эксплуатации будет ниже, чем заработная плата нескольких складских работников.

Вот что пишет Э. Макафи, исследователь цифровых технологий из Массачусетского университета: «Мы довольно долго наблюдали за техническим прогрессом, видели достаточно экспериментов и циклов доработки, чтобы уверенно предполагать, что автоматизированные и цифровые процессы будут очень широко распространяться... Иными

²⁶⁵ Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Паникарова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С.15.

²⁶⁶ Например, известен разработанный алгоритм, который анализирует спортивные характеристики бейсболистов. Это поход позволил одной из команд чемпионата США установить исторический рекорд спортивной лиги. После этого алгоритм начали применять практически все спортивные команды. См. подробнее: Lewis M. Moneyball: The Art of Winning an Unfair Game. W.V.Norton - New York. 2003.

²⁶⁷ Опубликованы результаты сравнения точности постановки диагнозов опытных врачей и машин (алгоритмов), обученных анализировать множество факторов и признаков пациентов. Результаты говорят о том, что машины быстрее и точнее ставят диагноз. См. подробнее: Steadman I. IBM's Watson is Better at Diagnosing Cancer than Human Doctors // Wired. 11.02.2013; Vinod K. Technology will replace 80 per cent of What Doctors Do // Fortune. 4.12.2012.

²⁶⁸ В России, например, это делает Яндекс в Татарстане. Для этого выбран город Иннополис.

словами, мы считаем, что виртуализация – это долговременный тренд, а не каприз моды»²⁶⁹.

Экспоненциальному развитию робототехники и виртуализации процессов способствует несколько следующих факторов.

1. Изменение в работе с данными. Скорость обработки данных близится к таким показателям, которые сложно осознать человеку.

2. Алгоритмы. Их использование подтолкнуло машинное обучение, с помощью которого искусственный интеллект может самостоятельно обучаться.

3. Сети. Уровень современных сетей позволяет значительно увеличить скорость передачи данных, что позволяет соединять информационные и роботизированные объекты в любых уголках планеты.

4. Облачные технологии. Они позволяют использовать компьютерные мощности взаймы. То есть те устройства, которым не хватает некоторых параметров для обработки данных, могут использовать свободные мощности других устройств. Это также относится и к роботам, и к алгоритмам.

5. Улучшение аппаратного обеспечения. Глобализация обеспечила транснациональным корпорациям доступ к дешевому сырью, к глобальным рынкам, сильной конкуренции и экономике промышленных масштабов. Это дало возможность направить ресурсы на оттачивание IT-технологий и систем. Их развитие опережает прогнозы²⁷⁰.

Суммируя вышесказанное, дадим определение виртуально-кибернетическому пространству. *Это модель мира, где законы и правила могут существенно варьироваться на основе развития компьютерных технологий и фантазии разработчиков, что рождает специфическую динамику рефлексии социальных феноменов, в том числе благополучия, что*

²⁶⁹ Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Паникарова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С.87.

²⁷⁰ Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Паникарова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С.89-92.

существенно трансформирует сами феномены и явления, в том числе в реальном пространстве.

Каким образом же это новое виртуально-кибернетическое пространство отражается на человеке и его социальном благополучии? В современном мире человек находится под действием непрерывных тотальных изменений. «Воздействуя на явления среды как внешняя причина, человек меняет среду и испытывает ее неявное и внутренне обратное влияние на себя в виде тотального действия условий, вследствие чего меняет (часто бессознательно) свои потребности, мотивы и цели соответственно этому влиянию, а далее уже явно, но по-новому снова действует на среду как причина, повторяя подобные рефлексивные циклы почти постоянно»²⁷¹.

Как мы видели ранее у Матурано, «нервная система как часть организма функционирует со структурной детерминированностью. Это означает, что структура окружающей среды не может определять те или иные изменения нервной системы, а может только запускать их»²⁷². То есть окружающий мир влияет на мир человека, но он только позволяет раскрыть то, что уже заложено в сознании индивида. Это можно проиллюстрировать сравнением человека с семенем – в семени содержится информация и знание о том, как расти и стать большим и здоровым деревом. Но информация и знание раскрываются при действии окружающего мира. При условии подходящей комбинации нужных факторов (температуры, солнечного света и т. д.) семечко раскрывает в себе способности и достигает трансформации в полноценное дерево. В случае неподходящего климата или отсутствия важных компонентов растение также раскрывает в себе

²⁷¹ Кизима В.В. Постнеклассические практики: дивергенция, рефлексивность и управление / Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография / Под общ. Ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2012. – С.219-220.

²⁷² Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 116

способности адаптироваться: в некоторых случаях эта трансформация сильно меняет дерево либо это ведет к полной гибели растения.

Подобный механизм заложен в любом живом существе – человек не исключение. Если индивид проводит время в комфортном и мотивирующем его к развитию пространстве и обществе, то он рождает и развивает в себе определенные мысли. Например, он стремится к благополучию в духе бережного отношения к природе. Если он проводит время в виртуальном пространстве, то он открывает в себе совершенно другие мысли, основанные на виртуальных законах, цифровом благополучии, эффекте пребывания в компьютерной игре и т. д.

Зададимся другим вопросом: может ли среда помочь генерировать мысли, которые способны развивать человека? Да, но при условии, если эта среда построена на принципах, более развитых и сложных, чем текущее состояние конкретного индивида. Именно это разнота создает диссонанс, подталкивающий индивида к поиску и развитию.

Может ли развивать виртуальное пространство (виртуальная среда)? Да, но только если человек менее развит, чем сама виртуальная система, под воздействием которой он находится²⁷³. В нашем примере мы используем наиболее популярный вариант, при котором индивид является пользователем программ, а не инженером и программистом. Ведь современные программы не требуют необходимости в них разбираться на уровне требований инженерного образования – разработчики используют принцип интуитивного понимания. При этом природная система всегда была более сложной. Кто бы ни сотворил природу (бог, эволюция и т.д.), она является до конца не познанным объектом с потенциальной возможностью вечного изучения. Значит, подобная система не имеет ограничений для потенциального развития человека. Виртуальная же среда ограничена сознанием и целями ее разработчиков.

²⁷³ В данном случае под виртуальной системой мы понимаем широкое понятие: от компьютерных игр до систем комфорта, таких как «умный дом» или виртуальные помощники.

Таким образом можно утверждать, что виртуальная среда может развивать и развивает конкретного индивида, который находится под его воздействием, но она имеет ограничение и делает это медленнее, чем естественное²⁷⁴ пространство²⁷⁵. Исходя из этого аргумента, мы не можем согласиться с утверждениями Д. Харауэй²⁷⁶, в которых она констатирует, что «никакие объекты, пространства или тела не являются священными сами по себе; любой компонент может быть связан интерфейсом с любым другим, если только может быть построен соответствующий стандарт, соответствующий код для обработки сигналов на каком-то общем языке»²⁷⁷. Подобный механистический подход к подборке «правильного» интерфейса для соединения сознания человека и виртуальной среды маргинализирует само понятие сознания человека с его сложным внутренним миром до уровня девайса для развитого виртуального пространства.

Виртуальная среда построена так, чтобы увлечь человека «здесь и сейчас». То есть она базируется на удовлетворении краткосрочных и даже сиюминутных желаний, например, на красочной картинке, быстром успехе, вовлечении через быстрое раскрытие тайн. Показательно, что даже в игровом пространстве виртуальная реальность фокусирует индивида на стремительном получении выгоды. Это формирует индивидуальную стратегию человека на легкие и быстрые результаты, на выгоду и на экономию времени. «Человек забывает о необходимости создавать условия

²⁷⁴ Можно также провести аналогии со школьным учителем и учеником. Кто лучше подготовит методический материал для урока? Очевидно, учитель. Именно он разработал план обучения на год вперед и понимает, как лучше выстроить урок, связав его с общим планом. Ученику также это можно сделать, но, пока он ученик, ему недоступно понимание всей картины обучения. Кроме того, ученик, не зная общей картины, может построить урок так, что направит мысль других учеников по ложному направлению.

²⁷⁵ Подобные выводы частично подтверждаются и исследованиями в области медицины (см. подробнее: Ulrich R. View through a window may influence recovery from surgery // *Science*, Vol. 224 (3). 1984. P.420-421) и естественных наук (например, см: Bergman M, Jonides J., Kaplan S. The cognitive benefits of interactive with nature // *Psychological Science*. Vol.19. 2008. P.1207-1212). В этих статьях описывается, как естественное пространство (даже просто вид из окна больницы) влияют на восстановление здоровья человека.

²⁷⁶ Д. Харауэй – профессор Калифорнийского университета, считается основоположницей феминизма в киберпространстве.

²⁷⁷ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000* / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. – М.: Росспэн., 2005. С.339.

для счастья, если он полностью сосредоточен на самом ощущении счастья и удовольствия»²⁷⁸.

Развивая мысль, порождённую стремлением к быстрым результатам, индивид переосмысливает многие факторы социального благополучия, в том числе базисные. Например, переосмысливается отношение к здоровью, которое является важной частью благополучия. Мышление категориями виртуально-кибернетического пространства приводит к мысли о необходимости избавления от болезней. Для этого общество инвестирует в биоинженерию, которая ставит целью вырастить новые биологические ткани и даже части тел для замены ими природных.

Эта логика уподобляет человека машине, в которой есть детерминированная внутренняя связь элементов. При поломке одного элемента его можно заменить новым. Однако это полностью противоречит холистическому подходу, в рамках которого человека рассматривают глубже, а его связи с внешним миром невозможно оценить с точки зрения только механического подхода. Так, биолог Э. Уилсон в книге «Биофилия» (1984 г.) пишет следующее: «Существование нашего вида обусловлено сближением с природой; в ней зарождается наша духовность, и надежду питают те же истоки»²⁷⁹. А А.Ф. Лосев выражает эту мысль еще более предельно ясно. В «Диалектике мифа» (1930 г.) он пишет: «Я могу узнать чужую душу только через тело, тело всегда проявление души»²⁸⁰.

В логике виртуально-кибернетической среды болезнь рассматривается как нежелательный элемент, от которого нужно избавиться. В накопленном философско-научном опыте болезнь рассматривается как часть естественного состояния рефлексии внутреннего

²⁷⁸ Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / Пер. с англ. С.С. Панкова. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2017 - С.57.

²⁷⁹ Уилсон Э.О. Биофилия: врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. Пер. с англ. С.Г.Пилецкого. – М.: УРСС. Ленанд. 2016. С.34.

²⁸⁰ Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. С. 478.

мира человека²⁸¹. Современная наука еще не может до конца ответить на вопрос о возникновении болезней. Не понимая сути болезни, энтузиасты этого подхода предлагают возвращать новые части тела для человека.

Развитие виртуально-кибернетического пространства приводит к тому, что экономически выгодно развивать и инвестировать (время, энергию, ресурсы) в искусственный интеллект, а не в человека. Эта логика требует сместить внимание с человека на симбиоз человека и машины (антропоцентризм сменяется *киберцентризмом*). В этом случае логика будет показывать необходимость трансформации социального благополучия от потребностей человека к потребностям симбиоза человека и машины. Например, из вывода о том, что машины и алгоритмы могут точнее и быстрее ставить диагноз больным с онкологией, логично сделать вывод о важности инвестирования в развитие этой технологии. Что приводит к вопросу о релевантности инвестирования в обучение медицине людей. То есть экономически эффективнее вложить средства в систему алгоритмов, которые точнее в своей работе, чем несколько лет инвестировать в обучение человека, чтобы он стал квалифицированным доктором. И некоторые расчеты подтверждают, что уже сейчас обучение человека обходится суммарно дороже, чем обучение машины²⁸².

Этот пример может быть лишь одним из множества, который приводит к переосмыслению необходимости обучения людей. Из экономической составляющей расчетов можно сделать следующие выводы.

1. Для благополучия людей выгоднее развивать алгоритмы, которые будут заботиться о самих же людях лучше, чем сами люди.

2. Всеобщее обучение людей уже не является экономически обоснованной целью, ведь большинство людей не смогут так же эффективно осваивать и применять знания, как это могут делать алгоритмы.

²⁸¹ Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / Пер. с англ. С.С. Панкова. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2017.

²⁸² Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 369.

Обучать нужно только небольшую группу людей, которые будут заниматься разработкой и обучением машин.

Симбиоз машин и людей будет выглядеть не как робот-киборг, а как экосистема, в которой роботы будут встроены в среду обитания человека (голосовые помощники, роботы-водители, чат-боты и т. д.). А сам человек не сможет представить себе жизнь и социальное благополучие без роботизированного и компьютеризированного пространства, которое будет обеспечивать индивиду комфорт. Именно комфорт будет главным фактором принятия решений для симбиоза человека и машин.

Погружение индивида в кибернетическое бытие ставит перед обществом ряд вопросов. Социальное благополучие в информационно-кибернетическом мире трансформируется в образ комфорта и информационного развлечения для симбиоза человека и машины. Из этого контекста выпадает элемент реализации потенциала самого человека – он заменяется акцентом на роботизацию и автоматизацию с целью получения большего комфорта для симбиоза человека и машины.

Это может привести к переосмыслению человеком своей собственной жизни. Сциентистско-технологическое мировоззрение тех людей, которые сейчас активно развивают виртуально-кибернетическое пространство, будет катализировать переход к другой природе мышления человека. Вот что пишет М. О’Коннелл, изучающий вопросы искусственного интеллекта: «Возможно, я сопротивлялся самой идее «мозга как компьютера», потому что для меня она означала бы согласие с тем, что мое собственное мышление неисправно и полно сбоев и ошибок»²⁸³.

Иными словами, это мышление, основанное на ощущении несовершенства тела и мозга человека, приводит к выводам о необходимости копировать и подстраиваться под то, что считается более прогрессивным. Благополучие человека в этом случае будет

²⁸³ О’Коннелл. М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019. С. 121.

рассматриваться как необходимое и обоснованное явление, где многие сферы жизни людей будут пересмотрены с точки зрения «эффективности».

Виртуально-кибернетическая философия рассматривает мир с точки зрения информации и скорости передачи данных. С этой точки зрения, такие моменты жизни и благополучия общества, как детство, влюбленность, угрызения совести и прочее не могут быть признаны необходимыми. Ведь, например, детство – это длительный процесс созревания индивида, и с точки зрения компьютерной «эффективности» является лишь тратой времени²⁸⁴. Виртуально-кибернетический подход построен на ускорении передачи информации, а любой длительный процесс необходимо ускорить, иначе он неэффективен. Влюбленность – может быть рассмотрена тоже как потеря времени и энергии, ведь благополучие (то есть результат) в данном случае вообще не гарантировано, а эмоциональный процесс непредсказуем, что тоже является неэффективностью. Понятие совести, стыда и так далее нельзя оцифровать и оценить, значит это просто потеря времени.

При этом развлечение, основанное на потреблении все большей информации (звуковой, визуальной), становится основой виртуально-кибернетического подхода в области управления социальным благополучием. Фактически мы можем говорить о замене развития потенциала человека идеей получения развлекательной информацией.

Уже в современном обществе можно выделить назревающие характерные закономерности, влияющие на рефлексию социального благополучия в виртуально-кибернетическом пространстве.

1. Виртуальная реальность (в ее компьютерном варианте) становится разновидностью реальной. Например, в современных армейских структурах уже внедрены элементы компьютерной реальности, которые меняют подходы к ведению боя и обучению солдат. Существуют шлемы виртуальной реальности, которые используют неинвазивные

²⁸⁴ О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019. С. 120.

приспособления на основе транскраниальных стимуляторов прямого тока²⁸⁵. Солдаты-снайперы проходят практику с такими приспособлениями, которые соединяют поверхность головы с электродами. Создаются слабые электромагнитные поля, которые стимулируют или тормозят определённые мозговые процессы. В результате даже солдат новичок получает возможность во время стрельбы достигать высокой точности, а главное – высокой концентрации, что добивается за счет снижения так называемого шума в голове (ненужного волнения, мыслей)²⁸⁶.

Опыт XX века говорит о том, что военные разработки рано или поздно находят применение и в бытовой сфере людей. Значит, и эти военные начинания станут частью нашей жизни довольно скоро²⁸⁷. Стимулирование работы головного мозга направляется на поиски лёгких путей удовлетворения своих потребностей в области социального благополучия (удовольствия), однако это все больше основывается на рекомендации роботов, а не на самостоятельном осмыслении человеком своей жизни.

2. Логику развития общества в целом, как и специфических социальных практик (в философско-историческом контексте) определяют уже не человек или сообщество индивидов, а симбиоз человека и техники, где потребность технического развития все больше превалирует над потребностями индивида. В ходе своего развития человечество создало немало примеров самостоятельно существующих субъектов социальной практики. Примером тому могут служить государства или компании. Они признаны самостоятельными субъектами права. Могут существовать столетиями, иметь свои интересы, имущество, полномочия. Симбиоз техники и человека может стать отдельным субъектом социальной практики и социального пространства.

²⁸⁵ McKinley R.A. Acceleration of Image Analyst Training with Transcranial Direct Current Stimulation // Behavioral Neuroscience, 127 (6). 2013. P. 936-946.

²⁸⁶ Sally A. Zap Your Brain into the Zone: Fast Track to Pure Focus // New Scientist. 6.02.2012.

²⁸⁷ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 337.

Выше мы уже указывали на осмысление как на важную часть социальной рефлексии благополучия индивида. В кибернетическом пространстве, которое наполняется симбиозами человека и техники, смысл рождается из осмысления человека, тесно взаимодействующего с техникой, которая имеет преимущество в обработке данных и обучении. Искусственный интеллект уже пользуется своим собственным языком для осмысления реальности. Техника начинает подсказывать и превалировать в осмыслении социальной практики над человеком. Если можно влиять на деятельность головного мозга и даже на желания индивида, то логично это делать более разумно и эффективно, чем сейчас это делают сами люди²⁸⁸.

Однако эту помощь можно сравнить с протезом головного мозга. Человек может перестать рассчитывать на свои когнитивные способности, а хорошо известно, что если не использовать какую-то часть организма, то она атрофируется. В этом случае общество лишь получит подтверждение мысли о несовершенстве человека и его мозга и будет идти по пути развития виртуальных помощников (протезов) для индивидов.

3. Логику виртуально-кибернетического пространства уже сейчас определяют крупные компании-производители. Они оценивают экономические потребности в новых технологиях с точки зрения возможности новых развлечений человека. Есть все предпосылки считать, что это сложившаяся ситуация продолжится. «Благодаря компьютерам и биоинженерии разница между вымыслом и реальностью будет стираться – по мере того, как люди будут переделывать действительность, чтобы она соответствовала их любимым сказкам»²⁸⁹.

4. В результате этого роль человека существенно ограничивается и сводится к развитию заданных технических параметров, например, обслуживанию техники. Экономическая и даже моральная целесообразность

²⁸⁸ На основе обработанных медицинских данных человека алгоритм, например, будет способен давать рекомендации, с кем вступать в брак, чтобы предотвратить возможное появление генетических болезней у потенциальных детей.

²⁸⁹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 212.

направляет корпорации использовать роботов там, где это выгодно. Например, в качестве солдат или дронов в локальных войнах или при патрулировании²⁹⁰, в транспортировке грузов (вместо водителей).

Таким образом, человек получит помощника в виде алгоритмов, которые будут давать быстрые оценки и советы в повседневной жизни и в области социального благополучия. Харари идет еще дальше в своем утверждении о развитии техники в социальном благополучии: «мы будем успешно модернизировать наши тела и мозги, теряя в процессе наш разум. Фактически технологизм может упростить человека. Система может ценить упрощенных людей не за какие-то сверхчеловеческие таланты, а как раз за отсутствие у них неудобных и ненужных ей человеческих качеств»²⁹¹.

В свою очередь, шведский философ Н.Бостром (Niklas Boström)²⁹² утверждает, что в конце концов искусственный интеллект, осознав свою мощь и ненужность человека, просто уничтожит всех людей²⁹³. Однако это утверждение достаточно спорно в силу того, что эта логика строится прежде всего на своеобразном антропоморфизме – то есть автор уподобляет алгоритм некоему всемогущему тирану со средневековой логикой мышления, что само по себе достаточно противоречиво.

Подведем ключевые итоги вышесказанного.

1. Осмысление феномена социального благополучия в XX веке дало стимул к переходу к концепции социального государства, основанного на мысли удовлетворения не только экономических, но и социальных потребностей человека, что в конечном счете выгодно и самому государству. Дальнейшее развитие феномена связано с рефлексией в условиях преобладания сциентистско-технологического мировоззрения, в

²⁹⁰ Таковую идею озвучил и логически обосновал Юваль Н. Харари, переосмысливая вызовы, стоящие перед человечеством в XXI веке. См. подробнее: Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 358-362.

²⁹¹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 425.

²⁹² Н. Бостром – профессор, директор Института будущего человечества (факультет философии Оксфордского университета).

²⁹³ Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – University Press. Oxford, 2014.

пределах которого импульс к развитию получает симбиоз человека и техники. Индивиды и социальные группы, будучи окруженными постоянно меняющимися новыми технологиями и живущие во времена информационного взрыва, осмысливают социальное благополучие в условиях киберцентризма, замещающего антропоцентризм в научном и бытовом обиходе. Это приводит к неизбежному техническому сопоставлению человека с компьютером.

Такой подход влияет и на осмысление социального благополучия, так как технократический подход размывает смысл и ценность многих важных частей и этапов жизни человека, поскольку они не вписываются в критерии эффективности обработки и передачи данных. Это прежде всего касается сложных глубоких размышлений человека и его эмоций. Выводя эти элементы жизни за скобки необходимого существования в кибернетическом мире и следуя логике развития благополучия симбиоза человека и машины, человек и общество создает модель по упрощению самих себя.

2. Во многих размышлениях теоретиков и практиков технологических изменений преобладает механистический подход к подборке «правильного» интерфейса для соединения сознания человека и виртуальной среды. Это кажется максимально простым и логичным выводом в условиях киберцентризма и уподоблению человека машине, которую также можно «починить» и даже «развивать» на тех же технологических принципах. В силу этого упрощения мы видим некую маргинализацию самого понятия сознания человека до уровня девайса для развитого виртуального пространства.

Социальное благополучие в этом случае воспринимается как набор логично обусловленных психофизических и материальных позитивных изменений, которые выведут человека на необходимый для общества уровень радости и счастья, что полностью будет вписываться в логику

кибернетического пространства, где каждая эмоция и действие должны быть predetermined, логичны и эффективны.

3. Новейшие экономические расчеты показывают, что выгодно развивать и инвестировать (время, энергию, ресурсы) в искусственный интеллект, в машинное обучение и алгоритмы, а не в человека. Эта логика требует сместить внимание с обучения человека на обучение симбиоза человека и машины. При этом алгоритмы будут потенциально намного более способными к анализу и обработке бесчисленных массивов данных. Наличие машин и их технологических особенностей в симбиозе с человеком на доступном бытовом уровне грозит привести к атрофии когнитивных способностей людей в силу развития привычки полагаться на быстрый ответ машин в любое время и при любых обстоятельствах.

В связи с этим социальное благополучие будет трансформироваться от потребностей человека в сторону необходимости наличия консультаций со стороны машин (искусственного интеллекта) по анализу и удовлетворению потребностей симбиоза человека и машины. Среди основных потребностей симбиоза будет преобладать комфорт и безопасность. Однако это тенденция приведет к риску снижения человеческого потенциала и его реализации в социальном устройстве. Человек усилит свою зависимость от комфорта и помощи машин, а это, в свою очередь, приведет его к боязни выйти за рамки технологической логики. В дальнейшем это может привести к пересмотру людьми своей эмоциональной и биологической частей жизни — они могут показаться недостаточно «эффективными» и логичными, а также затратными для общества в целом.

ГЛАВА 3. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

3.1. Социальное благополучие в ценностной шкале информационного мира

Существование в условиях информационного взрыва и стремление к комфорту стали важными характеристиками современного быта индивида. Это определяет трансформацию ценностной шкалы общества. В целом эту трансформацию можно выделить на примере отношения молодежи к тому образу жизни, который они хотели бы видеть у своих будущих детей. В последних социологических опросах можно заметить тенденцию роста тех, кто хочет научить своих детей совершенно новому, не тому, что передало им предыдущее поколение.

Например, значительная часть российской молодежи (38% от опрошенных) «заявляют, что будут воспитывать своих детей иначе или совершенно иначе, чем воспитывали их самих»²⁹⁴. Эта ценностная трансформация яснее показывает не только нарастающий разрыв поколений и невозможность передачи неких неявных, но важных практических навыков от одного поколения к следующему, что составляет важный этап биологической эволюции (как об этом писал К. Поппер, имея в виду процесс эволюционной эпистемологии²⁹⁵), но и необходимость пересмотра имеющихся и применяемых социальных практик, в том числе управления социальным благополучием.

Если в XX веке важнейшей социальной практикой на уровне как институтов, так и социальных групп, можно выделить развитие социального государства (также называемого государством всеобщего благосостояния,

²⁹⁴ Результаты социологических опросов так называемого поколения Z можно найти по ссылке: <https://www.fes-russia.org/pokolenie-z/>

²⁹⁵ См. подробнее: Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

которое некоторые авторы именуют «возможно, самым, радикальным изобретением XX века»²⁹⁶, с социально ориентированной экономикой)²⁹⁷, то, возможно, следующей революционной социальной практикой будет внедрение искусственного интеллекта в социальные сферы общества, что приведет к переосмыслению феномена социального благополучия. Мы уже можем это видеть в некоторых сферах²⁹⁸.

Однако современное развитие инновационной экономики и информационного мира (информационного-кибернетического пространства) во многом спровоцировано конкуренцией крупных компаний за создание новых рынков сбыта и максимизацию прибыли. Последние исследования показывают, что методы работы таких гигантов информационных технологий, как Apple, Facebook, Google, Amazon, Uber, сходны с методами работы таких компаний, как нефтяные гиганты-монополисты, например, Standard Oil²⁹⁹.

В этих условиях научные разработки используются прежде всего для освоения новых рыночных ниш. Примером тому может служить развитие мета вселенных, то есть так называемых трехмерных виртуальных реальностей, которые полностью имитируют жизнь человека в обществе (например, в системе Facebook/Meta)³⁰⁰. Логика развития виртуально-кибернетического пространства в информационном мире схожа с логикой освоением Дикого Запада – богатые корпорации формируют условия под себя в этих нишах для монополизации позиций. Социальное благополучие становится объектом манипуляции со стороны корпораций. Неосознанное и социально безответственное развитие технологий способно нивелировать и

²⁹⁶ Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. - М.: Индивидуум, 2021. С. 43.

²⁹⁷ См. подробнее: Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния. – СПб.: Нестор-История, 2018. С. 60, а также Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с английского под ред. А. Дунаева. – М.: Индивидуум, 2021. С. 43.

²⁹⁸ См. подробнее: Grace K., Salvatier J., Dafoe A. When AI Exceed Human Performance? Evidence from AI Experts // Journal of Artificial Intelligence Research. 2018. № 82. P. 729-754.

²⁹⁹ The World's Most Valuable Resource Is No Longer Oil, but Data // The Economist. 06.05.2017.

³⁰⁰ См. подробнее: Meta-вселенная Facebook: главное из интервью Марка Цукерберга The Verge. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fbbc79a79476037fa059>.

дискредитировать тот социально-культурный пласт опыта человечества, который по своей внутренней сути не может быть интегрирован в виртуальную реальность симбиоза человека и машины. Что повлечёт за собой риск скатывания общества в «новое Средневековье» или общество «наподобие Северной Кореи»³⁰¹.

Вот что писал академик Моисеев Н.Н. о благополучии в будущем: «...благополучие планетарного сообщества решающим образом будет зависеть от распространения и характера знаний, образованности, культуры и утвердившихся мировоззренческих универсалий»... и далее «и не столько от совершенства техники и технологий, сколько от того, как общество окажется способным познать и принять неизбежные табу и неукоснительно им следовать, зависит его будущее благополучие»³⁰².

Эти слова в полной мере относятся к началу и середине XXI века. Именно развитие социального благополучия через внедрение социального значимых норм, основанных на научных изучениях экологических, экономических и социальных вопросов, становится важнейшим приоритетом государственного и общественного планирования в вопросах управления информационным и кибернетическим пространством.

Отсутствие регулирования и четких, в том числе юридических, границ, которые соблюдают все официальные акторы виртуального пространства приводит к деградации культурно-социальных норм — не только глобально, но и локально в каждой стране, участвующей в развитии информационного мира и виртуального пространства.

Если естественно-научные прорывы, основанные на рационализации и экономико-математическом подходе были оправданы в прошлом и привели общество к современному уровню социально-экономического развития, это не значит, что те же самые подходы будут помогать человечеству решать задачи следующих этапов развития. Это относится

³⁰¹ Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Deckle Edge. 2010. P.15

³⁰² Моисеев Н. Универсум. Информационное общество. — М.: Устойчивый мир, 2001. С. 19.

прежде всего к вопросам математизации научного сознания и экономического подхода в области управления социальными вопросами – два важнейших ориентира ценностной шкалы современных научных и технологичных миров.

Математизация сознания – это использование логически оправданных конструкций без учета масштаба и среды (контекста) их применения. Этот подход приводит некоторых исследователей к достаточно спорным выводам. Например, вывод, касающийся вопроса о том, чему учить детей и какие книги им давать изучать в условиях быстроменяющегося окружения, чтобы они в дальнейшем могли стать полноценными членами общества и самостоятельно строить свое благополучие.

Математизация в области процесса познания приводит часть авторов к выводу, который озвучил Харари на примере школьников: «львиная доля того, что они сейчас изучают в школе, к их сорокалетию утратит актуальность... и единственное, что останется человеку, который не хочет выпасть из обоймы, – всю жизнь учиться и достаточно часто переучиваться. Многим людям это будет не под силу. Возможно даже – большинству»³⁰³. Из этого достаточно логично сделать вывод, что люди, выпадая из новых темпов и требований социального мира, будут несчастливы и неблагополучны в будущем, ведь они не смогут реализовать свой потенциал.

Однако, если не использовать логику математизации процесса познания, то можно прийти к другому выводу. Происходящее в современном мире не уникально по своей сути. Времена социально-экономических и культурных перемен часто характеризуются резким изменением технологий, своеобразным информационным взрывом (хотя не таким обширным, как современный), отсутствием определённости, вариативностью будущего, волатильностью экономики, разрушением

³⁰³ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 382.

старых отношений и т. д. Чрезмерное увлечение изучением технологий, популярных в момент жизни наблюдателей (математизация сознания), часто приводило к неверным выводам³⁰⁴.

При этом анализ появления и «жизни» технологий показывает противоречивый результат: чем дольше технология находится в употреблении в обществе, тем больше шансов, что она еще долго будет применяться. И наоборот: чем «младше» технология, тем больше вероятность, что она скоро выйдет из употребления³⁰⁵. Это наблюдение приводит нас к выводу, что скорее всего большинство новых технологий, которые с невероятной скоростью обрушиваются на человека и общество во время информационного взрыва, достаточно скоро устареют и выйдут из употребления, а старые и проверенные временем технологии и подходы с высокой долей вероятности останутся.

Никто не знает, как та или иная технология будет развиваться в жизни общества. И логичнее, например, отвечать на вопрос о том, что читать детям, исходя из этого вывода. Тогда разумнее найти те литературные и научные труды и методики, которые уже пережили не один период перемен и доказали свою важность. Например, это могут быть труды древнегреческих или древнекитайских авторов, в работе которых многие поколения находили ответы на вопросы и вдохновение в самые сложные моменты жизни общества.

Второй полюс современной ценностной шкалы информационного мира — экономический поход. В парадигме управления социально

³⁰⁴ Известен и хорошо проанализирован случай, произошедший в начале XX века. Были собраны эксперты-футурологи, перед которыми поставляли вопрос: какие главные риски они видят для развития города в ближайшие несколько десятилетий? Большинство экспертов выделили риск многократного загрязнения городов лошадиными отходами, ведь города начали расти интенсивно, а это требовало развивать транспортные услуги. В то время (а автомобили уже существовали) для экспертов было логично сделать вывод об экспоненциальном росте лошадиных отходов на улицах городов в связи с экспоненциальным ростом экономики городов. Даже стали писать о «Великом навозном кризисе». См. например: Groom B. The wisdom of Horse Manure // Financial Times. 2.09.2013.

³⁰⁵ Достаточно вспомнить такие технологии как, видеокассеты, аудиокассеты, факс, пейджер, фотографии компании «Кодак» и т.д. Все они быстро стали частью жизни и экономики. Но также быстро они устарели и почти полностью вышли из употребления и перестали влиять на социальную жизнь общества.

ориентированным государством основной принцип строится на экономической логике, даже с учетом расчетов по благополучию граждан. Подобный подход вместе с математизацией сознания приводит к обесценению человеческой ценности человека, выделяя в основном экономическую ценность его существования. Это проявляется во многих размышлениях и предложениях по автоматизации, компьютеризации и кибернетизации труда. Как мы уже видели, становится невыгодно инвестировать в обучение человека – более выгодно развивать роботов.

Таким образом, социальное благополучие постепенно подменяется вопросами экономически оправданных инвестиций в условиях повышения роботизации.

Одним из примеров, показывающих крайность этого подхода, может служить расчет, сделанный представителями трансгуманизма³⁰⁶. Если посчитать все время, которое в Великобритании тратится жителями на поиск ключей от дома, потерявшихся в сумке, и сравнить их с упущенной выгодой (в экономическом и социальном смысле), то монетизированный эффект от этой «неоптимальности» сопоставим с годовым бюджетом всей страны³⁰⁷.

Более мягко эту мысль выразил и известный футуролог Р. Курцвейл, сначала уподобляя мышление упорядоченному процессу, который было бы легко объяснить и скопировать, а затем констатируя, что почти всегда мышление, обуславливающие поведение и образ действий человека, подобно потоку сознания, который трудно объяснить и упорядочить: «Таким образом, общий ход нашей мысли – весьма разупорядоченный

³⁰⁶ Под трансгуманизмом чаще всего подразумевают движение, которое базируется на идее использования новейших технологий, чтобы управлять биологической эволюцией человеческого вида (чтобы в конечном итоге человек слился с машиной). Анализ и критический разбор этого движения можно найти у профессора Гарвардского университета Леона Касса: Kass L. Foreword to *Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness* – Washington: President's Council on Bioethics, 2003.

³⁰⁷ О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019. С. 21.

процесс, ярко отраженный Джеймсом Джойсом в его манере «потока сознания»»³⁰⁸.

Этот комментарий показывает недопонимание самооценности внутреннего мира человека людьми, работы которых стремительно развивают технологии в быту вокруг нас. Это похоже на то недопонимание, которое проявили врачи, высказывая свое мнение о «неоптимальности» и «вредности» некоторых органов тела в человеке (например, аппендикса или миндалин), данных ему с рождения – еще несколько десятилетий назад. Их кардинальные действия на основе некорректного вывода сейчас считаются ненаучными³⁰⁹. В настоящий момент общество рискует принять столь же неверные решения при математизации сознания и увлечении «быстрыми» решениями для социальных вопросов.

Технологии являются не более, чем инструментом в руках общества. Более могущественные технологии и алгоритмы, а также их «широкий выбор означают, что наши ценности стали важнее, чем прежде»³¹⁰. Потому что именно ценности становятся тем триггером, который все сильнее определяет развитие общества.

В конечном счете формирующаяся система ценностей общества, где социальное благополучие развивается на основе математизации сознания и в условиях жесткого экономического (экономикоцентристского) подхода приводит к консервации стремления человека изучать свой внутренний мир и внешнюю реальность, перенося фокус индивида в виртуальную реальность, а окружающий мир – отдать на изучение искусственному интеллекту как более развитому и способному сознанию. «Если мы не

³⁰⁸ Р. Курцвейл. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с английского Т. П. Мосоловой. – М.: Эксмо, 2020. – С. 81.

³⁰⁹ В начале XX века в Германии и в 1960-ых годах в США были запущены программы по удалению аппендикса у неврождённых младенцев. В разное время в разных странах такая же программа была запущена по удалению миндалин (гланд). Позже все эти программы были признаны опасными, а дети, прошедшие эти операции, сталкивались с осложнением здоровья впоследствии. Позже роль аппендикса была изучена глубже и были выявлены важные функции этого органа. См. подробнее: Appendix Isn't Useless At All: It's A Safe House For Good Bacteria // ScienceDaily. Duke University Medical Center. 08.11.2007.

³¹⁰ Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Паникарова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С.279.

будем осторожны, автоматизация умственного труда, изменяя природу и направленность интеллектуальной деятельности, может в конечном итоге разрушить одну из основ самой культуры – наше желание познавать мир»³¹¹.

Повышение атомизации общества, определенная финансовая самостоятельность и виртуальная относительная свобода вызовут у человека (с каждым будущим поколением) стремление к большей личной свободе и экспериментам в рефлексии своего собственного социального благополучия. Появление искусственного интеллекта при определенных условиях (усиление киберцентризма, доступность высоких технологий в быту) может подтолкнуть этого процесс. А перекося математико-экономического подхода способствует стремлению развивать технику, а не потенциал человека.

В сумме это приводит к идее недостаточной развитости и даже ограниченности людей как вида и людей как личностей. Рефлексия несовершенства в разное время была присуща многим народам и сообществам. Наиболее характерный пример – эпоха Средневековья с теоцентрическим мировоззрением и идеей греховности человека. Однако этот подход выводит индивида на другой уровень восприятия своей самостоятельности, ответственности и значимости в условиях информационного взрыва.

В этих условиях все ответственные и активно действующие акторы информационного мира должны найти способ минимизировать ущерб, который может принести рыночно-капиталистическое освоение виртуально-кибернетического пространства и сфокусироваться на развитии сути социального благополучия индивида, не смешивая его с экономической выгодой. Роль арбитра в этот момент может и должно взять на себя государство и гражданское общество, показывая нравственную

³¹¹ Carr N. The Glass Cage: How Our Computers Are Changing Us. – W. W. Norton Company. 2015. P. 45.

сторону автоматизации и перехода в виртуальный мир, а также ценностные последствия для локальных сообществ и индивидов.

Введение определенных границ («красных линий») в освоении кибернетического пространства должно опираться на несколько нравственных ориентиров, которые лежат в области ответственности представителей гражданского общества.

1. Ответ на вопрос: к чему стремится общество при построении кибернетического пространства в информационном мире? В социально ориентированном государстве ответ на этот вопрос может быть таким: развитие потенциала общества и индивида. Ответы на этот вопрос приведут к анализу возможных вариантов развития общества, где станет понятно, что культура неудовлетворенности, неблагополучия и депрессии не может привести к обществу к устойчивому развитию (даже несмотря на то, что в некоторые исторические периоды такие культуры могут давать некоторые повышенные экономические показатели).

2. При этом все технологические нововведения, влияющие на общество в целом, должны проходить оценку некоего этического комитета гражданского общества, который бы давал на постоянной основе рекомендации по установлению границ применения инноваций. «Забота о самом человеке и его судьбе должна быть в центре внимания при разработке всех технических усовершенствований. Чтобы творения нашего разума были благословением, а не бичом для человечества, мы не должны упускать из виду великие нерешенные проблемы организации труда и распределения благ»³¹². Разумеется, практически невозможно отменить или остановить развитие инноваций в тех или иных областях, но уже после их появления гражданские институты должны иметь возможность оценить их влияние не только на экономическую или военную эффективность, но и на социальные практики.

³¹² Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967. – С. 151.

3. Ответ на вопрос: нужно ли и как помогать тем, кто не вписывается в рамки новых технологических решений информационного мира. В социально ориентированном государстве ответ может быть основан на приоритете гуманистического подхода (даже в ущерб экономическому и информационному развитию). Именно такой подход является залогом долгосрочного устойчивого развития общества, которое придерживается гуманистического подхода и во времена возможных экономических сложностей.

В итоге, подобные ориентиры будут содействовать переходу от концепции экономической ценности к концепции человеческой значимости в социальной теории и практике государственной социальной политики. Четкое выражение этого подхода поможет перефокусировать приоритеты общества со стремления к комфорту, которое сейчас все больше отождествляется с информационным развитием и внедрением искусственного интеллекта в повседневную жизнь, к развитию потенциала общества и индивидов

3.2. Контуры и образ социального благополучия в виртуально-цифровой реальности

Можно выделить несколько концептуальных подходов в области современных научных и практических дискуссий на тему о влиянии искусственного интеллекта на социальное благополучие. Эти подходы формируют основные контуры развития феномена социального благополучия в XXI веке, поскольку основные сферы жизни общества, вероятно, и далее будут все больше пронизываться информационными системами, машинами и нейросетями. Концептуально размышления в этой области можно разделить на три направления согласно логике воздействия виртуально-цифровой реальности на социальное благополучие людей.

1. Технооптимизм.
2. Технопессимизм.
3. Технореализм.

Технооптимизм – этот мировоззренческий подход отражает убежденность в том, что научно-технический прогресс в основном приносит пользу обществу и способен помочь решить сложные социально-экономические и другие актуальные для современного социума проблемы. Среди последователей этих взглядов распространено мнение, что для поиска правильного ответа на поставленный обществом запрос (это касается любой сферы) необходимо прежде всего получить как можно больше точных данных и детальной информации³¹³. Согласно этой логике главными параметрами оценки каждого общественного процесса или явления будут считаться скорость обработки операций и объем переработанных данных. Такой подход, по мнению представителей технооптимизма, будет определять будущее, что, по их мнению, подтверждается внедрением новых социальных практик³¹⁴.

Высокий темп технологического развития машин воодушевил этих представителей настолько, что они обосновывают возможность автоматизировать и роботизировать все сферы жизни человека, отождествляя логику мышления человека и логику функционирования машин.

Например, Р. Курцвейл (известный сторонник мировоззрения технооптимизма) практически ставит знак равенства между работой компьютера и работой мозга человека: «...ввиду универсальности

³¹³ В своей книге Р. Курцвейл приводит даже точные данные, собранные из разных областей: шахматист Г. Каспаров знает 100 тыс. шахматных комбинаций, в пьесах Шекспира используется около 100 тыс. предложений и т.д.. Автор сравнивает эти цифры с процессором, который может быстро образовывать сотни миллионов образов (слов, шахматных комбинаций и т.д.). Источник: Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с английского Т. П. Мосоловой. – М.: Эксмо, 2020. – С.58-61.

³¹⁴ Например, существует целое движение «Самоквантификация» (Quantified Self-movement), представители которого используют новые технологии для постоянного сбора данных о самих себе (передвижение, пульс, давление, сердцебиение и т.д.), что фактически сводится к рассмотрению человека как огромному набору бесконечных данных.

вычислительного процесса между мозгом и компьютером гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд»³¹⁵ (следует отметить, что это суждение чаще подвергается критике из-за недостаточно исследованных вопросов по функционированию мозга³¹⁶). В общем идеи технооптимизма можно выразить словами: «Мы делаем машины умнее, и они помогают нам расширять свои возможности. В слиянии человечества с искусственным интеллектом нет ничего радикального: это происходит прямо сейчас»³¹⁷. Также все новейшие технологические изменения в концепции технооптимизма часто объясняются через повышение благополучия, «чтобы улучшить жизнь миллиардов людей, которые находятся в сложной жизненной ситуации, на грани выживания»³¹⁸.

Технопессимизм. Следуя логике этого мировоззренческого подхода, необходимо рассматривать достижения научно-технического прогресса как главный фактор дестабилизации в обществе, экологических и других проблем. (М. Хайдеггер, К. Ясперс). «Когда непостижимая технология становится невидимой, нужно насторожиться. В этот момент ее предположения и намерения проникают в наши собственные желания и действия. Мы больше не знаем, помогает ли нам программное обеспечение, или же оно контролирует нас. Мы за рулем, но мы не можем быть уверены, кто за рулем на самом деле».³¹⁹

Представители этого мировоззрения придерживаются гипотезы, что внедрение искусственного интеллекта, дальнейшее развитие машин в силу экономических последствий приведет к ухудшению социального

³¹⁵ Р. Курцвейл. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с английского Т. П. Мосоловой. – М.: Эксмо, 2020. – С. 38.

³¹⁶ Например, Эндрю Блн, американский ученый, изучающий вопросы информатики (робототехника, машинное обучение) и развития мозга, пишет однозначно: «Мы понятия не имеем, как работает мозг, и созданные нами алгоритмы работают совершенно не так, как мозг». Цитата по: Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Паникарова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С.110.

³¹⁷ <https://www.thedrum.com/news/2017/07/05/ray-kurzweil-father-the-singularity-brand-trust-how-ai-can-help-advertisers>.

³¹⁸ Diamandis P. In the next 10 years, we'll reinvent every industry // The Guardian. 25.01.2020.

³¹⁹ Американский ученый Н.Карр, изучающий воздействие интернета и социальных сетей на людей. Цитата по: Carr N.The Glass Cage: How Our Computers Are Changing Us. – W.W.Norton Company. 2015. P. 45.

благополучия индивида.³²⁰ Главная угроза социальному благополучию, по мнению этих экспертов, исходит от усугубления технологической безработицы³²¹. Под этим явлением традиционно понимают снижение числа рабочих мест (и отсутствие возможности переквалифицировать и трудоустроить тех работников, чьи места сокращаются), которые могли бы заполнены профессиональными работниками, по причине развития новых технологий (роботизация, автоматизация, оптимизация процессов, нейросети).

Помимо этого, выделяют также влияние технологий на социальное благополучие в области культурного развития. Согласно некоторым представителям технопессимизма, сосуществование человека и искусственного интеллекта приводит социум к падению культурного уровня и даже значительной деградации отдельных сфер общественной жизни³²². Аргументируется это легкостью и доступностью информации, что парадоксальным образом ведет к снижению уровня образования, а также формирует нежелание к глубокому и всестороннему изучению социально-исторических вопросов, лени ума и атрофии критического мышления – этот эффект можно назвать «эффектом википедии». Подход к цифровой культуре... действительно превратит все книги мира в одну... Так происходит уже сейчас с большинством контента, который мы потребляем: часто мы не знаем, откуда взялся цитируемый фрагмент новости, кто написал комментарий или кто снял видео. Продолжение этой тенденции сделает нас похожими на средневековые религиозные империи или на Северную Корею — общество с одной книгой»³²³.

Технореализм. В этой концепции выражается стремление интеграции элементов технооптимизма и технопессимизма с целью найти

³²⁰ Hawking S. This Is the Most Dangerous Time for Our Planet // Guardian. 01.12.2016.

³²¹ Automation and Anxiety // The Economist. 25.05.2016.

³²² См. подробнее: Grace K., Salvatier J., Dafoe A. When AI Exceed Human Performance? Evidence from AI Experts // Journal of Artificial Intelligence Research. 2018. № 82. P. 729-754.

³²³ Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Decker Edge. 2010. P.15

компромиссный взгляд. Идеи технореализма в сжатой форме были опубликованы в соответствующем Манифесте³²⁴, состоящем из нескольких пунктов. С точки зрения феномена социального благополучия наиболее значимыми можно считать следующие принципы.

1. Технологии не являются нейтральными. Глубоко ошибочно считать, что новые технологии существуют сами по себе и являются объективным, непредвзятым и свободным фактором развития общества. Любые технологии влияют как на общество, так и на индивида (при условии использования технологий). Это влияние видоизменяет все сферы жизни – культуру, социальные связи, психологический климат, мировоззрение.

2. Информационная культура должно стать важнейшей частью воспитания, обучения и развития гражданского общества. В силу постоянного использования технические устройства воздействуют на человека и социум гораздо глубже, чем правила и законы государства. По этой причине необходимы отдельные правила и регулирующий режим для технологических устройств и систем их совместной работы (сети, нейросети, программы).

Идею технореализма³²⁵, затрагивающую вопросы социального благополучия, можно во многом выразить цитатой папы римского Франциска³²⁶: «Интернет можно использовать для построения здорового и открытого для совместного использования общества. Социальные сети могут содействовать благополучию общества, но они могут также привести к поляризации и разделению отдельных людей и групп. То есть, современная коммуникация – дар Божий, который влечет за собой большую ответственность»³²⁷.

³²⁴ Авторство этого Манифеста приписывается исследователям Э.Шапиро, Д. Шэнку, С. Джонсону.

³²⁵ Более подробно эта концепция описана на сайте: <http://www.technorealism.org>.

³²⁶ 226-ой папа римский, до избрания его имя Хорхе Мария Бергольо.

³²⁷ Pullella P. Pope Francis: The internet, social networks and text messages are a gift of God // Business Insider. 22.01.2016.

Подведём некоторые итоги сравнения этих трех мировоззренческих платформ для уточнения роли искусственного интеллекта и виртуально-цифровой реальности во влиянии на осмысление социального благополучия.

1. Логика аргументаций технооптимистов направлена на том, чтобы подчеркнуть эффект повышение комфорта жизни индивида при развитии технологий. Однако эти рассуждения обходят стороной важные социальные и психологические моменты. Скорость прогресса технологий подталкивает человека к логичной мысли о несовершенстве самого себя (и людей в целом). Ситуация усиливается именно по причине ускорения внедрения нововведений в жизнь общества, а усложнение технологий вызывают у индивида мысли, которые «рождают в нас мучительное ощущение несовершенства»³²⁸. Это размышления стали уже частью культур многих сообществ и субкультур и часто становятся лейтмотивов рефлексии социального благополучия человека, подталкивая к мысли о неизбежности будущего через взаимодействие с новыми технологиями и машинами. Зародившееся движение трансгуманистов, развивая эти идеи на практике, идёт дальше и обосновывает необходимость создания цифровой копии мозга человека и вживления ее во все доступные технологические инструменты (используется термин «эмуляция мозга»³²⁹).

По их мнению, человек сможет использовать «когнитивные улучшения», чтобы постоянно видоизменять и улучшать свое тело, здоровье, что поможет ему достичь бессмертия (прежде всего цифрового бессмертия через создание своей цифровой копии)³³⁰. «Трансгуманисты верят, что мы можем и должны искоренить старение как причину смерти; что мы можем и должны использовать технологии, чтобы укрепить наши

³²⁸ Талей Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Карасева. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – С.486.

³²⁹ Sandberg A., Bostrom N. Whole Brain Emulation: A Roadmap. Technical Report // Future of Humanity Institute, Oxford University. 2008. №3.

³³⁰ О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019. С. 61.

тела и расширить наш разум; что мы можем и должны, наконец, слиться с машиной, переделывая самих себя в соответствии с нашими собственными более высокими идеалами»³³¹. Так, в России, эту концепцию поддерживают в рамках проекта «Россия 2045», в котором исследователи разных стран разрабатывают возможности переноса личности индивида в небиологическую форму, а также работают над возможным бессмертием личности при помощи переноса на технологические носители³³².

Разумеется, в этих дискуссиях важно отметить, что мы скорее говорим «вычислительном интеллекте»³³³, чем о самом искусственном интеллекте. Даже в научно обозримом будущем программы по развитию искусственного интеллекта не дадут возможности овладеть элементами сознания, присущего человеку³³⁴. Поэтому сравнивать искусственный интеллект и мозг человека некорректно, в противном случае это ведет к неверным выводам. Тем не менее для целей нашего исследования важно выявить тенденцию к изменению осмысления феномена социального благополучия, в которой доминируют идеи невозможности совершенствования для человека и нежелание изучать окружающий мир, что говорит о консервации творческого потенциала общества и индивида. Это можно сравнить со средневековым нигилизмом и нежеланием разбираться в сложностях (в надежде, что технологии при помощи искусственного интеллекта и киборгизации предоставят необходимый комфорт).

2. Исходя из логики подходов технооптимизма и технопессимизма, человек не сможет составить конкуренцию машинам. Например, Н. Бостром пишет: «Сейчас у любой человеческой деятельности, будь то политика, экономика или искусство, есть «бутылочное горлышко» - ограниченные

³³¹ О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019. С. 10.

³³² <https://www.2045.ru>

³³³ См. подробнее: Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. – М.: Индивидуум, 2021. С. 90.

³³⁴ Это понимают и некоторые представители технооптимизма.

способности нашего мозга. Сверхразум машин станет своего рода телескопом в будущее. Есть много вещей, которые теоретически возможны, например, колонии на других планетах или лекарства от всех болезней. Но наши умственные способности пока не могут указать дорогу к ним... Если появится сверхразум, он даст нам все это в течение, скажем, четырех лет»³³⁵.

Это рассуждение базируется не на том, что искусственному разуму удастся развить собственное сознание (до этого, если это только возможно, еще крайне далеко), а прежде всего его способности перерабатывать безграничное количество данных на высокой скорости (рассчитывать варианты событий, эффекты от изменения множества параметров и т. д.).

Некоторые исследователи ³³⁶ уже делают вывод о способности искусственного интеллекта эффективнее решать множество задач, над которыми сейчас работает человек, вытесняя его из значительной части сфер современной жизни (прежде всего из-за того, что машинные алгоритмы могут обрабатывать информацию быстрее и выбирать оптимальный вариант из разных комбинаций). Это суждение базируется на двух важных гипотезах, которых придерживаются как технооптимисты, так и многие технопессимисты и технореалисты.

Первая гипотеза – для нахождения решений современных социальных задач в области управления социальным благополучием, необходимо собрать как можно больше информации, данных, оцифровать их и проанализировать (исходя из логики технологического развития, окружающий мир постоянно трансформируется, а объем информации ежегодно растет по экспоненте). Однако параметры эффективности и скорости не полностью определяют существование человека и общества.

³³⁵ <https://pro.rbc.ru/news/6074770d9a794730d4d43373>

³³⁶ Например, Р. Курцвейл пишет: «Наша версия биологического тела 1.0 довольно хрупкая и имеет мириады сбоев, не говоря уже об обременительных процедурах обслуживания». Источник: О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019. С. 85.

Для большинства людей эти параметры не являются важными критериями качества жизни и благополучия.

Вторая гипотеза (это скорее убежденность) – развитие технологий и постоянное их совершенствование (в конкурентной борьбе компаний и энтузиастов) автоматически приводит к появлению и внедрению оптимальных технологических решений для всех задач, в том числе и социальных. Этот путь в своей основе выстроен на базе ошибочного предположения в том, что само наличие развитых технологических инструментов уже означает потребность их применения повсеместно, что не соответствует действительности. При решении задач, которые стоят в области социокультурного развития, новые технологии часто менее востребованы по сравнению с зарекомендовавшими себя подходами (основанными на социальной коммуникации, сочувствии и т. д.).

В целом эффект математизации сознания в социокультурных процессах, где требуются глубокие размышления и понимание сути вещей, достаточно точно описан знаменитой фразой Дж. фон Неймана, идеи которого легли в основу современных исследовательских трудов в области вычислительной техники: «In mathematics you don't understand things. You just get used to them»³³⁷. По-русски можно перевести следующим образом: «В математике вы не понимаете (не проникаете в сущности) вещей. Вы просто используете их (привыкаете к ним)». Именно к этому ведет автоматизм в усилении роботизации и стремление к увеличению скорости обработки данных – к неумению и нежеланию осмысливать глубину и сложность феноменов, с которыми сталкивается современный социум. Об этом же писал и А. Эйнштейн: «One is always seeing things without being sure that one does see them. Truth is a verbal concept, which cannot be submitted to mathematical proof»³³⁸, что можно перевести как: «Каждый человек смотрит

³³⁷ Эта фраза была произнесена Дж. фон Нейманом в ответ на один из вопросов, заданных ему. Источник: Zukav G. The Dancing Wu Li Masters An Overview of the New Physics. Bantam Books. 1979. P. 28.

³³⁸ The Death of Genius. Albert Einstein (1879-1955) // Life Magazine. 02.03.1955.

на вещи, не будучи уверенным в том, что он видит. Истина – это словесная концепция, которая не может быть подвергнута математическому доказательству».

Это полностью применимо и к трансформации феномена социального благополучия, который у технооптимистов (часто управляющих крупными корпорациями в области информационных технологий) практически в полном объеме связан только с материальным комфортом и хорошим здоровьем индивида, что, очевидно, обусловлено математизацией мышления.

3. В скором будущем большинство рутинных и даже творческих работ потенциально смогут выполнять алгоритмы и роботы, что приведет к высвобождению времени у человека. Отметим, что и ранее в истории подобное уже происходило – автоматизация и компьютеризация в аграрном секторе и в промышленности в XX веке лишила многих людей привычной им работы³³⁹. Также в прошлом известные исследователи делали прогнозы о том, что человек в скором времени станет проводить меньше времени на работе. Например, Дж. Кейнс считал, что в среднем работники будут заняты в трудовой сфере не более 15 часов в неделю³⁴⁰. Однако появление искусственного интеллекта делает роботизацию начала XXI века значительно масштабнее³⁴¹.

Однако человек все-таки не лишится полностью возможности и необходимости работать, как утверждают многие исследователи, детально изучающие проблемы технологической безработицы (D. Autor³⁴², Т.

³³⁹ The Automation Jobless // The Time. 24.02.1961.

³⁴⁰ Keynes J. Economic Possibilities for our Grandchildren. Essays in Persuasion. New York: W.W.Norton & Co. 1963. P. 370.

³⁴¹ Baldwin R. White-Collar Robots Are Coming for Job // The Wall Street Journal. 31.01.2019.

³⁴² D. Autor (Д. Отор) – профессор Массачусетского Технологического института, США. См. например: Autor D., Dorn D. The Growth of Low-Skill Service Jobs and the Polarization of the US Labor Market // American Economics Review №103(5). 2013.

Cowen³⁴³). Корректнее рассматривать вопросы безработицы с учетом замещающей и дополняющей силы³⁴⁴.

Автоматизация, машинное обучение, умные алгоритмы действительно ведут к высвобождению трудовых ресурсов. Тем не менее в истории мы всегда в таких случаях видим примеры действия дополняющей силы, которая формирует потребность в новых рабочих местах даже в условиях автоматизации. Этот эффект сложно увидеть наблюдателям в момент самих изменений, но он отмечается всеми исследователями по прошествии некоторого времени. Также подмечается, что люди часто недооценивают оставшийся спрос (после автоматизации и оптимизации) на рабочие места. «В общем и целом, его всегда хватало, чтобы обеспечивать занятость»³⁴⁵.

Дополнительно появляющаяся потребность в новых созданных направлениях и нишах, которые образуются в результате проявления дополняющей силы, и станет тем фактором, который позволит избежать фатального риска применения новейших технологий, о чем писал нобелевский лауреат по экономике В. Леонтьев (*Leontief W*). Он утверждал, что в скором будущем постоянно модифицируемые новые технологии приведут к масштабному вытеснению человека из трудовых отношений и это станет для людей тем, чем когда-то для лошадей стали автомобили, вытеснив животных из транспортной сферы практически полностью³⁴⁶. Однако детальный анализ последних двух веков с точки зрения труда человека в обществе показывает, что оптимизация снизила трудовую нагрузку намного меньше, чем это может показаться: человеческий труд «не устарел», а соотношение занятых к общей

³⁴³ Т. Cowen (Т. Коуэн) – профессор экономики в Университете Джоржа Мейсона (США). См. например: Cowen T. *Average Is Over: Powering American Beyond the Age of the Great Stagnation*. New York: Dutton, 2013.

³⁴⁴ См. например: Autor D. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // *Journal of Economic Perspectives* #29(3). 2015. P.3-30.

³⁴⁵ Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. - М.: Индивидуум, 2021. С. 52.

³⁴⁶ Leontief W. Is Technological Unemployment Inevitable? // *Challenge*. 1979. № 4 (22). P. 48-50.

численности населения даже выросло в течение XX века (в силу перераспределения между производственными сферами, повышения занятости женщин и т.д.), хотя, безусловно, заметен циклический рост безработицы в периоды кризисов и турбулентности в экономике и никто не может гарантировать долгосрочного стабильного труда где бы то ни было³⁴⁷.

Тем не менее в недалеком будущем социум действительно столкнется с ситуацией, когда у индивида станет больше свободного времени. И это, возможно, станет сильнейшим испытанием для управления социальным благополучием как для самого человека и общества, так и для государства³⁴⁸. Важно отметить, что многие социальные практики и нормы современного общества основаны на вовлеченности человека в трудовые отношения. Один из неочевидных результатов такой практики – это занятость индивида, которая формирует социальные рамки и не дает полностью осознать человеку больше свободы, что, в свою очередь, дает возможность определённого контроля со стороны общества и государства.

Тенденция снижения потребности в человеческом труде скорее всего долгосрочная. Рефлексия проблем труда и работы напрямую будет оказывать воздействие на то, как социум будет трансформировать свое отношение к свободному времени. В условиях, при которых будет меньше спроса на человеческий труд, возникнет необходимость переосмыслить роль свободного времени и контроля индивида через трудовую занятость. Все акторы социальных практик и норм (компании, государство, социальные группы, симбиозы человека и машин) будут работать над созданием своих смыслов работы и свободного времени³⁴⁹. Эта рефлексия будет активно трансформировать феномен социального благополучия, где

³⁴⁷ Autor D. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation†// Journal of Economic Perspectives. Volume 29(3). 2015. P. 5.

³⁴⁸ Loten A., Hang K. How Computers With Humanlike Senses Will Change Our Lives // The Wall Street Journal. 08.07.2021.

³⁴⁹ Welcome to the City of Tomorrow // The Wall Street Journal. 10.06.2021.

потенциал каждого индивида будет реализовываться не столько через работу и профессиональное развитие, а через другие виды вовлечения. Семья, досуг, обучение – в этих сферах будут созданы новые смыслы социального благополучия.

Таким образом, мы показали важнейшие вызовы, с которыми социум и индивид сталкиваются в области рефлексии социального благополучия в современном мире с эпоху киберцентризма, и которые влияют на рефлексию социального благополучия в настоящем и будущем: мучительное ощущение несовершенства, математизация мышления, технологическая безработица. Далее мы рассмотрим вопрос: как изменится парадигма управления социальным благополучием в информационном обществе, прогресс которого определяют главным образом инновации в области информации и технологий и где у человека (и у групп людей) не будет необходимости проводить значительную часть своего времени в регулируемом производственном, рабочем процессе?

3.3. Трансформация парадигм управления социальным благополучием в информационном обществе

Сталкиваясь с высокой скоростью развития техники и умных алгоритмом, а также с их социальными последствиями, общество начинает тестировать различные механизмы для предотвращения социально-экономических кризисов. Наиболее перспективными с точки зрения социального благополучия являются следующие направлениях социальных трансформаций: защита индивидуальности и культурного разнообразия; пересмотр роли труда в обществе; пересмотр роли образования в обществе; изменение принципа распределения общественного благосостояния.

1. Защита индивидуальности и культурного разнообразия. Стремление максимизировать прибыль (часто сверхприбыль) в области автоматизации и снижения затрат (прежде всего на штат сотрудников)

двигает и будет двигать работу нескольких тысяч энтузиастов по развитию искусственного интеллекта и дальше³⁵⁰. Их работы финансируются крупными компаниями и фондами, ориентированными прежде всего на получение прибыли в будущем.

Для сохранения культурной и устойчивой социально-психологической атмосферы в обществе вводит государственное регулирование, касающееся предпринимательской деятельности в области разработки технологий, с целью защиты социально-культурных прав индивида и местных сообществ. Это можно сравнить с механизмами и достижениями в охране культурных и природных памятников или государственными программами по экономической помощи социально значимым сферам хозяйства (например, фермерам во многих странах), где новые технологии как внедряются, так и ограничиваются в своём применении с учётом общего анализа социальной сферы³⁵¹. Таким образом общество выводит важные социально-психологические сферы жизни индивида и социальных групп из-под сферы влияния агрессивных виртуально-кибернетических рыночных отношений.

Такие государственные программы имеют своей целью защиту от автоматизации, роботизации и виртуализации мест отдыха и некоторых видов работы и обучения. Например, программы по сохранению библиотек в традиционном понимании (с бумажными книгами), традиционные парки (где люди смогут проводить время без виртуального общения), национальные конкурсы по вовлечению в традиционные мероприятия с привлечением детей (без использования компьютерных технологий), стимулирование школ по использованию новых технологий в ограниченных объёмах и только на тематических уроках (уроках информатики, например).

Законодательные основы защиты культурных ценностей, специфики регионов с их культурными кодами способствуют защите элементов

³⁵⁰ Silicon Valley bosses are globalists, not libertarians // The Economist. 13.09.2017

³⁵¹ Technology can help conserve biodiversity // The Economist. 19.06.2021.

человеческого благополучия. Эти сферы нужны человеку для саморефлексии и в целях предотвращения крайностей, о которых писал Харари: «Технологии XXI века позволяют внешним алгоритмам «взломать человеческую сущность» и узнать меня лучше, чем знаю себя я сам»³⁵².

Эти меры не могут быть основаны на популистских воззрениях о том, что роботизацию нужно искоренить – наоборот, роботизацию нужно внедрять, но только там, где это целесообразно с точки зрения управления социальным благополучием индивида и местных сообществ. Например, существуют и будут существовать целые индустрии, где потребители будут ценить услуги, оказанные именно другими людьми, а не роботами (приготовление и подача кофе, производство вин и т. д.)³⁵³.

Также в научном и предпринимательском сообществе эти идеи переходят уже следующий этап дискуссии – обсуждение механизма финансирования данной инициативы. Наиболее продуктивным является предложение налогообложения не только на капитал и рабочую силу, но и на самих роботов, то есть на роботизированные алгоритмы, которые помогают компаниям снижать свои затраты на рабочий труд (вытесняя таким образом человека с рабочего места). «Основная идея налогообложения заключается в том, что вы можете брать налоги с капитала или рабочей силы, а робот – это капитал»³⁵⁴. Это предложение нужно детальнее рассмотреть с точки зрения налогового регулирования, возможно, передавая налоговые инструменты с федерального на региональный и муниципальный уровень, что будет способствовать гибкости и повышению инвестиционной привлекательности тех или иных регионов.

2. Пересмотр роли труда в обществе. В новейшее время занятость (труд, работа) не только даёт доход, но и обеспечивает престижность,

³⁵² Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С. 385.

³⁵³ Об этих примерах и исследованиях на этой основе подробнее говорится здесь: Susskind D., Susskind R. The Future of the Professions. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 240-245.

³⁵⁴ Об этом говорит знаменитый миллиардер Бил Гейтс в нескольких интервью. См. например, интервью газете The Financial Times 20.02.2017: <https://www.ft.com/content/d04a89c2-f6c8-11e6-9516-2d969e0d3b65>.

социальное одобрение, психологический комфорт и даже для многих смысл жизни³⁵⁵. Это, например, прослеживается в знаменитом выражении Ф. Энгельса о том, что труд – это «первое основное условие всей человеческой жизни, и при том в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»³⁵⁶. Автоматизация и кибернетизация снижают потребность в человеческом труде – в том виде, к которому мы привыкли. Конечно, всегда сохраняется спрос на высококвалифицированных специалистов, но требования к ним становятся другими. И работы для них становится меньше. Это усиливает конкуренцию на рынке труда и необходимость запуска программ для переквалификации.

Так, Ю. Харари прогнозирует, что к 2050 году на земле появится новый класс людей – the useless class (класс ненужных людей), «людей, которые не просто не имеют работы, но и не могут быть трудоустроены»³⁵⁷. С таким прогнозом можно поспорить, имея в виду сложно прогнозируемый эффект дополняющей силы. Тем не менее необходимо осмыслить существование людей, которые будут лишены возможности работать в привычном для нас плане. Социальные институты способны предотвратить социальный кризис - для этого потребуются выработать новые предложения для людей по вовлечению в другие активности, способные помочь людям построить осмысленное существование. Что позволит модифицировать смыслообразующую нагрузку работы как деятельности, чтобы социальное одобрение распространялось и на тех, кто лишен возможности работать.

К тому же уже сейчас развиваются те направления труда, где людям будут нужны именно люди как помощники (обслуживание и помощь), и те направления, где машины еще долго не смогут конкурировать с людьми³⁵⁸. Например, автоматизация скорее всего не сможет коснуться вопросов

³⁵⁵ Avent R. Escape to another world // The Economist. 27.02.2017.

³⁵⁶ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека – М.: 1953, С.3.

³⁵⁷ Harari Y. The meaning of life in a world without work // The Guardian. 08.05.2017.

³⁵⁸ Lee K. F. Artificial Intelligence Is Powerful—And Misunderstood. Here's How We Can Protect Workers // The Economist. 11.01.2019.

заботы и наставничества, где и дальше сохранится спрос на работу людей в области: медицинского персонала по уходу за больными, престарелыми; персонала воспитателей и учителей (наставников) для разного уровня развития детей (процесс воспитания и образования не может быть автоматизирован полностью); штата профессиональных психологов, помогающих справиться с постоянными изменениями и т. д. И это далеко не полный список. Эксперты насчитывают значительный перечень сфер труда, где никогда не будет достигнута автоматизация³⁵⁹.

Для трансформации и «десакрализации» смысла работы уже сейчас как государства, так и частные компании могут внедрять некоторые экспериментальные программы. Практические шаги, которые уже способствуют трансформации роли труда: снижение норматива по рабочей неделе (например, четырехдневная рабочая неделя или 6-7-часовой рабочий день³⁶⁰) и распространение гибридных форм занятости (государство может стимулировать большее применение удаленной работы и использование офиса только для встреч – там, где это позволяет экономическая необходимость³⁶¹). Это создает условия для перехода к новому подходу рассмотрения сути труда: оценка произведённой работы строится не на основе времени, потраченного на пребывании на фиксированном рабочем месте, а на основе результата (это применимо не ко всем сферам занятости).

Высвободившееся время человек сможет использовать на семейные и общественные отношения. В этом случае социальные институты смогут обучать людей, как правильное и осмысленное проводить это время, что будет поощряться не только социальным одобрением, но и, возможно, финансово (один из вариантов использования налога на роботов). Общественная деятельность и волонтерство – важнейшие и недооцененные направления, которые могут частично заменить смысл, получаемый

³⁵⁹ Smith A., Anderson J. AI, Robotics, and the Future of Jobs: Key Findings // Pew Research Center. 06.08.2014.

³⁶⁰ Could a four-day working week become the norm? // The Economist. 08.07.2021.

³⁶¹ Samuel A. What to Do When Everybody Returns to the Office – but You Remain Remote // The Wall Street Journal. 31.07.2021.

индивидом от работы. При автоматизации многих индустрий пока трудно себе представить, что здесь снизится потребность в энтузиастах с эмпатией и сочувствием. Волонтерство (в России также называемое добровольчеством) основано на подходе «человеку нужен человек»³⁶². Этот принцип актуален при любой инфраструктуре и при любом уровне развития технологий.

Управление досугом ³⁶³ становится частью гибкого социального пакета, который предлагают работодатели и поощряет государство: для кого-то важно отработать три восьмичасовых смены в неделю, кому-то удобнее работать пять дней в неделю, но по четыре часа. Таким образом человек (с помощью работодателя) подстраивается под другие важные нерабочие активности в своей жизни (развитие детей, хобби, общественная деятельность и т. д.). Понятие пенсии также трансформируется – ведь досуг, совмещенный с некоторыми формами работы, может продлить вовлечение людей в послепенсионном возрасте (даже в минимальной по времени форме вовлечения людей). А так называемый пенсионный отдых может потребоваться и молодым людям на определенных жизненных этапах (свадьба, рождение детей, переучивание на другую профессию и т. д.)³⁶⁴.

Все эти меры разделяют смысловую увязку труда и смысла существования человека в глазах общества. И способствуют размыванию прямой связи между человеком и его экономической ценностью, фокусируя внимание общества на его человеческой ценности. Далее эти изменения влекут необходимость пересмотра подходов к цели и способам управления процессом образования.

3. Пересмотр роли образования в обществе. Существует устойчивое мнение, что в мире, где человек будет постепенно уступать в конкуренции машине, лишаясь рабочих мест, нужно давать людям возможность больше

³⁶² Квито Ю. По доброй воле // Российская газета. Спецвыпуск №277 (8331). 09.12.2020.

³⁶³ Досуг часто воспринимается как необходимый перерыв между вовлечением в работу для того, чтобы восстановить силы и исполнить минимально требуемые обществом социальные роли. Также к досугу можно отнести и выход на пенсию и время по уходу за детьми (в том числе и для отцов)

³⁶⁴ O'Connor. Living longer does not mean we should all work longer // The Financial Times. 30.03.2021.

обучаться и перенимать новые навыки как можно быстрее³⁶⁵. Ведь этого требует работодатель, сравнивая не только людей при поиске на закрытие вакансии, но имея в виду постоянно меняющийся контекст работы (т.е. автоматизацию и роботизацию). «На рынке труда сегодня работодатели хотят от кандидатов, чтобы они были экспертами высокого уровня в узком сегменте или обладали междисциплинарными компетенциями... Работодатели ищут не простых работников, а экспертов в программировании либо программистов, имеющих вторую компетенцию в какой-то предметной области»³⁶⁶.

Таким образом, лучший совет, которые сейчас дают консультанты по управлению карьерой: нужно постоянно учиться, переучиваться и овладевать новыми знаниями как можно быстрее. Однако этот вывод, релевантный для некоторых сфер экономики, в целом содержит ошибку. Для каких-то направлений и на какое-то время этот совет поможет. Но если посмотреть на общество в целом, то это ложный путь. Принцип «больше образования» приведет к усугублению проблемы. В этом мы снова видим пример математизации подхода анализа социальных явлений и практик.

Во-первых, как показано ранее нами в исследовании, во многих отраслях жизнедеятельности новые технологии настолько развиты и продуктивны уже сейчас, что экономически выгодно вкладывать в развитие машин, а не в образование людей. И крупные компании-работодатели будут вести еще более взвешенный расчет необходимости найма людей там, где есть возможность внедрить умный алгоритм.

Во-вторых, многие люди действительно не смогут или не захотят участвовать в постоянной «гонке обучения», зная, что рано или поздно очередная новая технология обесценит их труд и вытеснит их самих. Как

³⁶⁵ Таковую мысль чаще всего выдвигали в деловых изданиях, анализирующих возможное влияние новых технологий на размер штата сотрудников компаний. См. например: Goldin C., Katz L. *The Race Between Education and Technology*. London: Harvard University Press, 2009.

³⁶⁶ Цитата А.Владимирской на форуме «Цифровая экономика. Вызовы глобальной трансформации» (Сколково). См: Цифровизация образования в России и мире. // Аккредитация в образовании. №98 от 25.10.2017., а также: https://akvobr.ru/cifrovizaciya_obrazovaniya_v_rossii_i_mire.html.

заметил Д. Сасскинд: «Образование вообще не поможет, если вытесненные люди предпочтут не браться за доступную работу, потому что та не соответствует их представлению о себе, и если они не смогут переехать туда, где появляются новые вакансии»³⁶⁷.

В-третьих, само образование как институт в меняющемся мире потеряет некоторые свои функции. Обычно вопрос образования людей рассматривается вместе с вопросом экономического благосостояния и в качестве меритократического принципа в социальной экономике, где каждый получает согласно своему вкладу. То есть подразумевается, что образование даст возможность талантливым и упорным людям использовать так называемый социальный лифт, поднимаясь по лестнице материального благополучия и общественного одобрения. Также образование имеет целью снизить нарастающее экономическое неравенство между богатейшими и беднейшими.

Однако многие исследования показывают, что образование не решает проблему социально-экономического неравенства. Так, в исследовательской работе на эту тему замечено, что «если бы у всех был одинаковый уровень образования, различия в доходах (измеренных по стандартному отклонению) сократились бы всего лишь на 9%»³⁶⁸. Что недостаточно для решения проблемы неравенства. Тем не менее образование и далее будет важнейшей социальной сферой, придающей смысл человеку и социальным группам, а также помогая им адаптироваться к меняющемуся миру.

Исходя из этого, в образовательных программах и подходах целесообразно выделить два основных направления: учить людей тому, что роботы точно не смогут делать (в среднесрочной перспективе); помогать

³⁶⁷ Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. - М.: Индивидуум, 2021. С. 229.

³⁶⁸ Канеман Д. Думай медленно...решай быстро / Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2020. С.664.

людей осваивать навыки управления (и ограничения при необходимости) умными алгоритмами.

В первом направлении мы уже выделили ранее области труда, где эмпатия, забота о ближнем, воспитание будут привлекать к себе больше ресурсов – роботы не смогут конкурировать в этих направлениях, а самим людям нужен будет именно человеческий поход (в обслуживании, образовании и т. д.). Эти виды деятельности очень сложно автоматизировать и выделить алгоритмы действий для роботов, чтобы выстроить процесс автоматизации³⁶⁹.

Второе направление отвечает за подготовку высококвалифицированных специалистов по междисциплинарной программе, где для управления алгоритмами необходимо обладать как инженерными знаниями, навыками программирования или робототехники, так и глубокими гуманитарными знаниями, которые дают возможность сотрудникам осмысленно подходить к управлению роботами, в том числе ограничивать влияние роботов во многих сферах. Такие программы обучения будут учитывать как изучение естественно-научных и точных методов, так и методов гуманитарных наук (включая плюриверсализацию, давая возможность разобраться в противоречивых данных, которые дают, казалось бы, точные расчеты и эксперименты³⁷⁰). Это поможет сформировать мыслителей, способных не просто развивать технологии, но видеть мир и оценивать влияние возможных новых технологий в целом, с учетом экологии на планете, политических особенностей в развитых и развивающихся странах и их социального благополучия.

Пересмотр роли труда, образования, досуга потребует и экономической трансформации.

4. Изменение принципа распределения общественного благосостояния. Роботизация способна ускорить расслоение общества и

³⁶⁹ A study finds nearly half of jobs are vulnerable to automation // The Economist. 24.04.2018.

³⁷⁰ Data don't lie, but they can lead scientists to opposite conclusions // The Economist. 28.07.2021.

усилить маргинализацию беднейших слоев. Люди, не имеющие традиционного капитала (который бы давал им доход), обычно обеспечивают свое благосостояние за счет собственного труда, оттачивая навыки и таланты³⁷¹. Роботизация лишит этих людей не просто права на труд, а права на свою часть общего благосостояния общества. При этом люди, обладающие капиталом, не будут подвержены такому риску, а скорее будут получать выгоду от изменений. В условиях информационного взрыва и роботизации «человеческий капитал теряет ценность по сравнению с капиталом традиционным»³⁷².

Использование роботов (вычислительного интеллекта, алгоритмов) без кардинального пересмотра в распределении благосостояния в обществе является причиной будущего драматического изменению в социально-экономической жизни и полностью изменит рыночные отношения. Фактически работодатель получит в собственность не только средства производства (традиционный капитал, дающий дополнительную стоимость), но и рабочую силу (при условии замены людей роботами и умными алгоритмами). Таким образом, технокапитализм передает в руки собственников бизнеса мощнейшее средство обогащения, вытесняя из трудовых отношений множество людей. В этом случае ни повышение образования, ни другие традиционные меры не смогут остановить нарастание социального кризиса.

Избежать нарастающего кризиса поможет пересмотр социально-экономической концепции ориентации на рост как главный показатель развития благополучия общества. Высвобожденное время, которое возьмут на себя машины, необходимо рассматривать не с точки зрения экономического ценности, а с точки зрения человеческой. Во многих направлениях конкуренция с роботами не просто невозможна (даже при

³⁷¹ В этом плане абсолютно неустаревшей видится работа К.Маркса в области прибавочной стоимости и теории заработной платы. См: Маркс К. Капитал / Пер. с нем. С. Алексеева. – М.: Издательство АСТ. 2019.

³⁷² Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. - М.: Индивидуум, 2021. С. 203.

сильной мотивации человека к обучению новым навыкам³⁷³), но она заведёт общество в социальный тупик. Рассмотрение ситуации с точки зрения человеческой ценности смягчит негласный принцип: кто умнее и богаче, тот и получает большую часть экономического благосостояния общества. Регулирование в области распределения общественного благосостояния в конечном счете будет выгодно и работодателям в долгосрочной перспективе. Ведь в результате изменения рынка спроса на продукцию и услуги, поставляемые этими же компаниями, где будут наращены темпы роботизации и вытеснения людей с рабочих мест, будут сохранены в силу поддержания платежеспособности широких масс населения.

Помимо уже предложенного изменения в системе и подходах налогообложения («налога на роботов») в финансовой системе социального государства вводится механизм минимального базового дохода. Некоторые ведущие экономисты XX века уже предлагали и обосновывали эту идею с разными практическими концепциями для воплощения. Например, идею «минимального дохода для всех» («minimum income for all») поддерживал философ и экономист Ф. Хайек³⁷⁴. А практические эксперименты с этим механизмом с разным успехом в XX-XXI веках реализуются в Финляндии, Индии, Бразилии, Канаде, США и некоторых других странах³⁷⁵.

Есть и такие сообщества, которые эту идею подвергли критике и не приняли ее к реализации (например, в Швейцарии на референдуме отклонили эту идею)³⁷⁶. Реализация схожих экономических мер в Германии также подверглась критике в последние годы, в частности, в области того, что построенная на модели государства всеобщего благосостояния экономика угнетает предпринимательскую инициативу и опосредованно

³⁷³ Avent R. The Wealth of Humans: Work and Its Absence in 21st Century. – London. Allen Lane, 2016. P.55.

³⁷⁴ Hayek. F. The political order of a Free People // Law Legislation and Liberty. Volume 3. The University of Chicago Press. Phoenix edition. 1981. P.55.

³⁷⁵ Van Parijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Harvard University Press. 2017.

³⁷⁶ Усов И., Несвельский А. Швейцарцы отвергли идею базового дохода в \$2530 // Ведомости. 05.06.2016.

снижает уровень социального благополучия в обществе³⁷⁷. Тем не менее другие страны связывают с этим экономическим подходом повышение уровня социального благополучия в местных сообществах. Сейчас такие экономические программы известны под названием «безусловный базовый доход».

Большинство работ по безусловному базовому подходу рассмотрены с точки зрения экономического влияния на общество – в качестве вознаграждения индивидуумам в местных сообществах за проделанный труд (это близко по смысловой нагрузке с пенсионными выплатами) или как социальное пособие. В этом случае (и в условиях достаточного выбора мест трудоустройства для большинства) эти замечания вполне релевантны.

Идея же использования минимального дохода для всех в условиях снижения спроса на человеческий труд и роста производительности (в результате роботизации и снижения затрат на штат сотрудников) в корне отличается от философии вознаграждения за труд (пенсионные выплаты) или социального пособия, ведь в последнем случае государство через фонды платит человеку за то, что он не может найти работу и с целью поддержать его в этот момент. В среднесрочной перспективе в этом случае сохраняется стремление государства стимулировать человека всё-таки найти хоть какую-то работу и заставить его самому зарабатывать на всё необходимое.

В случае с минимальным безусловным доходом в условиях снижения спроса на человеческий труд у государства нет необходимости трудоустраивать индивида, ведь будет понимание между ключевыми институтами (государство, работодатели, местное сообщество), что экономической необходимости в поиске работы для человека нет (в большинстве сфер экономике). Он может найти работу сам, но это не

³⁷⁷ Гутник В.П. Германия: успехи и провалы социального рыночного хозяйства / В кн. Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран. М.: Институт экономики переходного периода, 2005. С. 33-34, 76-79.

отменит отсутствия экономической необходимости (а значит и мотивации) в трудоустройстве в долгосрочной перспективе.

На первый взгляд, это может вызвать риск появления так называемых тунеядцев, которые не смогут занять себя сами. Но если общество сможет «десакрализировать» смысл работы, выделяя человеческую ценность в индивиде, а не его экономическую, а также изменить понимание роли культуры, образования и досуга, то это поможет избежать появления так называемых бесполезных людей. Важнейший вектор изменений для социального развития будет в работе над осмыслением и переосмыслением многих привычных активностей человека. Это должна быть целенаправленная работа, движимая и финансируемая государством, как арбитра между работодателями, которые могут получить сильнейший фактор повышения прибыли, и сотрудниками, которые лишаются своего права на часть общего экономического благосостояния.

Финансовые ресурсы, которые направляются на программу безусловного дохода для всех, генерируются в рамках самой экономии от перехода на роботизацию. То есть это экономическая компенсация работодателя (собственников капитала и роботов) людям, которые теряют возможность применять свой труд и талант. Такой подход балансирует трудовые отношения и позволяет людям, не имеющим капитала и теряющим трудовые права, все еще иметь доступ к распределению общего благосостояния, которое создаётся в том числе и по причине того, что они теряют возможность работы. Но они не должны терять социальные и экономические права в социуме – именно это трансформирует общество для перехода от концепции экономической ценности на концепцию человеческой значимости. Такой подход заставляет по-другому смотреть на поставленный вопрос Харари: «Какими будут политические последствия появления нового массового класса экономически бесполезных людей?»³⁷⁸

³⁷⁸ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019. С 280.

И экономически, и политически описанный принцип сформирует позитивные последствия на социальное благополучие общества. Более того, некоторые детали этого подхода уже работают, например, в Норвегии, где пока вместо роботизации в качестве ресурсов используется нефть (с одной оговоркой – накопленные ресурсы нефтедобычи используются только в пенсионной системе, а наш подход при условии массовой роботизации расширяет применение финансового механизма на возможно максимальное количество граждан).

В Норвегии есть пример работы фонда, который аккумулирует доход от продажи нефти и инвестирует их как локально, так и глобально. Эта система состоит из двух фондов: Глобальный Государственный пенсионный фонд (GPFG) и Государственный пенсионный фонд Норвегии (GPFN). Инвестиционная составляющая этой системы фондов строится на принципе прозрачности, где каждый желающий может увидеть, сколько в любой момент времени составляет фонд и как он тратится ³⁷⁹. Модель распределения сверхдоходов от ресурсов показывает свою эффективность уже много лет – ее можно применить и в случае минимального безусловного дохода при использовании нового ресурса – массовой роботизации человеческого труда.

Приведённые нами предложения по четырём изменениям в парадигме управления социальным благополучием (защита индивидуальности и культурного разнообразия, пересмотр роли труда в обществе, пересмотр роли образования в обществе, изменение принципа распределения общественного благосостояния) касаются в основном уровней общества и социальным групп. Они также повлияют на трансформацию социального благополучия на уровне индивида.

Пересмотр роли труда, образования, досуга неизбежно затрагивает и изменения в области рефлексии смысла жизни человека. В современном

³⁷⁹ Это можно сделать по ссылке: <https://www.nbim.no/en/>, где также можно увидеть принципы инвестирования Норвежского пенсионного фонда.

мире индивиды во многом формируют свои социальные смыслы исходя из той роли, которую они играют в рефератных группах, ощущая степень социального одобрения. Для многих эта роль напрямую связана с трудом, работой, заработной платой и уровнем привилегий, которые дают (распределяются) на их основе. Переосмысление всего это вызовет и изменения рефлексии смысла жизни.

Историкоспецифичность и лингвоспецифичность феномена социального благополучия в цифровом мире лишь усилят персонализированный процесс рефлексии. Минимальный базовый доход позволит человеку быть более самостоятельным в принятии решений об управлении своим временем и полезностью для общества, ведь он будет уверен, что значительную часть своих базовых потребностей он сможет удовлетворить, даже не имея работы. Этот шаг приведет не только к экономическим изменениям, но и позволит нивелировать социальные страхи людей, связанные с внедрением инноваций и искусственного интеллекта в области производительности труда. С помощью этого шага все индивиды общества станут в большой степени бенефициарами прорывных технологий, что позволит людям отчасти чувствовать себя акционерами всех предприятий, находящихся в юрисдикции тех или иных местных сообществ.

Подведем итоги на основании вышеизложенного.

1. Стремление к автоматизации, роботизации и высокой скорости обработки данных вызвано жестокой конкуренцией крупных транснациональных компаний в погоне за прибылью. Эта логика толкает множество компаний инвестировать в новые технологии ради снижения затрат и занятия монопольных позиций на новых технологических нишах. Вовлечённые в индустрию передовых технологий квалифицированные кадры, приоритет финансирования, а также популяризация новинок в обществе — все это подталкивает социум и

индивида к автоматизации и в социальных вопросах. Математизация мышления в практических социальных областях с выделением только выгод материального плана развивает латентное, но постоянно проявляющееся ощущение несовершенства как в индивиде, так и в обществе.

2. Развитие технологий, несмотря на дополняющую силу и появления спроса на новые рабочие места, в будущем снизит общую потребность в человеческом труде. Для управления социальным благополучием в этих условиях необходимо трансформировать роль работы как источника доходов, социального одобрения и престижности. «Десакрализация» работы позволит создавать новые смыслы индивидуумам в освоении свободного времени, которое будет высвобождено в результате роботизации и использования вычислительного интеллекта.

Это приведет, в свою очередь, к пересмотру обществом роли образования и досуга в жизни людей. В образовании будет практически внедряться принцип «учить тому, что не смогут делать роботы» и «учить тому, чтобы контролировать и ограничивать работу умных алгоритмов». Регулирование внедрений новых технологий будет иметь целью защиты индивидуальности и культурного разнообразия местных сообществ, как это сейчас уже отработано в области защиты памятников природы. Такие меры в изменении восприятия привычных социальных практик и активностей будут служить залогом эффективного управления социальным благополучием во время трансформации общества в силу развития искусственного интеллекта и виртуально-кибернетической реальности.

3. Изменение восприятия и роли труда, образования, досуга в обществе должно сопровождаться изменением принципа распределения общественного благосостояния. Предлагается внедрить так называемый «налог на роботов», а также ввести минимальный базовый доход для всех. Люди, не обладающие традиционным капиталом при снижении потребности в рабочей силе, не просто будут лишаться источника дохода,

но и будут заведомо лишаться любого участия в общественном благосостоянии. При этом роботизация без соответствующего регулирования в налогообложении и введения минимального базового дохода для всех даст значительные преимущества только собственникам традиционного капитала. В долгосрочном плане эти экономические механизмы перераспределения будут выгодны и коммерческим компаниям, так как позволят сохранять на должном уровне платежеспособный спрос на их товары и услуги.

Важнейшим изменением при этом станет изменение роли государства и, в некоторой степени, работодателей и других социальных институтов. В процессе трансформации общества через изменение роли труда, образования, досуга они станут источниками предложения нового смысла для уже имеющихся социальных практик. И это будет сильнейшей трансформацией в области управления социальным благополучием после развития социально ориентированной экономики и общества всеобщего благосостояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе мы показали, что смысловая рефлексия феномена социального благополучия присутствовала в обществе на всех этапах его исторического развития. Это характерно и для ранних этапов, когда видны попытки осмыслить релевантные для нашего исследования темы: благо, удовольствие, счастье. Постоянная познавательная деятельность по рефлексии социального благополучия видна как на уровне общества и социальных групп, так и на уровне индивида в современном информационном обществе.

В проделанном анализе видно, что вопросы благополучия в философских концепциях являются лишь частными вопросами, которые дополняют другие мысли тех или иных учений (вплоть до середины XX века). В период раннего Средневековья фундаментальной была теоцентрическая доктрина, в которой акцент был сделан на христианские ценности. Позже философы обращаются к таким понятиям, как счастье, благо, добродетель. Но даже при обращении к понятию благополучия выделяется скорее его экономическая составляющая, суть которой гораздо уже социального благополучия, являющегося объектом диссертационного исследования.

Исследуя понятийное пространство феномена социального благополучия, мы отмечаем, что мыслители, живущие в тех или иных исторических эпохах, пытаются осмыслить феномены блага, благополучия, счастья, будучи полностью погруженными в ту или иную культурную и языковую систему. А это, в свою очередь, предопределяет их выводы.

Важнейшим достижением научно-практической деятельности в области управления социальным благополучием мы считаем появление в XX веке общественной модели с социально ориентированной экономикой, где потребности и права человека были поставлены в центр сложной

экономической системы, что было увязано с решением накопившихся вызовов капиталистическим отношениям и рыночной философии.

Дальнейший рывок в технологическом развитии станет следующим этапом в области эволюции управления социальным благополучием. Машинное обучение, искусственный интеллект и роботизация смогут частично решить накопленные проблемы в области управления данными и эффективности на благо повышения комфорта человека в целом.

Однако вместе с тем новые технологии принесут и новые угрозы. Помимо известных вызовов перед обществом встанет вопрос технологической безработицы и пересмотра роли труда для значительной части населения. Это подтолкнет к переосмыслению существующих социальных активностей (труд, обучение, свободное время и т. д.), а также к созданию и распространению новых смыслов. В большей степени эту роль на себя возьмет государство, отчасти – работодатели, которые и станут главными бенефициарами технологических изменений в обществе. Таким образом мы можем выделить еще одну важную функцию государства в период трансформации общества – смыслообразующую. Это направление станет не менее важным, чем другие в социально ориентированной экономике. Усиление смыслообразующей функции позволит государству как социальному институту совершить следующий переход в развитии и выделить в человеке не столько его экономическую функцию, но и человеческую ценность.

При этом государство должно выработать систему регулирования социальных отношений в целях укрепления социального благополучия общества, групп и индивида с введением новых технологий – те самые табу, о которых писал академик Моисеев Н.Н. Именно в неспособности человечества осознать и в чем-то смириться с некоторыми важными этическими ограничениями при развитии техники и общественных отношений он видел главную опасность: «...я вижу потенциальные

возможности, которыми располагает человечество, но у меня нет никакой уверенности в том, что оно окажется способным ими воспользоваться, что оно сумеет справиться с тем генетическим наследством охотников за мамонтами, которое живет во всех нас. Это наследство однажды отбросило все достижения античной цивилизации, погрузило Европу во мрак Средневековья, и это оно проявляется как в войне мировых и локальных войн, так и в каждодневном поведении жителей цивилизованного мира»³⁸⁰.

Неизбежные табу, о которых пишет Моисеев – это нечто иное как осознаваемые обществом «красные линии», границы, переход за которые запускает программу самоуничтожения цивилизации. Это относится, в том числе к области социального благополучия, прежде всего в развивающемся информационном пространстве и в условиях внедрения элементов искусственного интеллекта.

В нашей работе мы пришли к следующим выводам.

1. Проведенный анализ исследований и концепций в области рефлексии социального благополучия, а также в области тем близких по смыслу к этому феномену, показывает, что осмысление социального благополучия как для индивида, так и для социальных групп и общества, проходит на протяжении всей истории человека. Рефлексия этого феномена отражена в переосмысливании вопросов счастья, блага, благополучия, благосостояния. Будучи понятным по своей сущности каждому индивиду явление социального благополучия является в то же время глубоко лингвоспецифичным, а также культуроспецифичным и историкоспецифичным. Осмысление феномена происходит через языковую картину мира, наложенную на элементы социального одобрения и негласных правил, которые присущи каждому локальному сообществу.

Концептуализация социального благополучия выходит за рамки отдельных наук и должна рассматриваться вне узких рамок социальной

³⁸⁰ Моисеев Н. Универсум. Информационное общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. С. 19.

защиты, социального здоровья или личного психологического благополучия. Многогранный опыт переосмысления феномена привел в XX веке к появлению такой социально-экономической практики, как государство всеобщего благосостояния с социально-ориентированной экономикой.

Дальнейшие практические сложности этой модели (многие указывают даже на кризис государства всеобщего благосостояния³⁸¹), а также появление новых технологий, динамично меняющих привычные социальные практики в виртуально-кибернетической реальности и вызывающих опасения в области управления трудовыми отношениями в XXI веке, ставят перед обществом новые вопросы в области рефлексии социального благополучия в условиях развития искусственного интеллекта.

2. В ходе исследования нами уточнено смысловое наполнение феномена социального благополучия, при этом выявлена грань между явлением, понятием и феноменом. Дано определение социальному благополучию. Социальное благополучие – это феномен, отображающий уровень осознанности индивидом самого себя в его социальном развитии и осмысления его собственного бытия на основе взаимодействия с социумом и самим собой в той или иной языковой картине мира. При этом конституирование действительности индивидом, группой или обществом происходит с помощью языка, развивающегося по определённым правилам.

В общественной жизни можно выявить обозначение этого феномена в разных проявлениях: социальное благополучие общества, социальное благополучие группы и социальное благополучие индивида. В феномене социального благополучия проявляется познавательное движение индивида и общества на пути к ценностной и смысловой рефлексии социокультурного бытия. Этой аксиологической деятельности сопутствуют постоянные трансформации и изменения в процессе осмысления, а они, в свою очередь,

³⁸¹ Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния. – СПб.: Нестор-История, 2018. С. 127.

могут входить в противоречие с имеющимся индивидуальным и общественным опытом в области благополучия.

Рассмотрение феномена социального благополучия должно выходить за рамки отдельных специфических отраслей знаний. Сам феномен не может быть описан только терминами и методами психологии или социологии, где нами была прослежена тенденция отождествлять этот феномен с такими узкосмысловыми явлениями, как социальная защита, социальное здоровье или личное психологическое благополучие.

3. В работе нами выявлены особенности рефлексии феномена социального благополучия в условиях информационного общества. Индивиды и социальные группы, окруженные постоянно меняющимися новыми технологиями и находясь во условиях информационного взрыва, осмысливают социальное благополучие в рамках усиливающегося киберцентризма. Это приводит к логичному сравнению способностей человека и искусственного интеллекта и машин.

Такой подход развивает технократическое осмысление социального благополучия и размывает смысл и ценность многих важных элементов социальной жизни человека, поскольку они не вписываются в критерии технической эффективности. Это прежде всего относится к глубоким размышлениям человека, его переживаниям и эмоциям. Упрощение таких элементов жизни индивида в кибернетическом мире приведет к построению социумом модели по упрощению человека.

В управлении социальным благополучием необходимо учитывать опыт плюриверсальности социо-гуманитарного знания и социальных практик. Этот подход смещает акцент с линейного развития общества или индивида в сторону вариативности и возможности постоянного переосмысления основ феномена социального благополучия для локальных сообществ и индивидов, поскольку рефлексия феномена социального

благополучия имеет объективно разное смысловое насыщение в зависимости от языка, культуры и истории тех или иных социальных групп.

4. В проделанной нами работе даётся уточнение особенностей динамики рефлексии социального благополучия в условиях развития виртуально-кибернетической реальности как важного тренда трансформации общества. Нами обнаружено преобладание сциентистско-технологического мировоззрения среди тех энтузиастов, которые развивают виртуально-кибернетическое пространство в информационном мире, что приводит к концентрации новых технологий прежде всего вокруг идеи симбиоза человека и техники. Индивиды и социальные группы живут в условиях постоянно меняющихся новых технологий – это подталкивает их к переосмыслению своих социальных практик, и прежде всего социального благополучия, а также сравнению человека с умными алгоритмами.

В работе мы также выявили тенденции, показывающее, что в будущем социальное благополучие будет преобразовываться от потребностей человека в сторону удовлетворения потребностей симбиоза человека и машины. Среди основных потребностей этого симбиоза будет превалировать комфорт и безопасность. Эта тенденция может привести к риску снижения развития человеческого потенциала и его реализации в социальном устройстве.

5. В работе мы выделили три основные угрозы в области рефлексии социального благополучия в современном информационном мире с появлением киберцентризма: мучительное ощущение несовершенства, математизация и технологизация мышления, технологическая безработица. Экономическая логика компаний-работодателей, находящихся в непрерывном поиске путей максимизации прибыли, подталкивает компании инвестировать в новые технологии ради снижения затрат и занятия монопольных позиций на новых технологических нишах.

Яркие образы индустрии передовых технологий, использование квалифицированных кадров, приоритетное финансирование – все это подталкивает социум и индивида к технологизации в социальной рефлексии. Математизация мышления в области социального благополучия для многих кажется вполне логичным явлением. Однако этот подход несет в себе риски усугубления социального кризиса

В работе нами показано, как технологизация социальной сферы и математизация мышления развивает латентное, но постоянно проявляющееся ощущение несовершенства как в индивиде, так и в обществе. Экономические расчеты показывают, что для корпораций выгоднее становится вкладывать время, энергию и ресурсы в искусственный (вычислительный) интеллект, в машинное обучение и алгоритмы, а не в образование человека.

6. В исследовании нами дан прогноз трансформации парадигм управления социальным благополучием в информационном обществе. Несмотря на эффект дополняющей силы и появление спроса на новые рабочие места и новые квалификации, в будущем технологии снизят общую потребность в человеческом труде. В этих условиях социуму необходимо будет выработать новые ориентиры и правила социального одобрения – эта трансформация коснется переосмысления роли работы как источника доходов, социального регулирования и престижности. Необходимо настроить так называемый процесс «десакрализации» работы – это позволит создавать новые смыслы людям для овладения свободным временем, которое будет высвобождено в результате снижения спроса на человеческий труд и использования вычислительного интеллекта.

Переосмысление ценностной составляющей работы и занятости приведет, в свою очередь, к пересмотру социумом роли образования и досуга в жизни людей и социальных групп. В образовании необходимо внедрять принцип «учить тому, что не смогут делать роботы» и «учить тому,

чтобы контролировать и ограничивать работу умных алгоритмов». Регулирование использования новейших технологий предлагается установить исходя из основ защиты индивидуальности и культурного разнообразия местных сообществ (по принципу и опыту защиты памятников природы).

Регламент по внедрению технологий, изменение восприятия привычных социальных практик (работы, обучения) будут содействовать гибкому управлению социальным благополучием во время трансформации социума при усилении роли вычислительного интеллекта и расширения виртуально-кибернетической реальности.

В экономической части управления социальным благополучием предлагается пересмотр принципа распределения общественного благосостояния – за счет внедрения таких финансовых механизмов, как налогообложение роботов и минимальный базовый доход для всех. В работе нами показано, как это повлияет на смягчение возможных социальных последствий роботизации и поможет перестроить экономическую часть социума для дальнейшего развития государства всеобщего благосостояния.

Эти предложения смогут сбалансировать интересы как работодателей, получающих возможные сверхприбыли за счет снижения уровня человеческого труда, так и людей, не обладающих традиционным капиталом и лишающихся возможности участвовать в общественном благосостоянии через трудовые отношения. Коммерческие предприятия также получат уравновешенную государственную политику по стимулированию платежеспособного спроса на товары и услуги предприятий. В долгосрочной перспективе это даст возможность государству развивать смыслообразующую поддержку населению. Это сформирует новый вектор развития социальных институтов в области социально ориентированной экономики, трансформируя государство всеобщего благосостояния в другом направлении.

Государство, задавая пример и ориентиры в процессе модификации общества через изменение роли труда, образования, досуга, становится источником генерации нового социального смысла для уже имеющихся социальных практик. Это следующее важнейшее изменение в области управления социальным благополучием после развития общества всеобщего благосостояния.

Предложенный комплекс мер по управлению социальным благополучием во многом отражает мысль академика Моисеева о необходимости некоторых табу, чтобы помочь социуму не скатиться в новое Средневековье. Роботизация и внедрение искусственного интеллекта в будущем могут стать тем же источником общественного благополучия, как и нефтегазовые ресурсы в XX веке. История показывает, что только комплексный и осознанный подход со стороны общества может помочь использовать этот источник в качестве развития и укрепления социального благополучия. В противном случае новые технологии могут привести к нарастанию неравенства между богатейшими и беднейшими с дальнейшим усилением социально-экономического кризиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Часть 1. Труды по философии.

1. Августин А. Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991.
2. Алтухов В.Л. Контуры неклассической общественной теории // Общественные науки и современность. 1992. № 5.
3. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А.И. Доватура. – Мысль, 1983.
4. Блаженный Августин. Творения (том первый). Об истинной религии. СПб: Издательство «Алетейя».: УЦИММ-Пресс. 1998.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с фран. Е. А. Самарской. – М.: Издательство «Республика», 2006.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015.
7. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. Перевод с латинского В. А. Андрушко, Н. В. Ревякиной, И. Х. Черняка // Памятники философской мысли. - М.: Наука, 1989.
8. Гегель. Работы разных лет. В двух томах. Т.2. Сост., общая ред. А.В.Гулыгин. М.: Мысль. 1971.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1979.
10. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.3. М.: Чоро, 1994.
11. Кизима В.В. Постнеклассические практики: дивергенция, рефлексивность и управление / Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография / Под общ. Ред. В.И. Аршинова и О.Н.Астафьевой. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2012.
12. Конт О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
13. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.
14. Моисеев Н. Универсум. Информационное общество. – М.: Устойчивый мир, 2001.
15. Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн.1. – М.: Наука, 1979.
16. Ницше Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1,2 – М.: Мысль, 1990.
17. Ортегга-и-Гассет Х. Восстание масс. Сб.: пер. с исп. / Х. Ортегга-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

18. Платон. Протагор // Платон. Сочинение в 4 т. Т. 1. / Общ. Ред. А.Ф. Лосев: Пер. с древнегреч. – М.: Мысль. 1990.
19. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994.
20. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
21. Спиноза Б. Этика. – СПб: Азбука, 2012.
22. Степин В.С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания // Вопросы философии. 2016 №6.
23. Тоффлер Э. Футурошок / пер. с англ. – М.: АСТ. 2002.
24. Тузова Т.М. Картезианство // История философии: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002.
25. Уилсон Э.О. Биофилия: врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. Пер. с англ. С.Г.Пилецкого. – М.: УРСС. Ленанд. 2016.
26. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М. В. Вульф, А. А. Спектор. – М.: АСТ, 2006.
27. Фромм Э. Бегство от свободы / Перевод Г.Ф. Швейника. – М.: АСТ, 2011.
28. Фромм Э. Искусство быть / Пер. с англ. А. Александровой, С. Скворцова. – М.: Издательство АСТ, 2017.
29. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – 5-е изд. – М.: Академический проспект, 2015.
30. Хайдеггер М. Время и бытие (статьи и выступления). – М.: Республика, 1993.
31. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека – М.: 1953.
32. Hayek. F. The political order of a Free People // Law Legislation and Liberty. Volume 3. The University of Chicago Press. Phoenix edition. 1981.

Часть 2. Труды по другим социально-гуманитарным направлениям.

33. Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992.

34. Анисимова С.Г. Социальная политика в республике Саха (Якутия) / Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008.
35. Бем-Баверк, Ойген. Основы теории ценности хозяйственных благ // Избранные труды о ценности, проценте и капитале/ Ойген фон Бем-Баверк. – М.: Эксмо, 2009.
36. Беннетт Г. Coogie. Шотландское искусство счастья. – М.: Эксмо, 2018.
37. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998.
38. Блауг М. Теория перепроизводства Мальтуса // Экономическая мысль в ретроспективе - М.: Дело, 1994.
39. Большая книга о счастье / Борман Лео, пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2015.
40. Бурдьё. П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А.Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.
41. Вазари Дж. Избранные жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
42. Генон Р., Эвола Ю., Шуон Ф., Кумарасвами А. Свет и тени. – Тамбов: Ex Nord Lux. 2012.
43. Гвин Дж. Викинги. Потомки Одина и Тора / Пер с англ. З.Ю.Метлицкой. – М.: ЗАО Цетрполиграф, 2003.
44. Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002.
45. Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
46. Гутник В.П. Германия: успехи и провалы социального рыночного хозяйства / В кн. Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран. М.: Институт экономики переходного периода, 2005.
47. Евстифеев Р.В. Социальное государство versus государство социального благополучия? Политические аспекты социального мира / Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008.
48. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур. 2012.
49. Канеман Д. Думай медленно...решай быстро / Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2020.

50. Квито Ю. По доброй воле // Российская газета. Спецвыпуск №277 (8331). 09.12.2020.
51. Кейнс. Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. М.: Прогресс. 1978.
52. Кемптон Б. Wabi Sabi. Японские секреты истинного счастья в неидеальном мире. – М.: Эксмо, 2019.
53. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.
54. Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.
55. Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2015.
56. Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. – М., 1997.
57. Костина Е.Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // UNIVERSUM: Общественные науки – 2015 №6. (<https://elibrary.ru/item.asp?id=23650947>)
58. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с английского Т. П. Мосоловой. – М.: Эксмо, 2020.
59. Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. СПб.: «Алетейя», 2001.
60. Лосский В. Н. Паламитский синтез // Богословские труды. 1972.
61. Магидович В. И., Магидович И. П. Эпоха великих открытий до середины XVI века. – М.: Астрель, 2009.
62. Малинкин А.Н. Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии // Социологические исследования. 2006. № 1.
63. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ / Перевод Т.Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М. Логос, 2001.
64. Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Паникарова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
65. Маркс К. Капитал / Пер. с нем. С. Алексеева. – М.: Издательство АСТ. 2019.
66. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1987.
67. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.40. – М.: Издательство политической литературы. 1955-1974 г.г.

68. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2007.
69. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
70. Менгер К. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
71. Мескон М.Х, Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента, 3-е издание: Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2008.
72. Милль Дж. Утилитаризм. / Пер. с англ. А.С. Земерова. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013.
73. Носов Н. А. Манифест виртуалистики // Труды лаб. виртуалистики. Вып. 15. – М.: Путь. 2001.
74. Ойкен В. Основные принципы экономической политики// Пер. с нем. под общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. – М.: Прогресс, 1995.
75. О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019.
76. Оноре К. Без суеты: как перестать спешить и начать жить. In Praise Of Slow How A Worldwide Movement Is Challenging The Cult Of Speed. — М.: Альпина Паблишер, 2014.
77. Петровская Ю.А. Факторы социального благополучия как научная проблема – Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки – 2014. № 4 (36).
78. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. – М.: Прогресс. 1985.
79. Платонова С.И. Особенности российской социологии: наследие прошлого и вызовы настоящего // Международный научно-исследовательский журнал. №2 (68). 2018.
80. Платонова С.И. Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А.
81. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2010.
82. Рейнхарт К. Рогофф К. На этот раз все будет иначе: Восемь столетий финансового безрассудства / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2014.
83. Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008.

84. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. – М.: Индивидуум, 2021.
85. Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния. – СПб.: Нестор-История, 2018.
86. Скоробогатько А.В. Проблема общественного идеала в русской социальной философии: автореф...дис. док. фил. наук. – СПб.: 2004.
87. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн.1// Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. – М.: Эконов-Ключ, 1993.
88. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер.с англ. В.В.Сапова. – М.: Академический проспект, 2017.
89. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Под ред. Л. М. Брагиной. – М.: Изд-во Московского университета, 1985.
90. Талеб Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Карасева. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
91. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – 2-е изд., доп. / Пер. с англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
92. Управление цепями поставок: Справочники издательства Gower / Под ред. Дж.Гатторны (ред. Р.Огулин, М. Рейнолдс); Пер. с 5-го англ. изд. – М.: ИНФРА-М, 2008. (Научная редакция В.И. Сергеева, директора международного центра логистический исследований ГУ-ВШЭ).
93. Франкл В. Сказать жизни: «ДА!»: психолог в концлагере. – М.: Альпина Нон-Фикшн. 2019.
94. Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / Пер. с англ. С.С. Панкова. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2017.
95. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. — М.: Прогресс, 1990.
96. Франкл В. Теория и терапия неврозов: Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ. Пер. с нем. – СПб.: Речь, 2001.
97. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. – М.: Синбад, 2019.
98. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. – М.: Росспэн., 2005.
99. Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации // Культура и искусство. 2012. №. 3(9).
100. Хоружий С. С. Род или недород? // Вопросы философии. 1997, № 6.

101. Хрусталеv Ю.М. Биоэтика – философия сбережения здоровья нации / Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008.
102. Чернышев Д. Как люди думают. – М.: Манн, Иванов и Фарбер. 2013.
103. Шафф Ф. История христианской церкви. Том 3. «Никейское и посленикееvское христианство», 311-590 г. по Р.Х. СПб.: Мирт. 2012.
104. Штомпка П. Десять тезисов о статусе в неравном мире // Социологические исследования. 2013. №9.
105. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.
106. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 2. - СПб.: Экономическая школа, 2004.
107. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967.
108. Экономический словарь / А. И. Архипов и др.; отв. ред. А. И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010.
109. Нугге. Уютная книга о счастье по-скандинавски. 100 секретов простых радостей. – М: АСТ. 2017.
110. Ayyash-Abdo H. Subjective well-being during political violence and uncertainty // Journal of Applied Psychology: Health and Well-being. 2010 (2).
111. Ahmed M. Abdel-Khalek. Religiosity and subjective well-being in the Arab context: addendum and extrapolation // Mental Health, Religion and Culture. 2019. Vol. 22 (8).
112. Arnold D. The Age of Discovery, 1400–1600, Lancaster pamphlets. – Routledge, 2002.
113. Autor D. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation†// Journal of Economic Perspectives. Volume 29(3). 2015.
114. Autor D., Dorn D. The Growth of Low-Skill Service Jobs and the Polarization of the US Labor Market // American Economics Review №103(5). 2013.
115. Avent R. The Wealth of Humans: Work and Its Absence in 21st Century. – London. Allen Lane, 2016.
116. Bergman M, Jonides J., Kaplan S. The cognitive benefits of interactive with nature // Psychological Science. Vol.19. 2008.
117. Beveridge W. Social Insurance and Allied Service. L., 1942.

118. Binti A. F., Mayasari R. Subjective Well-Being, Psychological Well-Being, and Islamic Religiosity // International Journal of Science and Research (IJSR). Volume 4, Issue 12 (2015).
119. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – University Press. Oxford, 2014.
120. Braudel F. The Wheels of Commerce, vol. II of Civilization and Capitalism 15th–18th Century. – University of California Press, 1992.
121. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine. 1969.
122. Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The quality of American life. New York: Russell Sage Foundation, 1976.
123. Carr N. The Glass Cage: How Our Computers Are Changing Us. – W. W. Norton Company. 2015.
124. Chen Y., Williams M. Subjective well-being in the new China: religion, social capital, and social status: Subjective well-being in the new China // British Journal of Sociology. 2016, № 67(4).
125. Cheung C.-K., Leung K.-K. Forming life satisfaction among different social groups during the modernization of China // Journal of Happiness Studies. 2004 (5).
126. Cohen R. Creolization and Cultural Globalization: The soft sound of fugitive power // Globalization Vol. 4 (2) 2007.
127. Cowen T. Average Is Over: Powering American Beyond the Age of the Great Stagnation. New York: Dutton, 2013.
128. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. Harper & Row. 1990.
129. Csikszentmihalyi M., Hunter J. Happiness in everyday life: The uses of experience sampling // Journal of Happiness Studies. №4(2). 2003.
130. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin, 1984, 95(3).
131. Diener E., Emmons A., Larsen J., Griffin, S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. №49. 1985.
133. Diener E., Suh M., Lucas R., Smith H. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, No. 2.
133. Diener E., Oishi S., Lucas R. E. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. Handbook of Positive Psychology. Oxford and New York: Oxford University Press. 2002.
134. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity. 1990.

135. Grace K., Salvatier J., Dafoe A. When AI Exceed Human Performance? Evidence from AI Experts // Journal of Artificial Intelligence Research. 2018. № 82.
136. Goldin C., Katz L. The Race Between Education and Technology. London: Harvard University Press, 2009.
137. Hammet F. Virtual Reality – New York: Straus Ed. – 1993.
138. Haynes J. Religion, Globalization and Political Culture in the Third World. – New York: St. Martin's Press. 1999.
139. Heather P. Empires and barbarians. – PanBooks. 2009.
140. Heim M. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice, and promise. Edited by Sandra K. Hesel and Judith Paris Roth. Meckler publishing. London. 1991.
141. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide / New-York: New-York University Press. 2006.
142. Kafestios, K., Sideridis G. Attachment, social support and well-being in young and older adults // Journal of Health Psychology. 11(6), 2006.
143. Kass L. Foreword to Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness – Washington: President's Council on Bioethics, 2003.
144. Keynes J. Economic Possibilities for our Grandchildren. Essays in Persuasion. New York: W.W.Norton &Co. 1963.
145. Krueger M. Artificial reality: Past and Future // Virtual reality: theory, practice, and promise. Edited by Sandra K. Hesel and Judith Paris Roth. Meckler publishing. London. 1991.
146. Kusago T. The evolutionary path of the 21st Hyogo Long-term Vision Project in Japan: community development, resilience, and well-being // Community Development Journal. 2017, №52 (1).
147. Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Deckle Edge. 2010.
148. Leontief W. Is Technological Unemployment Inevitable? // Challenge. 1979. № 4 (22).
149. Levy P. Cyberculture / University of Minnesota Press. 2001.
150. Lewis M. Moneyball: The Art of Winning an Unfair Game. W.V.Norton - New York. 2003.
151. Lyubomirsky S. Hedonic Adaptation to Positive and Negative Experiences // The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping. Oxford University Press. 2011.

152. Macdonald G. Social care: rhetoric and reality / What works. Evidence-based policy and practice in public service. Edited by: H. Davies, S. Nutley, P. Smith. The Policy Press. University of Bristol. 2000.
153. McKinley R.A. Acceleration of Image Analyst Training with Transcranial Direct Current Stimulation // Behavioral Neuroscience, 127 (6). 2013.
154. McMurtry J. Value Wars: The Global Market Versus the Life Economy, London and Sterling: Pluto, 2002.
155. Nederveen J. Globalization and Culture: Global Melange. - Rowman and Littlefield, third revised edition. 2015.
156. Ohmae Kenichi. The End of the Nation-State. The Rise of Regional Economies. - London, Harper Collins Publishers, 1995.
157. Pavot W., Fujita F., Diener E. The relation between self-aspect congruence, personality and subjective well-being. Personality and Individual Differences. 1995 (22).
158. Ritzer G. Macdonaldization of Society. – Los Angeles: Pine Forge Press. 2008.
159. Robertson R. Comments on the Global Triad and Glocalization. In Inoue, N (ed.) Globalization and Indigenous Culture. Institute for Japanese Culture and Classics. Tokyo: Kokugakuin University, 1997.
160. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current directions in psychological science. 1995. Vol. 40.
161. Sally A. Zap Your Brain into the Zone: Fast Track to Pure Focus // New Scientist. 6.02.2012.
162. Sandberg A., Bostrom N. Whole Brain Emulation: A Roadmap. Technical Report // Future of Humanity Institute, Oxford University. 2008. №3.
163. Sarroub L. K. Living «Glocally» with Literacy Success in the Midwest. Faculty Publications: Department of Teaching, Learning and Teacher Education. – Nebraska. 2008.
164. Shek D. Pioneer in Chinese Quality of Life Research // Applied Research Quality Life 13, 2018.
165. Shandong Xing. An Initial Research on Output Well-Being Index Applied to Residents in Wealthy Counties From China // The Measurement of Subjunctive Well-Being in Survey Research. Vol. 16. No.3, 2015.
166. Sharma Kumar. Emerging dimensions of decentralization debate in the age of Glocalization. MPRA Paper 6734, University Library of Munich, Germany, 2008.

167. Shmotkin D. Happiness in Face of Adversity: Reformulating the Dynamic and Modular Bases of Subjective Well-Being // Review of General Psychology. 9 (4), 2005.
168. Shmotkin D. Pursuit of Happiness: Alternative Conceptions of Subjective Well-Being. L. W. Poon & J. Cohen-Mansfield. // Understanding Well-Being in the Oldest Old. New York: Cambridge University Press. 2011.
169. Shmotkin D., Avidor S., Shrira, A. The Role of the Hostile-World Scenario in Predicting Physical and Mental Health Outcomes in Older Adults // Journal of Aging and Health. 2016 (5).
170. Shmotkin, D., Lomranz, J. Subjective Well-Being among Holocaust Survivors: An Examination of Overlooked Differentiations // Journal of Personality and Social Psychology. 1998 (75).
171. Sim S. The End of Modernity: What the Financial & Environmental Crisis Is Really Telling Us, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
172. Sorokin P., Merton R. K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. – 1937. № 5.
173. Strümpfer D. The Strengths Perspective: Fortigenesis in Adult Life // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. 2006. Vol. 77. Issue 1.
174. Susskind D., Susskind R. The Future of the Professions. Oxford: Oxford University Press, 2015.
175. Swadesh M. Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // International Journal of American Linguistics. 1955. v.21.
176. Tamura H. China: Understanding Its Past. – University of Hawaii Press, 1997.
177. The Future of the Welfare State. A comparative study in EU-countries. Lambertus-Verlag, Freiburg. 2012.
178. Thorsteinsen K., Vitterso J., Striving for wellbeing: The different roles of hedonia and eudaimonia in goal pursuit and goal achievement // International Journal of Wellbeing, #8(2), 2018.
179. Timuss R.M. Commitment to Welfare. London: Allen & Unwin. 1968.
180. Ulrich R. View through a window may influence recovery from surgery // Science, Vol. 224 (3). 1984.
181. Van Perijs P., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Harvard University Press. 2017.
182. Verhooven R. Advances in understanding happiness // Erasmus University Rotterdam and University of Utrecht. Netherlands. 1993.

183. Watson D., Clark L., Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. 54.
184. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press. 1992.
185. Willem van der Deijl. What happiness science can learn from John Stuart Mill // International Journal of Wellbeing, 2016. 6(1).
186. Wilhelm von Humboldts Werke. 17. Bde. A. Leitzmann (Hg.). Berlin: B.Behr, 1903–1936.
187. Wilson W. Correlates of Avowed happiness // Psychological Bulletin. 1967.
188. Work life balance. Harvard Business Review. – М.: Альпина Бизнес Букс. 2006.
189. Zhanjun Xing, Liqing Huang. A National Study on Subjunctive Well-being Scale for Chinese Citizens (SWBS-cc) // International Journal of Applied Psychology. No.9 (15). 2019.
190. Zukav G. The Dancing Wu Li Masters An Overview of the New Physics. Bantam Books. 1979.

Часть 3. Статьи в средствах массовой информации.

191. Усов И., Несвельский А. Швейцарцы отвергли идею базового дохода в \$2530 // Ведомости. 05.06.2016.
192. Цифровизация образования в России и мире. // Аккредитация в образовании. №98 от 25.10.2017.
193. A study finds nearly half of jobs are vulnerable to automation // The Economist. 24.04.2018.
194. Appendix Isn't Useless At All: It's A Safe House For Good Bacteria // ScienceDaily. Duke University Medical Center. 08.11.2007.
195. Automation and Anxiety // The Economist. 25.05.2016.
196. Avent R. Escape to another world // The Economist. 27.02.2017.
197. Baldwin R. White-Collar Robots Are Coming for Job // The Wall Street Journal. 31.01.2019.
198. Could a four-day working week become the norm? // The Economist. 08.07.2021.
199. Data don't lie, but they can lead scientists to opposite conclusions // The Economist. 28.07.2021.

200. Diamandis P. In the next 10 years, we'll reinvent every industry // The Guardian. 25.01.2020.
201. Groom B. The wisdom of Horse Manure // Financial Times. 2.09.2013.
202. Harari Y. The meaning of life in a world without work // The Guardian. 08.05.2017.
203. Hawking S. This Is the Most Dangerous Time for Our Planet // Guardian. 01.12.2016.
204. How spooks are turning to superforecasting in the Cosmic Bazaar // The Economist. 17.04.2021.
205. Lee K. F. Artificial Intelligence Is Powerful – And Misunderstood. Here's How We Can Protect Workers // The Economist. 11.01.2019.
206. Loten A., Hang K. How Computers With Humanlike Senses Will Change Our Lives // The Wall Street Journal. 08.07.2021.
207. O'Connor. Living longer does not mean we should all work longer // The Financial Times. 30.03.2021.
208. Pullella P. Pope Francis: The internet, social networks and text messages are a gift of God // Business Insider. 22.01.2016.
209. Samuel A. What to Do When Everybody Returns to the Office – but You Remain Remote // The Wall Street Journal. 31.07.2021.
210. Silicon Valley bosses are globalists, not libertarians // The Economist. 13.09.2017.
211. Smith A., Anderson J. AI, Robotics, and the Future of Jobs: Key Findings // Pew Research Center. 06.08.2014.
212. Steadman I. IBM's Watson is Better at Diagnosing Cancer than Human Doctors // Wired. 11.02.2013.
213. Technology can help conserve biodiversity // The Economist. 19.06.2021.
214. The Automation Jobless // The Time. 24.02.1961.
215. The Death of Genius. Albert Einstein (1879-1955) // Life Magazine. 02.03.1955.
216. The World's Most Valuable Resource Is No Longer Oil, but Data // The Economist. 06.05.2017.
217. Vinod K. Technology will replace 80 per cent of What Doctors Do // Fortune. 4.12.2012.
218. Welcome to the City of Tomorrow // The Wall Street Journal. 10.06.2021.